

СМЕНА

№ 18 СЕНТЯБРЬ 1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ЧУДО ЗЕМЛИ

РЕШЕНИЯ XXV СЪЕЗДА КПСС ВЫПОЛНИМ!

пятилетке эффективности и качества — энтузиазм и творчество молодых! Эти слова, известные всей стране, передают отношение молодого поколения к ответственнейшим задачам, поставленным XXV съездом КПСС.

«Ориентация всех отраслей экономики, работы каждого министерства и предприятия на решительное повышение эффективности и качества — это, товарищи, теперь самое важное», — говорил в Отчетном докладе XXV съезду Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. Н. Брежнев.

Комсомольские организации в центр всей своей работы ставят конкретные меры по повышению эффективности и качества труда. Экономическая страте-

гия партии реализуется в тысячах и тысячах практических дел — у станка, в лаборатории, на стройке, на всех участках и рубежах общественного производства. Ширится размах соревнования за право подписать рапорт Ленинского комсомола Центральному Комитету КПСС в честь 60-летия Великого Октября.

Пятилетка эффективности и качества — новый этап в развитии социалистического общества, в биографии страны и народа. Будни десятой пятилетки — деловитость, научная обоснованность решений, масштабность творческого поиска, единый сплав опыта и мудрости старшего поколения коммунистов со смелой фантазией и неиссякаемой энергией молодежи.

Е. ВОЛКОВ. Недавно я готовился к беседе с поступившими к нам на «ЯМЗ» ребятами и просматривал почту с отзывами о нашей продукции. Не скрою, читать было приятно. Писем очень много. С заводов, с нефтепромыслов,строек, из городов и сельских мест. Анатолий Михайлович, а что, если попытаться представить себе, где сейчас, в эту минуту, трудятся наши ярославские дизели?

А. ДОБРЫНИН. Картина была бы фантастическая. Давайте прикинем... Ярославский моторный — флагман объединения «Автодизель» — самое крупное в стране предприятие, где проектируются и производятся дизельные двигатели. Ну, а применяются они, как известно, буквально во всех отраслях народного хозяйства. В год — десятки тысяч моторов. Наша «клиентура» — 360 предприятий Советского Союза. Мотор, это понятно, не «вещь в себе». Говорят иногда — «стальное сердце машины». Наши ярославские «стальные сердца» стучат под капотами автомобилей Минского, Могилевского, Белорусского, Кременчугского заводов, они приводят в движение армию ленинградских тракторов «Кировец», ими оснащаются гусеничные тягачи, экскаваторы, строительные и дорожные машины, передвижные электростанции, катера и лесосплавные суда и многое, многое другое, без чего не обойтись современной экономике. География — от Карелии до Камчатки, от Енисея до Памира.

Е. ВОЛКОВ. А если бросить взгляд за пределы страны, то можно сказать: от полюса до полюса...

А. ДОБРЫНИН. И это не будет просто звонкой фразой. От полюса до полюса — в самом прямом смысле. В оснащение советских экспедиций, работающих возле Северного и Южного полюсов, обязательно входят и наши дизели — в самой разной «упаковке»... Если же говорить об экспорте, составляющем приблизительно 12—15 процентов продукции объединения, то здесь дело выглядит так: 60 стран Европы, Азии, Африки, Латинской Америки покупают двигатели из Ярославля или машины, этими двигателями оснащенные. Так что «фронт работ» у нашей продукции — полюс и экватор, горы и джунгли, районы вечной мерзлоты и самые огнедышащие пустыни.

Е. ВОЛКОВ. От геологических экспедиций, заброшенных в тайгу, до строек века — БАМа и КамАЗа.

А. ДОБРЫНИН. Что касается КамАЗа, то к нему мы прирастаем самыми тесными родственными узлами: четвертый завод объединения, строящийся за Волгой, будет поставлять дизельную аппаратуру в Набережные Челны.

Е. ВОЛКОВ. Ярославский мотор-

Уроки жизни

Евгений ВОЛКОВ,
инженер,
секретарь комитета ВЛКСМ
Ярославского моторного
завода

**Анатолий Михайлович
ДОБРЫНИН,**
генеральный директор
объединения «Автодизель»,
Герой Социалистического
Труда,
лауреат
Государственной
премии СССР

ЧЕЛОВЕК МОТОРУ. МО

ный — звучит! Надо сказать, это хорошо понимают и чувствуют ребята, которые сегодня к нам приходят. Гордятся ребята принадлежностью к славному племени ярославских моторостроителей, гордятся тем, что мы делаем.

А. ДОБРЫНИН. Но главное, полагаю, все-таки — тем, как делаем...

Е. ВОЛКОВ. И тут появляется слово «моторесурс»... Разве найдешь на заводе хоть одного человека, даже если он совсем недавно работает, который не знал бы, что за этим словом стоит? Вероятно, Анатолий Михайлович, это наше преимущество, что за главные понятия пятилетки — «эффективность», «качество» — переводятся на язык моторостроителей с такой предельной четкостью?

А. ДОБРЫНИН. В каждой отрасли народного хозяйства, в каждой сфере трудовой деятельности существуют свои ключевые формулы, свои главные показатели качества, свой, так сказать, «моторесурс». В каком-то случае его, возможно, легче привести к общему знаменателю, в другом — сложнее. Когда мы на Ярославском моторном выбрали и — я подчеркиваю — экономически обосновали как основной показатель

качества дизельных двигателей их моторесурс, то есть наработку в часах до первого капитального ремонта, мы исходили из многих факторов. Повторяю, это было экономически обоснованное, а стало быть, перспективное решение. Случайно, наобум, с потолка такие формулы брать недопустимо. Экономика не терпит легковесности и легкомыслия в определении главных задач и направлений работы — она жестоко мстит за пренебрежение к объективным законам и реальностям. Это как на фронте — правильно или неправильно определить направление главного удара. Можно выиграть бой, а можно расплыть силы или не туда их двинуть, и тогда поражение.

Е. ВОЛКОВ. Мне кажется, символично, что среди работников «ЯМЗ», получивших Государственную премию за новое семейство двигателей и за разработку и внедрение системы управления качеством, — ученый и партийный секретарь, металлург и инженер, конструктор и наладчик.

А. ДОБРЫНИН. Я не представляю себе действенную систему управления качеством продукции, которая не была бы комплексной, не охватывала бы все стороны производ-

ственного процесса и все звенья производственной цепочки. Это, если хотите, как живой организм, он неполноценен, когда какая-то его часть отключена, бездействует или действует не на полную мощность.

Е. ВОЛКОВ. Знакома заводскую молодежь с системой управления качеством продукции, мы, комсомольские работники, рассказываем, что в начале шестидесятых годов, когда коллектив завода выступил инициатором соревнования за повышение моторесурса, уровень определялся цифрой в 3 тысячи часов. К 1970 году моторесурс был доведен до 6 тысяч часов. В 1975 году он составил 8 тысяч. В канун XXV съезда завод выпустил первую партию дизелей с моторесурсом в 10 тысяч часов.

А. ДОБРЫНИН. Начиная с III квартала 1976 года это стало стандартным уровнем. Вот и давайте считать: что означает для народного хозяйства двигатель, срок работы которого вдвое или втрое больше, чем у прежних? Страна может обойтись без строительства двух-трех гигантских заводов типа нашего Ярославского. А это сотни миллионов рублей.

Е. ВОЛКОВ. Комитет комсомола в работе с молодежью завода исходит

из того, что борьба за качество — дело конкретное. Не просто лозунг, призыв, но и анализ труда лучших, и дискуссия, и обмен опытом, и скрупулезное изучение технологии, ее «подводных камней» и резервов.

А. ДОБРЫНИН. Акцент правильный. Выдвигая задачу увеличения моторесурса, мы не сомневались, что ее реализация вызовет далеко идущие последствия в различных направлениях и плоскостях, своего рода «цепную реакцию». Возьмем, к примеру, такую проблему... Двигатель — это металл. Чтобы повысить долговечность дизеля, мы потребовали от металлургов более качественной стали. Двигатель — это и химия. Для увеличения моторесурса необходимы масла с лучшими присадками, лучшего качества топливо. Разумеется, мы не просто просили поставщиков работать качественнее — мы вместе с ними искали решения... Долговечность двигателя — это не в последнюю очередь культура эксплуатации. Нам потребовалось тщательно проработать, а затем популяризировать передовые, научно обоснованные методы эксплуатации. Приглашали для обучения по специальной программе тех, кому нашу продукцию предстояло принимать и применять, — будем этим и в будущем заниматься. Наконец, еще одна сторона дела. Если увеличился ресурс двигателя, то необходимо продлить время службы и трактора и автомобиля. А то ведь может возникнуть парадокс: какой смысл повышать моторесурс, если он выходит за пределы жизни машины? Иными словами, наша «операция на стальном сердце» дала импульсы для многих отраслей промышленности. И это ценный предварительный итог. Предварительный, ибо окончательно тут быть не может, движение от хорошего к лучшему предела практически не знает. Нас радуют достигнутые экономические показатели, и, оценивая их, мы, естественно, вновь и вновь ставим вопрос: что нужно сделать, чтобы поднять активность рабочего человека, сделать более обдуманной его подход к собствен-

своей продукции. Одни говорили: это не наше дело, это дело капиталистов. Другие отвечали: мы не можем выпустить из своих рук плохую вещь, это унижает наше человеческое достоинство. «Вот видите, товарищи, — говорил Калинин, — даже в дореволюционный период, во время капитализма, часть рабочих, борющихся с капиталистами, смотрела на дело так, что нельзя делать вещи плохо — это им претило, они как бы совестились. А у нас в социалистическом обществе, когда мы работаем не на капиталистов, а на самих себя, всем ли претит, все ли совестятся делать плохие вещи?» И отличное изделие и брак — дело рук человека. Мы стараемся поднять в сознании молодых рабочих вес таких понятий, как культура труда, рабочая честь. Учиться есть у кого — 4 тысячи комсомольцев завода стали ударниками коммунистического труда. Комитет комсомола хорошо показал передовика — сейчас мы хотим больше «внимания» уделить бракоделу.

А. ДОБРЫНИН. Показать бракодел и показать причину брака...

Е. ВОЛКОВ. Мы эту задачу так и воспринимаем. Выпуская молнию «Внимание, брак!», не только называем человека, виновного в выпуске бракованной продукции, но и объясняем, почему пошел брак. Наши посты качества комплектуем так, чтобы в них были люди, которые смогли бы не только разобраться в причинах брака, но и помочь устранить их.

А. ДОБРЫНИН. Воспитывая человека, мы добиваемся повышения качества. Повышая качество, мы воспитываем человека. Растут его требования не только к своему изделию, но и к самому себе. Диалектика очевидная и бесспорная.

Е. ВОЛКОВ. Количество и качество... Количество, переходящее в качество... На семинарах в Политехническом институте мы много рассуждали об основных законах диалектики. Но вот применение их на практике... Здесь, конечно, готовых рецептов не существует. Приведу такой пример. У нас в комитете ВЛКСМ решено со-

Наша обложка:
краснодарская
десятиклассница
Елена МАЛЫХИНА.

Фото
Анатолия БОЧИННА

- 1** УРОКИ ЖИЗНИ.
Диалог инженера, секретаря комитета ВЛКСМ Ярославского моторного завода Евгения ВОЛКОВА и генерального директора объединения «Автодизель», Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной премии СССР Анатолия Михайловича ДОБРЫНИНА.
- 3** ОТВЕТ НА ПИСЬМО ЧИТАТЕЛЯ.
«ЗНАК КАЧЕСТВА — ВСЕГДА ПИ ПО ЗАСЛУГАМ!»
- 4** ГИГАНТЫ СОВЕТСКОЙ ИНДУСТРИИ.
«ПЕРВЫЙ ЧАС СОЛНЕЧНОГО ПУТИ».
Очерк Бориса ФАИНА.
- 7** Александр ЯКОВЕНКО «ХЛЕБ И ХАРАКТЕР».
- 8** Рассказ Леонида ФРОЛОВА «ДЕВКИ ПРИЕХАЛИ».
- 12** «СЕНТЯБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ».
Обзор зарубежной печати.
- 14** «ПЕРЕПРАВА». Фотоочерк Владислава ЯНЕЛИСА и Александра НАГРАЛЬЯНА.
- 17** ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ.
«Дмитрий ШОСТАКОВИЧ».
- 21** ПРОШУ СЛОВА.
«НЕВЕСЕЛОЕ «ВЕСЕЛЬЕ».
- 24** ФЕСТИВАЛЬ ПОЭМЫ.
Поэма Владимира КОСТРОВА «СОКОЛЬНИКИ».
- 26** Роман Богомила РАЙНОВА
«БРАЗИЛЬСКАЯ МЕЛОДИЯ».
- 28** «ОЖИВШИЕ ТАЙНЫ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, С. А. Абрамов, А. П. Кулешов, Б. В. Луцкий [заместитель главного редактора], Г. Л. Немченко, В. Г. Победоносцев [ответственный секретарь], Р. И. Рождественский, Е. И. Рябчиков, В. А. Саюшев, Г. В. Семенов, А. П. Середа, Г. С. Терзибашьянц [главный художник], Б. А. Фаин, Д. Н. Филиппов.

Художник С. П. Тюнин, Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда». «Смена», 1976 г.

ТОР ЧЕЛОВЕКУ...

ному труду и к труду товарищей, открыть простор творческой фантазии и повысить ответственность? Вы правы, если бы мы просто бросили лозунг: «Ребята, давайте повысим качество!» — это было бы беспредметно. Поэтому мы, к примеру, говорим: для увеличения моторесурса надо увеличить долговечность коленчатого вала на 50 процентов, вот расчеты конструкторов, вот результаты экспериментов, вот программа действий — какие будут предложения, возражения, идеи! Надо раскрыть перед коллективом, занятым проблемой, все таинства технологии, надо объяснить каждому, что он лично может для решения проблемы сделать, надо увлечь этой работой, включив весь комплекс моральных и материальных стимулов. Огромное значение имеет непрерывность многостороннего разговора, в котором слово каждого весомо.

Е. ВОЛКОВ. Я прочитал однажды, что Михаил Иванович Калинин, выступая на собрании партактива Москвы, привел такой пример: много лет назад, еще в подполье, возникла дискуссия, обязан или не обязан рабочий-революционер хорошо делать вещи, то есть заботиться о качестве

здать посты качества на каждом производственном участке. Преимущество ясны. Месяца за три могли бы сеть постов организовать. Но будет ли достаточно высоким «качество постов качества»? Уверенности в этом у нас нет. И, чтобы не компрометировать полезное и важное дело, мы поступаем таким образом: в каждом цехе у нас сейчас по 2—3 поста, всего по заводу — до трех десятков. Мы их тщательно контролируем, проверяем, насколько они жизнеспособны, какие функции добротны выполняются, что следует изменить. Суть подхода — локально ограничив количество, получить высокое качество работы и распространить опыт на всех.

А. ДОБРЫНИН. Что ж, выглядит убедительно.

Е. ВОЛКОВ. Я вот о чем подумал, Анатолий Михайлович... Все мы знаем: гордость за свой труд, свое изделие — прекрасное чувство, необходимое каждому работнику. Ну, а если конечный продукт устарел, не соответствует требованиям дня, мировым стандартам? Скажем, молодой токарь или фрезеровщик всего себя отдает делу, детали с его станка сходят безупречно, но ведь ему безразлично, где они использу-

ются? Сегодня ведь, к сожалению, вполне мыслима ситуация, когда рабочего пареня, который только что пришел на завод и старается вовсю, спрыснут в его же городе: «Ты с какого завода? Что выпускаете? А... этот мусор...» Приятно ли такое услышать? И как с таким паренком говорить о качестве?

А. ДОБРЫНИН. Серьезный вопрос. Качество, разумеется, не только производственная, но и нравственная категория. Для работника любого звена. С моей точки зрения, по шкале спроса в первую очередь для руководителя. Вспомните ленинский тезис: «...Чтобы управлять, нужно быть компетентным, нужно полностью и до точности знать все условия производства, нужно знать технику этого производства на ее современной высоте, нужно иметь известное научное образование». Если устарела, не соответствует современным требованиям твоя продукция, значит, устарел и не соответствуешь современным требованиям ты сам. Сколько бы там лет не было указано в паспорте... Быть может, то, что я сказал, звучит слишком категорично, но, не забывая обо всех объективно существующих проблемах, обстоятельствах, трудностях, нельзя не видеть: качество — «визитная карточка» предприятия и человека, какой бы он пост ни занимал. XXV съезд еще раз со всей настойчивостью подчеркнул: партия — за смелость, поиск, творческую активность в решении производственных проблем. Каждый руководитель производства обязан задуматься: как закрыть путь некачественной продукции? При этом нельзя не видеть, что качество — это не какая-то застывшая мера: достиг известного уровня, вцепись в него и держись. Просто сохранять качество — мало. Его надо повышать. Систематически. Видя день завтрашний и послезавтрашний. Для этого нужно отчетливо представлять себе, что творится за воротами твоего завода — в стране и за рубежом, надо знать все важнейшие тенденции и «кульминационные точки», достигнутые в мире. Здесь, у крупных предприятий, разумеется, особое положение — в смысле возможностей и в смысле ответственности. У нас на «ЯМЗ» научно-техническая библиотека получает 216 журналов, в том числе 78 зарубежных, бюллетени, сборники, научные труды из 25 информационных центров страны. В справочно-информационном фонде — больше 100 тысяч патентных документов, в фонде отдела главного конструктора — 21 тысяча патентов из США, ФРГ, Великобритании, Франции и других стран. Мы знаем, что происходит в мире, и изобретать изобретенное не намерены. Работая над новыми моделями двигателей, мы опираемся на весь запас отечественного и зарубежного опыта. Иначе нельзя. Сравнительные характеристики показывают, что мы достойно выглядим рядом с любыми конкурентами. Так что человек с «ЯМЗ» может по праву гордиться и своим трудом и его результатом. Следует только иметь в виду, что это право — не пожизненная рента, его нужно подтверждать и отстаивать изо дня в день, из года в год.

Е. ВОЛКОВ. Я задумываюсь вот над чем, Анатолий Михайлович... А возможно ли везде и всюду — в промышленности, строительстве, торговле, во всех сферах трудовой деятельности — повышать качество, не обеспечив необходимого количества? Возьмем такой пример: с жильем у людей много лучше стало, но еще не везде и не у всех. Приди к человеку, скажи: пойдешь в дом, который не до конца готов, не подкрашен, не подбелен, стекла не встав-

лены? Раньше этот человек, не колеблясь, ухватился бы за ключ. Сегодня, пожалуй, подумает. Завтра наверняка откажется...

А. ДОБРЫНИН. Но из этого нельзя делать вывод, что нехватка чего бы то ни было дает право на выпуск плохой, недоброкачественной продукции. Выполнение плана по валу не алиби для брака. И тем руководителям, которые этого пока не поняли, придется пережить перестройку, быть может, весьма болезненную. Достаточно прочитать документы XXV съезда, чтобы понять: эффективность, качество — это не «модные» слова, а характеристика нового этапа развития социалистической экономики, нового этапа жизни нашего общества... Мне значительную часть своей трудовой биографии довелось посвятить авиационным моторам. Представляете, как они были нужны в войну? Но разве это означало, что допустимы какие-либо компромиссы в вопросах качества? Надежность должна была быть стопроцентной. Есть и другая сторона дела. Качество — почти всегда и количество. Лучшее — это, как правило, значит и больше. Ведь двигатель с повышенным моторесурсом фактически заменяет два-три двигателя прежнего типа...

Е. ВОЛКОВ. 10 тысяч часов до капитального ремонта — это практически означает пробег автомобиля в 600 тысяч километров.

А. ДОБРЫНИН. Новая задача, которую мы ставим: после капитального ремонта получить 80 процентов первоначального моторесурса. Вот и считайте: 10 тысяч часов до капитального ремонта плюс 8 тысяч часов после капитального ремонта. Этим закрывается жизнь двигателя. Чего мы достигаем? Как показывает статистика, раньше на жизнь двигателя приходилось от трех до пяти капитальных ремонтов. Если принять во внимание, что стоимость такого ремонта часто приближается к стоимости нового двигателя, то понятно, каких потерь удастся избежать. Мы тщательным образом изучили семейство двигателей «ЯМЗ» в эксплуатации, знаем, какие узлы могут быть улучшены и каким образом. Чтобы рубез, о котором я говорю, успешно взять, нужно еще точнее, еще глубже проинформировать каждого работника завода, какую роль играет его личный труд в общем успехе, что он на своем месте может сделать для этого успеха.

Е. ВОЛКОВ. Вот вы, Анатолий Михайлович, за свою жизнь прошли многие трудовые ступеньки. Были фэззушником, токарем, заочно кончили техникум и институт, работали технологом, начальником производства... Знаете несколько поколений рабочего класса. Какой вам видится нынешняя рабочая молодежь завода? Что нравится, что не нравится?

А. ДОБРЫНИН. Современная рабочая молодежь? В массе своей — грамотные, культурные ребята. Думающие. Стало сложнее и интереснее с ними работать. Если перед ними прописные истины вещаешь — не слушают. От души говоришь, по делу — муха пролетит, и то заметно. Прямого, открытого разговора требует сегодняшняя молодежь. Такой разговор понимает и ценит. Снисходительное похлопывание по плечу ей ни к чему. Она руководителя не по пышным речам, а по реальным фактам оценивает. Тяга к учебе у современной молодежи огромная, и мы это всячески поддерживаем. Разве сравнишь парня с аттестатом и того, кто четыре класса с трудом осилил? Таких, впрочем, уже и не встретишь среди новичков, которые сегодня на завод приходят.

Е. ВОЛКОВ. Мы поставили задачу:

«Каждому молодому рабочему завода — среднее образование».

А. ДОБРЫНИН. Обеспечить возможность постоянной учебы — задача первостепенная. Учтется у нас сейчас 13 тысяч работников завода, в основном, понятно, молодежь. Форм учебы множество — назову школу мастеров, школу рабочей молодежи, техникумы. Каждый год направляем наших стипендиатов в Политехнический институт...

Е. ВОЛКОВ. Мы в комитете комсомола работаем сейчас над перспективным планом — над нашим «блоком» в комплексной системе управления качеством. Как будет развиваться в ближайшие годы комсомольская организация, как будут меняться задачи, что нужно, чтобы достичь максимальной эффективности? Если мы только с позиций сегодняшнего дня подойдем — ошибемся в расчете. Завод не стоит на месте, и нам нужно не просто изучить динамику развития, но и самим сыграть в этом развитии активную роль. Подняться нужно на несколько ступенек «лестницы, ведущей вверх»... Ведь, бываешь, приходишь в цех, спрашиваешь комсомольского руководителя: «Чем занимается организация? В чем ее доля в общем труде?» А он отвечает: «У меня все на станках работают». Разве это ответ? Так ведь и все другие общественные организации сказать могут: профсоюзы, ДОСААФ, общество охраны природы... Но в чем состоит твоя работа? Работа комсомола в цехе? Мыслить конкретно — этому учим и учимся.

А. ДОБРЫНИН. Хочу назвать еще одну проблему... Люди на заводе лучше зарабатывают, лучше одеваются, с жильем дела поправляем — каждый год 700—800 семей новоселье празднуют. Построили замечательный Дворец культуры, отличный Дворец спорта, есть свои ближние базы отдыха, есть приморский корпус в Ялте, пионерские лагеря, детсады, ясли. То, что у нас течет кадры ниже, чем на многих других предприятиях, радует. Огорчает другое: разве скажешь, что «качество» свободного времени устраивает молодых заводчан, а стало быть, и нас?

Е. ВОЛКОВ. До такого ответа, к сожалению, далеко. Кружки во Дворце культуры, цеховые вечера — это хорошо, конечно. Совет молодых специалистов организовал «Клуб интересных встреч» — зал ломится. Но мало всего этого. Когда мы проводили обмен комсомольских билетов и беседовали с ребятами, больше всего замечаний было связано с организацией свободного времени. Здесь у нас пока ничего похожего на «комплексную систему» не существует. Видим эту задачу, но с какого конца к ней подступить, чтобы решить не на бумаге, а на деле, не знаем. Вот и получается, что один в свободное время берет в руки книги, другой — удочки, а иные, как это нам ни неприятно, бутылку. Кстати, это не только у нас в Ярославле... И тут еще предстоит и поразмышлять и поработать, засучив рукава.

А. ДОБРЫНИН. Попробуем суммировать наш разговор... Сделать работу такой, чтобы она привлекала неисчерпаемостью проблем и реальностью решений. Показать каждому: вот твои резервы и возможности. Думай, твори! Сделать свободное время насыщенным открытиями, временем осмысленным, интересным, таким, в котором слово «Учеба» пишется с большой буквы. Сомкнуть одно и другое, ведь качество работы и качество жизни существуют в неразрывном единстве... Согласны с таким направлением поиска?

Е. ВОЛКОВ. Да, безусловно.

Ответ

на письмо читателя

ВСЕГДА Л

Здравствуй, уважаемая «Смена»! Это письмо направляю вам (хотя не знаю, по адресу или нет), так как читаю каждый номер журнала. Хотелось бы узнать, насколько расхожеско мое мнение с мнением компетентных людей. Хочу поговорить о Знаке качества. Одним из основных направлений в 9-й пятилетке было качество продукции. Результаты? Да, на многих выпускаемых изделиях появился Знак качества. Только непонятно, что существенно изменилось? По телевидению, в «Ярмарке бракоделов» нередко можно увидеть товар со Знаком качества. А между тем сколько претензий выражено читателями на страницах газет, журналов! Пример. Комсомольцы нанто проверили в одном из магазинов Октябрьского района Москвы 30 женских костюмов одного из трикотажных объединений. Все, заметьте, были со Знаком качества. Однако оказалось, что 6 из них — брак (см. «Неделя» № 6 с. г.). Цифры сами за себя говорят, да и я не очень уверен, что эти костюмы привлекли бы внимание покупателей на международной ярмарке.

Когда Знак качества только-только начал появляться на товарах ширпо-

Мы обратились в Государственный комитет стандартов Совета Министров СССР с просьбой прокомментировать письмо инженера Н. Маркина.

Слово — заместителю начальника управления аттестации качества промышленности продукции Госстандарта СССР Федору Романовичу МАЕВУ.

— Заботу об авторитете государственного Знака качества, проявленную автором письма, можно только приветствовать. Присвоение почетного пятиугольника — гордость предприятия и его коллектива, свидетельство высокого уровня инженерной мысли и рабочего исполнения, гарантия надежности.

Следует ли согласиться с опасениями тов. Маркина по поводу возможности, как он считает, «девальвации» Знака качества? Думается, что для такого рода опасений никаких серьезных оснований нет. «Стали штамповать» Знак почти на каждом изделии, — беспокоится автор письма. Это не так. В настоящее время, согласно данным ЦСУ СССР по итогам производства за 1975 год, доля продукции, аттестованной государственным Знаком качества, составляет 7,4 процента в общем объеме производства. Много это или мало? Мы считаем, что мало.

При этом нужно отметить, что если, к примеру, на предприятиях Министерства электротехнической промышленности эта доля равна 34 процентам, Министерства автомобильной промышленности — 31 проценту, то на предприятиях Министерства рыбного хозяйства — лишь 0,9 процента, Министерства лесной и деревообрабатывающей промышленности — 1,2 процента, Министерства промышленности строительных материалов — менее 3 процентов и т. д. По данным ЦСУ СССР, около 90 процентов предприятий страны не имеют продукции со Знаком качества.

Сейчас свыше 27,6 тысячи нап-

ЗНАК КАЧЕСТВА — И ПО ЗАСЛУГАМ?

треба, он был весьма авторитетен: эти товары ценились, вызвали повышенный спрос у покупателя. Ну, а потом? Потом стали «штамповать» Знак почти на каждом изделии. Мне кажется, я прав, потому что, заходя в магазин, теряешься, не зная, какой товар выбрать: и тот со Знаком качества и этот. Реестр составлять, наверное, не нужно, однако перечислим несколько товаров. Итак: конфеты, пиво, одеколон, сигареты, сахар, кухонные ножи, сувениры, игрушки и т. д. Вряд ли резонно супу гороховому в пачке присваивать Знак качества. Мне до сих пор непонятно, как можно ставить Знак качества на кондитерских изделиях, игрушках, словом, на всем, что бывает в употреблении недолго. Да и кто дал право выпускать ненадежную продукцию в пищевой промышленности? Скоро будут аттестовать на Знак качества соль...

Не было бы, наверное, отрицательных высказываний, если бы продукция оценивалась на Знак качества по уровню мировых стандартов. Пожалуй, было бы правильнее, если бы Знак качества присуждался только Госстандартом СССР, а не заинтересованными лицами — представителя-

ми министерств — изготовителем продукции. Всем понятно, что они заинтересованы в аттестации своей продукции. И поэтому в таких случаях, как я понимаю, преобладает субъективная сторона. А Знак качества прежде всего объективная оценка. Объективность должна вытекать из установленных Госстандартом СССР строгих технических норм. А то получается так, что в 1980 году или в 1985-му все виды продукции будут иметь красивый пятиугольник. Тогда как быть в 2000 году? Вводить новый символический знак?

Мне скажут, что я вижу только недостатки, а что-нибудь предложить не могу. На то есть специалисты, которые должны постоянно заниматься совершенствованием этого дела. Все мной сказанное — для того, чтобы было именно качество товара, а не количество Знаков качества. Может быть, будет над чем подумать Госстандарту СССР? А может быть, я вообще неправ? Мне 23 года, инженер.

Пишу по просьбе друзей, коллег.

С уважением Н. МАРКИН
г. Орск.

менованной промышленной продукции удостоены государственного Знака. Несколько меньше половины из этого числа составляют товары народного потребления. И здесь дело обстоит далеко не так, как это представляется в силу недостаточной информированности автору письма. Скажем, из 28 типов холодильников, изготавливаемых на предприятиях Министерства машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов, только трем изделиям присвоен Знак качества, из 349 марок бытовых часов, выпускаемых заводами Министерства приборостроения, средств автоматизации и систем управления, Знак качества получили лишь шесть. Список подобных примеров можно продолжить.

Вправе ли мы назвать безупречной аттестацию товаров народного потребления на Знак качества? Нет. Эта работа нуждается в улучшении. По каким линиям она будет проводиться?

Прежде всего существенно повышены требования к изделиям, которые аттестуются на государственный Знак качества. Критерии утверждены Госстандартом СССР, Госкомитетом по науке и технике и Госпланом СССР.

Промышленная продукция высшей категории качества, которой присваивается государственный Знак качества, должна: 1) по технико-экономическим показателям соответствовать лучшим отечественным и мировым достижениям или превосходить их; 2) быть конкурентоспособной на внешнем рынке; 3) иметь повышенные стабильные показатели качества; 4) соответствовать стандартам (техническим условиям), учитывающим требования международных стандартов; 5) обеспечивать экономическую эффективность; 6) удовлетворять потребности народного хозяйства и населения страны.

В случае, если аттестуемое изделие не отвечает какому-либо из этих

условий, Знак качества ему не может быть присвоен.

Тов. Маркин сомневается, следует ли аттестовать на государственный Знак качества, например, продукцию пищевой промышленности. По действующим на сегодняшний день положениям аттестации не подлежат естественные пищевые продукты, не требующие предварительной обработки. Кстати, почему не аттестовать на государственный Знак качества соль, если она по степени очистки и гигроскопичности, по упаковке и т. д. соответствует высшим требованиям внутренне-го и внешнего рынка?

Неправильно и несправедливо было бы исключать из соревнования за Знак качества коллективы предприятий, выпускающие, скажем, не бульдозеры и турбины, а ткани, светильники, обувь, посуду и многие другие нужные людям товары.

Вместе с тем очевидно, что невозможна аттестация промышленной продукции, используемой без предварительной обработки: не подлежат аттестации, в частности, нефть, уголь, руда, газ, тепловая и электрическая энергия. Не аттестуются медикаменты, книжная продукция, произведения искусства, ювелирные изделия, изделия художественных промыслов, а также промышленная продукция, изготавливаемая по одностороннему договорному заказу. Включены в список товаров, не подлежащих аттестации, водка и табачные изделия — впрямь Знак качества им присваиваться не будет.

Тов. Маркин считает, что присуждение Знака качества должно быть передано исключительно Госстандарту СССР. Нам представляется, что существующая практика аттестации, которая, опираясь на накопленный положительный опыт, постепенно развивается и совершенствуется, себя оправдала. Механизм сотрудничества министерств и ведомств с Госстандартом СССР в вопросах аттестации в целом отлажен и действует с каждым годом все на-

дежнее. Допускаются ли «вольности» государственными аттестационными комиссиями? Увы, это случается. В первом квартале 1976 года нам было представлено на регистрацию 4500 решений о присвоении Знака качества. 750 из них Госстандарт отклонил из-за несоблюдения условий аттестации, отсутствия сравнения с лучшими образцами, необеспечения условий стабильного производства аттестуемой продукции. Как видите, продукция, не заслуживающая высшей оценки, ее и не получает.

Новые положения об аттестации промышленной продукции существенно повышают роль потребителя в оценке товара. «Потребитель всегда прав» — так можно было бы сформулировать один из принципов, от которых не имеет права отклониться аттестационная комиссия. Если входящий в нее специалист Министерства торговли, представляющего интересы потребителей, проголосует против присуждения Знака качества продукции, аттестация считается несостоявшейся.

В настоящее время Знак качества изделиям производственно-технического назначения присуждается на срок до 3 лет, товарам народного потребления — до 2 лет. Госстандарту СССР и его органам на местах дано право снимать Знак качества, и мы в необходимых случаях это право используем. С 1973 года по первый квартал 1976 года лишены права носить Знак качества 213 изделий 113 предприятий. Например, контопский электромеханический завод «Красный металлист» потерял право ставить почетный пятиугольник на привод моторный стрелочный ПМС-4 за низкое качество изготовления. Лишены Знака качества сухие молочные смеси с овсяной, гречневой и рисовой мукой Московского пищекомбината. Бывает, что предприятие, получив Знак качества за то или иное изделие, не обеспечивает его стабильного массового или серийного производства. В таких случаях мы тоже вмешиваемся. Так, невыпуск продукции привел к снятию Знака качества с карамели «Волжанка» Куйбышевской кондитерской фабрики.

Еще на одно обстоятельство хотелось бы обратить внимание. В настоящее время промышленная продукция страны аттестуется по трем категориям: высшей (что сопровождается присвоением Знака качества), первой и второй. О высшей категории мы уже говорили. Первая категория означает, что продукция соответствует современным требованиям стандартов и удовлетворяет потребности народного хозяйства и населения страны. Ко второй категории относится та продукция, которая по технико-экономическим показателям не соответствует современным требованиям народного хозяйства и населения страны, морально устарела и подлежит модернизации или снятию с производства в срок, согласованный министерством (ведомством) — изготовителем с министерством (ведомством) — заказчиком или основным потребителем и Госпланом СССР.

Тов. Маркин выражает беспокойство: мол, не украсит ли через несколько лет всю промышленную продукцию Знак качества? Этого не произойдет. Не следует забывать о тех постоянно растущих требованиях, которые ставятся перед союзниками Знака качества. Да и экономические расчеты подсказывают: нет необходимости добиваться высшей, я подчеркиваю, высшей, категории качества во всех без исклю-

чения случаях. От костюма, в котором едут на завод, чтобы повесить его на вешалку в раздевалке, вряд ли требуются те же достоинства, как от другого, который надевают в театр, на праздничный вечер, и т. д. Первая категория — это хорошее изделие, выпущенное в соответствии со стандартами. Высшая категория — это отличное, самое лучшее.

Тот факт, что в соответствии с постановлением Совета Министров СССР должна проходить аттестацию вся продукция, определяющая профиль министерства, создает новые возможности для государственной системы учета. Итоги аттестации позволяют объективно оценить научно-технический уровень промышленного производства страны, с максимальной точностью определить, в каких видах продукции мы вышли на мировой уровень или превосходим его, а в каких отстаем.

В постановлении ЦК КПСС, опубликованном 7 декабря 1975 года в газете «Правда», было указано на серьезные недостатки в проведении аттестации, особенно на Знак качества. В частности, отмечалось, что некоторые хозяйственные руководители довольствуются аттестацией на государственный Знак второстепенных изделий, не определяющих профиль и специализацию предприятий, не уделяя должного внимания повышению технического уровня и качества основной продукции. В целом по промышленности не аттестовано 40,5 процента от общего объема продукции, среди которой значительная часть продукции потенциальной второй категории качества. Проведение аттестации по принятым в нашей стране принципам приведет к прекращению выпуска значительного числа недоброкачественных изделий.

Таким образом, обобщая сказанное, можно отметить, что аттестация промышленной продукции на государственный Знак качества стала одним из важных государственных мероприятий по планомерному улучшению качества продукции, по повышению объемов производства продукции высшего качества.

Девять лет прошло с тех пор, как серия электродвигателей Московского завода имени Владимира Ильича была удостоена первого в стране государственного Знака качества. Впервые в десятой пятилетке Государственным планом развития народного хозяйства предусмотрены задания министерствам и ведомствам, Советам Министров союзных республик по увеличению удельного веса продукции высшей категории качества, а также предусмотрены сроки аттестации изделий новой техники на государственный Знак.

Планом на 1976 год предусматривается освоить производство более 600 видов продукции, из них к аттестации на государственный Знак качества намечено 37 процентов к общему числу аттестуемых в этом году. Это означает, что четыре из десяти изделий, осваиваемых в 1976 году, соответствуют лучшим отечественным и мировым достижениям или превосходят их.

Борьба за качество продукции — всенародная задача, которая решается на тысячах и тысячах предприятий страны. Лучшие из лучших изделий получат право носить почетный пятиугольник, авторитет которого всем нам нужно бережно охранять, и тогда значение продукции, удостоенной этого пятиугольника, будет неизменно возрастать вместе с растущими требованиями нашего стремительного времени.

Ч

тоб пройти над казахстанскими просторами с востока на запад, солнцу требуется три часа. Оно может озолотить целинные хлеба, озарить путь рыбакам Каспия, разбудить в заповедном углу нежно-розового фламинго и позвать в путь стадо стремительных степных антилоп — сайгаков, но разве способно могущественное солнце открыть взору те запасы полезных ископаемых (говорят, почти всю таблицу Менделеева!), которые заключены в недрах Казахстана! В Экибастузе, на открытых угольных разработках, способно.

Еще подъезжая к городу, видишь в солончаковой степи огромные, строгих и аккуратных линий, отвалы — сюда со вскрыши доставляется порода. Сложная паутина временных железнодорожных путей выкатывает составы вагонов «перевертышей» на отвал, из электровоза выпрыгивает помощник машиниста, в каске и рукавицах, додрагивается до резервуара под днищем думпкара и с помощью сжатого воздуха опрокидывает вагон возле работающего экскаватора, машинист еще на длину вагона толкает состав, еще опрокидывание, и экскаваторщик ковшом гребет породу, укладывает и ровняет... Поезд катит назад, минуя станцию со множеством стрелок, машинист сдвигает на заданный диспетчером уступ и подставляет порожняк под стрелу вскрышного экскаватора. Ритм измеряется минутами. Цикл — непрерывный. Работа идет днем, идет и ночью.

**ГИГАНТЫ
СОВЕТСКОЙ
ИНДУСТРИИ**

Борис ФАИН
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ
Специальные корреспонденты «Смены»

Первый час солнечного пути

ГЛАВНЫЙ УГОЛЬНЫЙ РАЗРЕЗ ЭКИБАСТУЗА — «БОГАТЫРЬ». ЗДЕСЬ РАБОТАЕТ УНИКАЛЬНЫЙ ЭКСКАВАТОР НОВО-КРАМАТОРСКОГО МАШЗАВОДА ИМЕНИ ЛЕНИНА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬЮ 5 ТЫСЯЧ ТОНН УГЛЯ В ЧАС.

Утренняя рань. Малым пустырем спешат люди к новенькой электричке. Вагоны блещут чистой... И вот поезд движется степью к разрезам. Пассажиры не в обиде и не в особенной тесноте — рукопожатия, говор... «А помнишь, как на автобусах тряслись! А как в пургу, в буран застревали!» Воспоминание беглое, летучее, кому при комфорте охота предаваться мрачности! Людям нравится приходить к поезду, сидеть в вагонах, сходить у внезапного в голой ветровой степи многоэтажного здания — административного корпуса разреза «Богатырь».

Рабочая утренняя планерка идет в напряженной тишине зала. Наряд проводит начальник участка угледобычи В. В. Каландаришвили.

— Трасса первого роторного занижена. Почему! Ведь бригада всегда вела путь умело! Прошу обратить внимание. Задание первому: десять тысяч тонн. Дальше... Что у вас с шефством над школой! Совсем перестаете ходить к ребятам, учительница жалуется...

— Второй роторный... Планово-предупредительный ремонт. Пуск экскаватора в шесть часов вечера.

— Шестой роторный. Наряд — двенадцать тысяч тонн. Молодцы, ленту заклепали всего за 14 часов. Для «трехтысячника» как раз. «Тысячнику» надо реставрировать ленту за 7 часов. Это будет нормой.

— Семьдесят второй... Машина работает нестабильно. Зола идет 41—43 процента. Наводите порядок!

— Объявление: завтра в городе субботник. «Подметал» нет, самим надо все сделать... Скажу: пока что наш микрорайон лучше многих. Дело добровольное, у кого будет возможность, выйдете на несколько часов.

Голос из зала:

— К скольким сбор!

— К девяти. Чубаров Сергей Семенович желающих запишет... Просьба ко всем экипажам. Следите за чистой порожняком. Участились случаи, когда в вагонах мусор, куски металла. Если смотреть не будем, при разгрузке на Ермаковской ГРЭС и других все дробилки переломаем...

Потом — по минуте, по две — выступают заместители Каландаришвили, специалисты, горные мастера. И вот вахты покидают зал. Теперь переодеваться — и к автобусу.

РАЗМЕТКА И ПЛАНИРОВКА.

ГОРНЫЕ ТЕХНИКИ Ю. КУЗНЕЦОВ И В. ЯКУВИНСКИЙ.

Низина разреза обширна, небо над ней отсечено крутыми угольными стенами — забоями.

Добычные экскаваторы в забоях — сооружения поразительные, будто инопланетные, настолько непривычны для глаза вся их плоть, рост, шевеленье при работе...

— Подача!

С горки идет состав. Пятнадцать вагонов. Добыча угля в разрезе как бы двуедина, добычники — экскаватор и вагон. Они спаяны одной ладной целью, ибо только с подачей вагонов закидывается сила в проводах и приводах экскаватора, зарождается басовое урчание и пускается во вращение огромное роторное колесо с ковшами, оцетиненными острыми, свирепыми зубьями.

С подходом электроваза весь корпус экскаватора наполняется дрожью, стронется стрела, сблизится с тяжелым противовесом в маневре, уже невидимые зубья откальвают, кромсают твердь угля, ковш опрокидывают уголь в ленту транспортера, все стремянки перемещаются, поползли гусеницы, только кабинка машиниста добычи под роторным колесом замерла; бежит черный ручей, падает в дробилку, сокрытую в недрах машины-великана, подхватывается новой лентой — туда, к кабинке другого машиниста, под разгрузочным устройством, метко называемым «штанами» — раздвоенные раструбы сыпят уголь в открытый, примостившийся под стальной громадой вагон, наполняют доверху — свисток! — передвижение и, чтоб уголь не падал зря, при смещении вагонов один раструб на мгновение отключается, чтобы снова сыпануть в подставленное новое днище...

А у роторного колеса, набравшего бешеное вращение, все окуталось черно-пепельными клубами дымной пыли — по радиотелефону звучит команда:

— Дать орошение! — И фонтаны воды ударяют в угольный вихрь, умирив его, утишая...

«Дать орошение»... Уже по одной этой примете легко догадаться о совершенстве и всеоружии многосложной техники, дробящей и выбирающей земную твердь. Ротор порою дробит и скальную породу. Правда, рабочий процесс, продуманный не одной светлой головой, предусматривает бурение, закладку взрывчатки и рассчитанный направленный взрыв для встряски угольных глубин, однако ж твердость достается и зубьям. Еще какая! Оттого некоторые зубья на ковшах с насадкой, сделанной умелыми руками.

Кабинка машиниста ротора. За прозрачными стенами — бой железа с пластом, грохот и пыль, а здесь — полное всевластие автоматики: пульт, блоки программного управления, «ветродуй» — анемометр, записывающий скорость ветра...

На «Богатыре» ходит поговорка: «Мы не грузим уголь, а добываем». И верно. Это только на сторонний взгляд кажется: ну, что там такого — лежит уголь, черпай его да черпай... Так, да не так! Ведь пласт неоднороден. То чистый уголь, то селекция, примесь породная. Нужно знание, нужно чутье! Маркшейдеры подают на экскаватор карту забоя, на ней все параметры: высота уступа, ширина захода ротора, длина блока, угол падения пласта и — зольность. Предел доброкачественных энергетических углей — 45 процентов зольности. Предел! И искусство машиниста — в зять массу так, чтобы селекционировать первородный уголь с этой примесью и дать наименьшую зольность.

К этому нужно добавить: один роторный экскаватор производительностью 3 тысячи тонн угля в час заменяет труд 15 тысяч горняков-подземщиков.

День как день. Впрочем, есть в нем и особенность. В эти часы на всех экскаваторах крупнейшего в мире угольного разреза работает КОМСОМОВСКАЯ СМЕНА.

Секретарь комитета комсомола «Богатыря» Николай Даренских, вышагивая по низине, говорит:

— Ребята были раскиданы по разным сменам. Что хорошего! Взносы — и то толком не соберешь! А собрания! А какое мы влияние на производство имели! — Он махнул рукой. — Я в первые дни даже подрастерялся... Ну, мне Каландаришвили Вячеслав Валерьянович и говорит: «Что ты, Коля, унываешь! Я тоже был на комсомольской работе — давай вместе подумаем». Создали единую комсомольско-молодежную смену. У нас теперь по каждому экскаватору — обязательство, план работы...

Они почуствовали и локоть друг друга, и новый интерес к работе, и новую ответственность. Здесь взято за правило: каждая смена отвечает

за определенный узел; комсомольская — за погрузочную стрелу. Досконально изучив ее, они набирают навыки по другим узлам, овладевают всем рабочим циклом, умеют распорядиться всякой ситуацией. Если, например, перебой с подачей вагонов — идут ровнять путь к своему экскаватору, потому что вынужденный простой машины еще не значит, что должна простоять смена. После Ленинского зачета, проведенного тут же, на рабочих местах, они узнали друг друга глубже, серьезней, и, как следствие этого, кто-то кого-то подвигает на учебу в вузе, помогает готовиться; лучше стали использоваться способности каждого: ты в «Прожекторе»; он политинформатор; я за спорт ответственный (у них возникла мысль совершить далекий бросок на мотоциклах за опытом в «Красноярскуголь», на подобный «Богатырю» Ирша-Бородинский разрез — едет девять человек, почти все на «Восходах»).

Комсорт смены Володя Кочерга работает помощником машиниста на «трехтысячнике», а родил отличную идею по поводу «пятитысячника» — подсказал секретарю комитета «Экибастузугля» Зое Разумовой: «Ты в Ленинград насчет электропанелей напиши, пускай там комсомол раскачается...» Зоя послушалась, пошла в отдел комплектации, кое-что уточнила и с легкой Володиной руки написала: «Разнарядкой нашему объединению выделены 22 статива [электропанели. — Б. Ф.] со сроком поставки в 4-м квартале. Стативы необходимы для поста Электрической централизации ст. Карьерная разреза «Богатырь», ввод которой обеспечивает фронт работ смонтированному впервые в стране мощному роторному экскаватору производительностью 5 тысяч тонн угля в час. Мы просим обратиться с призывом к комсомольцам — произвести монтаж во внеурочное время и досрочно изготовить стативы».

Однако на заводский вопрос, хотел ли бы он, Кочерга, перейти на «пятитысячник», Володя ответил:

— С чего это! Я со своей машины никуда не пойду.

И стал рассказывать, как «по ниточке» собирал экскаватор, как набирал мастерство, как достиг уже четвертого курса горного института, как экипажи «трехтысячников» устанавливали всеобщие рекорды добычи и еще как они понимают соцсоревнование:

— Два одинаковых экскаватора, так! Если у нас что случится, сразу им даем знать, чтоб были настороже: такой-то и такой узел чтоб проверили... И наоборот, у них что — они к нам! Ну, и запчастями всегда делимся — да мало ли...

Ерлан Джумадиев, мастер комсомольской смены, подбирая нас в низине на пути к «пятитысячнику» в свой старый, повывавший виды дежурный автобус, сообщил:

— Представляете! На пятой машине полетели шпильки редуктора хода. Там на три сантиметра зазор получился. Так ребята вовремя заметили! А если б не заметили — еще немного, и редуктор рухнул бы...

Это не по наитию, не по воле случая — внимательность. Почти каждый стоял на монтаже экскаватора. Знает любой винтик, любую жилку. И они щепетильны в этом своем знании. Вот откуда внимательность. Способность предугадать ЧП. Мобилизационное постоянное свойство, как сказал Володя Кочерга, «быть настороже».

Громада «пятитысячника» заняла самый обширный забой. «Трехтысячники» перед этой машиной хрупковаты, будто подростки.

Вот параметры этого экскаватора-великана, девица Новокаматорского завода: вес — около 6 тысяч тонн, высота — 57 метров.

— Что! «Трехтысячник»! Так он же на гусеничных тележках, а у нас — рельсошагающий ход! У него сварные швы лопались, а у нас сварка мертвая! Нашу машину знаете, в какой крен поставить можно! Идет, аж трещит, а осматриваешь конструкцию — все в полной норме... Домкратная система!

Это не говорит, а буквально поет гимн своему «ЭРШРД-5000» группкомсорт «пятитысячника» Володя Старков. Он приехал на разрез, когда гигантская машина, исчисленная на узлы и детали, проделав путь через полстраны, еще лежала в ожидании сборки и монтажа. Предстоящее огромное дело требовало молодых, знающих, влюбленных в технику людей — ведь именно со сборки и начинается формирование экипажа.

— Ну, приехал я с дипломом горного техника

и правами машиниста одноковшового экскаватора. Прихожу к начальнику участка вскрыши — он подписал направление. Иду к директору, к Куржею Станиславу Павловичу, а он говорит: «Слушай, а может, на «пятитысячник» тебе! Там такое дело затевается! Подумай. Даю три дня...» Ну, я ходил, думал. Советовался. А у нас был макет из железа и дерева, так я его весь оглядел, общупал, можно сказать. И согласился. А что тогда на месте сборки было! Между подкрановых путей — груды этих всех деталей, а на руках у нас — пачки чертежей... Начали вникать — голова кругом. Ну, конечно, тут и заводские были, и с «Казэлектромонтажа», и из других организаций — и пошло. Собирали по узлам четыре бригады: одна — роторную стрелу, другая — консоль противовеса и разгрузочную консоль, третья — спецгрузочное устройство, четвертая — лыжи, базу, обечайку — все нижнее строение...

Володя рассказывает ровно, спокойно, но вот в размеренный его рассказ будто ворвался стелющийся людей буран, дикая сила ветра-степняка переворачивает один из кранов... Что делать! Вместо башенного пригнали два стреловых крана и собрали целый консилиум: как на огромную высоту поднять тяжелые детали! Вопрос вопросов! От него даже ночью просыпались. И ответ нашелся.

— Порталы-трубы полиспадами подымали...

Когда свинтили, спаяли, соединили всю громаду — собственным глазам не поверили. Она ожила. Она двинулась. Полтора месяца они шагали в забой, полтора месяца, шаг за шагом, одолевали СЕМЬ КИЛОМЕТРОВ, verifying каждую клеточку сборки. Было все: и насосы летели, и воздух в домкрат всасывало, и пробивало изоляцию кабелей — они упорно, истова устранили погрешности, в движении экскаватора их работа держала первый экзамен... Следующий начался, когда вонзились зубья в угольную толщу, когда заработала, загрохотала в добыче машина-гигант. Первый шлоны они нагрузили в день открытия XXV съезда партии. Промышленные испытания экскаватора окончательно спалили людей, теперь это стал коллектив, где отсчет отношений начинается с профессионализма каждого члена экипажа, с его влияния на дело, требующее полной, самозабвенной отдачи уникальной машине.

Не всякому это под силу.

— Был тут один у нас деятель — хотел с ходу машинистом смены сделаться. Ну, сдавал, как все, на разряд, а после говорит: «Айда это дело отметим». Отмечать он был горазд — раз проспал, два. А как во время смены какая-нибудь тонкость, где сообразать надо, так вся его шустрость куда-то девается. И он сам понял, говорит: «Ну, тут у вас такой уровень... Не пойдет у меня!» Собрал вещички и поехал, где полегче...

— Что вы! — говорит В. В. Каландаришвили. — У нас на шагающих такие ребята сейчас! Да они вам что хочешь соберут. Хоть космический корабль, если надо...

Начальник участка угледобычи, почти неузнаваемый после утренней планерки, — в каске и робе, в толпе таких же людей, в гуще дела, на самом острейшем работ, как командир в атаке... Деятельность этого невысокого чернявого человека как бы состоит сплошь из находок, потому что он из той породы людей, о которых говорят и пишут, что они «в постоянном поиске».

Он появился на «Богатыре» по приглашению того же С. П. Куржея и с завидной энергией и разумением проблем взялся за... ВСЕ! В сказанном нет преувеличения. Новый начальник увидел, что схема энергоснабжения не соответствует плану работ — изменил схему. Поняв, что культура взрывных работ на участке низка, нашел талантливого специалиста. На разрезе не было «нарядных» — организовал их. Принялся за НОТ, за инженерные службы... И, сопрягаясь с производственными изменениями, активизировалась на участке вся — буквально вся! — общественная жизнь: экипажи становились коллективными вожаками в школах; творчество рабочих-рационализаторов получало инженерную поддержку; создавались профгруппы, образовалась комсомольская смена...

Каландаришвили завел свою картотеку. В его кабинете всегда под рукой полные данные на каждого из работающих: стаж в угольной промышленности, кем начинал, стаж на «Богатыре», жилищные условия; общественные поручения; какие поощрения, наказания; место учебы; куда и куда получал путевки!.. «Это больше всего лично мне нужно, руководителю! Я обязан знать!» —

ХЛЕБ И ХАРАКТЕР

говорит он и, если к нему приходит человек,— разговор у них сжатый, деловой, потому что ему нет необходимости тратить лишние слова, задавать подсобные вопросы, выяснять сопутствующие обстоятельства. И легче принимать справедливые, верные решения. Но потом ему и этого показалось мало — завел общую, с одним для всех вопросом, карту: ваши неосновные профессии!

— Зачем это! А я пример приведу! Строили мы — в порядке шефской помощи селу — систему Акульских озер. Так, представьте, среди наших оказались и комбайнеры, и крановщики, и трактористы, и шоферы... Вот вам и неосновные профессии!

— Нельзя ли образец карточек взять у вас на память!

— Образец! Гм... Вот незадача, отдал я его. Воледе Кочерге. Чтоб он и по комсомолу продумал, как учет навести...

Естественное дело: у коммуниста Каландаришвили учится стилю работы комсомолец Кочерга.

Экибастуз, степь и солончаки... Первый час пути солища над Казахстаном... Ехал летом 1886 года по степи рудоизнатец-любитель Касым Пшенбаев, увидел зверька, выгребавшего из норы черную землю. Уголь! Нужно оставить приметку! Пшенбаев заметил в степи два конских черепа, у него же самого имелся кусок калкманской соли. Он выкопал шурф и положил конские головы и соль [ЭКИ — два по-казахски, БАС — голова, ТУЗ — соль] — вот и ЭКИ-БАС-ТУЗ! Так гласит легенда.

Сегодня горячий Экибастуз знают многие. На XXV съезде КПСС он был назван ЧЕТВЕРТОЙ ВСЕСОЮЗНОЙ КОЧЕГАРКОЙ. Этот гигант угольной индустрии состоит из пяти разрезов, самый крупный и новейший из которых — «Богатырь». Фронт добычных работ — 56 километров, вскрышных — 106, отвальных — 25. Сейчас благодаря новой уникальной технике, освоенной с прямым участием молодежи, в Экибастузе созданы мощности по добыче 52 миллионов тонн угля в год, к концу десятой пятилетки они возрастут до 75. Здешиный уголь — самый дешевый в стране, его запасы — 7 миллиардов тонн. На базе экибастузских углей создается крупный топливно-энергетический комплекс, мощности разрезов будут доведены до 130 миллионов тонн угля в год. Перевозка по железной дороге на большие расстояния такого громадного количества топлива, обладающего высокой зольностью, нерентабельна. Выгоднее сжигать его на месте, а транспортировать электроэнергию. Ермаковская ГРЭС — недавняя Всесоюзная ударная комсомольская стройка — первенец местных очагов энергии. Следом за ней намечено построить Экибастузские ГРЭС.

Есть в Экибастузе микрорайон, который в эти дни возводится стремительно, растет на глазах. Перед входом в подъезд одного из новых жилых домов — вывеска: «Строительно-монтажный трест «Экибастузэнергострой»».

— Приказ о создании нашего треста подписан... 23 декабря прошлого года. Жилье строим колоссальными темпами: нам люди нужны, строители, вот и навалились на жилье.— Это говорит заместитель управляющего новым трестом Ярослав Александрович Малахов, ветеран строительства Ермаковской ГРЭС.

А у дороги уже высится стела со знаком новой ударной комсомольской стройки.

Здесь, в степи, лишь переехать через канал Иртыш — Караганда, разворачиваются первые работы по сооружению Экибастузской ГРЭС-1.

Идет подготовка к промывке горько-соленого степного озера Жингелды. Соленая вода будет сброшена. Ее отведут за восемь километров, в другое озеро. А освободившееся ложе Жингелды трижды промывают пресной водой, Иртышской. А потом зальют новое, из щепина, ложе этой пресной, животворной водой — ведь будущей ГРЭС нужны постоянные охладитель и источник воды. Превращаясь в пар, она станет толкать турбины...

Из-за угля, благодаря углю новой энергией заряжается жизнь в степном Экибастузе. И если сегодня иной незадачливый школьник, живущий где-то далеко, еще может схватить «двойку» по географии за незнание понятия «Экибастуз», то в скором будущем, когда этот город в Павлодарской степи на севере Казахстана станет важнейшим звеном в Единой энергосистеме Советского Союза, не ведать о нем будет не только непросто, но и невозможно.

Четвертый месяц идет жатва хлебов. Сейчас ее горячие волны докатились до наших самых поздних зерновых полей — в Западную и Восточную Сибирь, на Северный Казахстан. Четвертый месяц комбайнеры, шоферы, агрономы ведут строгий счет минутам, но порой не могут вспомнить, какой сегодня день недели. И четвертый месяц горожане с неослабевающим интересом развертывают свежие номера газет, журналов, включают радиоприемники и телевизоры: что там новенького на жатве!

Почему всех нас держит в таком напряжении эта древняя и будто бы до мелочей известная работа!

Да прежде всего потому, что решается судьба хлеба — главного продукта, первого мерила старательности и мастерства земледельца, основы общего благополучия. Как известно, на XXV съезде партии была поставлена задача: в десятой пятилетке увеличить среднегодовые сборы зерна как минимум на 35—40 миллионов тонн. Рубеж высокий, и как важно было положить доброе начало — уже в первом году новой пятилетки приблизиться к цели!

В наше время вес колоса определяется не только милостями природы. Хлебороб овладел многими неведомыми раньше тайнами, оснащен мощной техникой, в помощниках у него — химия и рукотворные реки с живительной водой. А все же изрядно заставили поволноваться сухая осень, бесснежная зима как раз там, где озимым посевам нужно было теплое покрывало. Потом пришла очередь бесконечным, удручающим дождям в одних районах и сильной суше в других.

Но искусство человека взяло свое. Когда кубанцы, а вслед за ними труженики других областей, республик решили продать государству хлеба значительно больше, чем намечали в своих планах и обязательствах, то в этом пощине нашли отражение два несомненных фактора: первый — выращен хороший урожай; второй — как всегда, у хлебороба на первом плане заботы об интересах страны.

Уборку часто сравнивают с битвой. И это не просто расхожий словесный штамп, не плод досужего красноречия. Не зря громкая слава увенчивает лучших мастеров уборки, не зря говорят, что в страду сполна раскрываются человеческие характеры, рождаются герои и, как соломенная пыльца, развеивается всякая показушность.

Во многих хозяйствах темп уборке задают молодые механизаторы, комсомольцы. Девиз их социалистического соревнования: «Ни минуты простоя, ни грамма потерь». Чтобы на деле придерживаться этого серьезного правила, нужно горячий энтузиазм, свойственный молодости, помножить на солидные знания, опыт. У молодости есть еще одно прекрасное качество — восприимчивость к новому. Коллектив знатного донского механизатора Героя Социалистического Труда Н. Бочкарева в два предшествующих нынешнему сезона дал образец скоростной технологии уборки хлебов. В этом году в стране по примеру ростовских комбайнеров было организовано больше ста тысяч уборочно-транспортных звеньев. Активное участие в их создании и приняли сельские комсомольские организации. Тысячи комсомольско-молодежных коллективов трудились и трудятся наравне со знаменитыми асами хлебных полей.

На жатве, как в любой другой сложной коллективной работе, наибольшую цену имеют дружеская помощь, совет, умение в трудную минуту оказаться рядом с товарищем. Особенно нуждаются в поддержке те, кто первый раз приступает к спелому хлебу. За несколько недель может решиться судьба молодого человека. Или, окрыленный успехом, он навсегда прирастет сердцем к родному полю. Или, огорченный неудачами, малым вниманием, станет искать иную дорогу в жизни. Многие юноши и девушки на Дону, Кубани, в Воронежской и Курганской областях, в тысячах колхозов и совхозов начинают трудовую биографию на семейных агрегатах. Им преподают хлеборобскую науку отцы, матери, старшие братья и сестры.

Молодое поколение всегда близко к сердцу принимало заботы страны. Вот и недавно многие выпускники сельских школ Костромской области решили остаться работать в родных колхозах и совхозах. В приветственном письме молодым костромичам Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев дал высокую оценку этой патриотической инициативе.

Хлеб идет... Главное богатство наших обширных полей. Хлеб идет... На каждом зерне можно видеть отпечаток человеческих рук, ума, темперамента. Хлеб идет... И оставляет в сердцах земледельцев семена новых планов, чувств, надежд.

ДЕВКИ ПРИЕХАЛИ

РАССКАЗ

1

Дождь уже перестал, а с желоба все еще сочилась тонкой ниточкой вода. Над лесом устало погромыхивало, будто надсадно, с пере-дышками, в гору катили пустую бочку. Козы, прятаясь от непогоды под сельсоветским крыльцом, озабоченно потряхивали бородами и, важные, выходили из-под укрытия, но едва гром, скопив силы, брался за гулкую бочку снова, как они вздымали хвосты и что было мочи неслись врассыпную по деревне.

Мишка Некипелов ввалился в дом к Кире Егорову в грязных сапогах. Киря сидел у окошка, хлебал из эмалированного блюда толченый лук со сметаной.

— Ты чего это не делом занялся? — спросил Мишка, топчась у порога и не решаясь пройти на-избу. Он поводил носом во все стороны, недовольно сморщился: — Фу-у... Как от падины пахнет...

— Не по девкам и бегать, — оговорился Киря.

— Здорово почевали, — Мишка посмотрел на следы, остающиеся после него, и сел на порог. — А я тебя к девкам-то и пришел звать.

Киря поощряюще усмехнулся: давай, мол, давай мели, Емеля...

В Полежаеве очень-то по этой части не разбежишься... Девки для Мишки и Кири пока что не narosло, а те, что были, разъехались по институтам да техникумам. Грамотными всем захотелось стать. Никому неохота за коровьи хвосты держаться.

— Чего ухмыляешься? — спросил Мишка. — Я, смотри, не шучу. Тут экспедиция какая-то приехала, разговоры записывает, интересуется, правильно ли мы говорим.

— Ну да, — усомнился Киря. — Будут по таким пустякам к нам ездить.

Мишка вскочил с порога.

— Во-о, деятель! Не верит, — теперь уже ухмылялся он. — Они с утра всех полежаевских старух перетаскали к себе. Экзамен прямо устроили: как это называется да как это? У моей бабушки про нижнюю рубашку даже спросили, что, мол, это такое. А она им: «Подстава», — так понравилось, записали.

Ну, еще бы! Степаха — известный колоколец: ни перед каким вопросом не растеряется, с три короба наплетет кому угодно, только слушай ее... Так Мишке-то веры нет. Ох, и мастер на розыгрыши! Иной раз так подыедет к тебе, что и не захочешь — уши развесить.

— Давай, давай, ври дальше, — сказал Киря, но блюдо с луком отнес на кухню.

— Чего ври? — Мишка, чтобы поменьше наследить, метровыми шагами, на цыпочках пробрался к печке, вытащил из-под шестка табуретку и продвинул

ее под себя. — Пошли к Тишихе, увидишь своими глазами. Три девки, говорят, одна-то вроде учительница, а две практикантки.

Мишка был не просто серьезен, а даже озабочен, и это Кирию сбивало с толку, он не мог отделить правду от лжи.

— Я у них ничего не оставил, — неуверенно отказался он.

— Да для науки! — загораясь, настаивал Мишка. — Пусть хоть современного человека запишут, а не старух... Заодно бы и познакомились.

Было похоже, что Мишка даже сердился на Кирию за его неуступчивость. Чего доброго, и обидится, с него может и это стать. Но все-таки доверяться Мишке на сто процентов нельзя.

— От меня луком пахнет, — использовал Киря последний козырь, чтобы проверить товарища: не будет же он вошючего козла тащить с собой на это знакомство.

Мишка озабоченно согласился:

— Да, поторопился ты наедаться этой заразы. — Он подтянул свои мокрые сапоги до перекладины табуретки, тоскливо посмотрел на скопившуюся внизу лужицу грязной воды. — Придется, видать, одному разбираться с ними.

Киря, чтобы поддержать его боевой дух, спросил:

— А надолго они приехали-то?

— Да в том-то и дело, не знаю, — Мишка покачал головой и вдруг хлопнул себя по колену. — Слушай! — повеселел он. — А ты зажуй мускатным орехом! Водку перешибает, так или уж эту дрянь не осилит?..

Э-э, вот тут-то, пожалуй, Мишка и подцепил Кирилла: на попятную ради товарищества не пойдешь, и, если розыгрыш, смешнее-то случая для подко-вырок и не придумать.

Да ведь была не была! Кому смеяться-то? Кроме Мишки, и некому. Ну, соберутся механизаторы в мастерских, им Мишка расскажет, поржут мужики над Кирей. Ну, еще в колхозной конторе людей посмешат, а больше-то некого. Перед девками было бы стыдно, а в Полежаеве одна девка была — Шура Лешукова, агрономка, — так и та после посевной замуж вышла за заведующего клубом Геннадия Ивановича. Женихов-то есть — загибать пальцы, так на одной руке их не хватит, на другую придется перебираться. Все механизаторы женихи, один Колька Попов — из молодых-то — женатый. А остальные, как Мишка Некипелов, только и смотрят, с кем бы знакомство завести.

— Ну, давай свой мускатный орех, — жертвенно протянул Киря руку.

Мишка пошарил, пошарил в карманах, а ореха-то нет.

— Ой, черт, ведь вчера в гараже выпивали, так раздал ребятам. — Он сокрушенно развел руками.

Тут уж и дураку видно, что Мишка и не думал Кирию разыгрывать. Вон как расстроился.

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

— Так чего? В одиночку пойдешь? — сочувственно спросил Кирия.

— Да хоть сблизил глянуть, что за девки.

— Ну-ну, валай.— У Кирия где-то валаился этот мускатный орех. Куда же он засунул его? Кажись, в ящик стола.— Валай-валай, записывайся за всю советскую молодежь.

Мишка не отреагировал на издевку, сложил на коленях руки. Кирия впервые заметил, что они у него насплошь в садинах и царапках и что в них намертво втелось машинное масло. Посмотрел на свои, а и у него не лучше, такие же грабли, пропитанные мазутом. Ну, а чего ты хочешь от трактористов? Целыми годами так: железкой палец раскровенишь, а соляркой смажешь. Вот они, руки-то, как железнодорожные шпалы, и стали на века теперь черные. Только девок ими и обнимать...

Кирия выдвинул из-под столешницы ящик — ага, вот он, миленький, где от них прячется, дождался-таки своего часа...

Мишка Некипелов и не заметил, что у Кирия орех в руке.

— А у них, может, задание такое — со стариков одних запись делать, — вздохнул он.

Ты смотри, как ему увековечить себя охота...

2

Тишиха и сама устроила девкам допрос: хватит, попытали старух, а теперь про себя расскажите, кто вы такие, откуда. Но вопросы-то у нее вертелись только вокруг родителей: твоей маме сколько годов, да твоему папе сколько. Вышло, что молодые у девок родители, ни один ей в ровесники не годится.

Тишиха сидела на кровати и покачивала головой:

— Твоя-то мать моей Катин на год моложе... — прикидывала она, вспоминая о дочерях.

— А твоя с Валентиной моей одногодки...

Она очень рассчитывала, что начальница девок — строгая, уже со вставными зубами и уже с именем-отчеством — Фаина Борисовна, — окажется ближе к ней своими родителями, но Фаина-то Борисовна всех дальше и оказалась.

— Ты смотри-и... Тины моей на два года только и старше. Так Тина-то у меня ведь последняя, ей уж сорок годов... А тебе-то сколь, милая?

— Двадцать пять.

— Мо-о-лода-а-я...

Тишиха почему-то думала, что Фаина Борисовна старше. Может, вставные зубы сблизил Тишиху с толку. Она сама-то имя обзавелась уж тогда, когда ей на тот свет пора было ладиться, а не зубы менять. Но Фаина Борисовна и повадками была не очень-то молода: не балаболела лишнего, не шепталась ни с Лариской, ни с Надей — а те только уши друг дружке и подставляли, столь секретов у них накоплено, — и уж, конечно, не прыскала, как они, в кулачок. И еще отделяло ее от девчушек то, что она в отличие от них была не в брючном костюме, а в обычном сереньком платье, хоть и ладно облегавшем ее фигуру, но не фасонистом, не форсистом. Теперь в таких платьях доярки и коров ходят на ферму доить.

Лариска, пожалуй, оделась тоже не вызывающе: брючки черные, и в обтяжку, как у спортсменки. Так это Лариске было как раз к лицу: она худенькая, чернявая — брючки делали ее строго, подтянутые.

А Надежда-то вырядилась, как огородное тучело: натянула на себя не штаны, а балахоны — в каждую штанину можно по беременной бабе забить. И ведь шито-то черт знает из какого материала — Тишиха из такого платок и то постыдилась бы носить: петухи не петухи, а какие-то разноперые, крикливые птицы насажены на зеленые ветки, не по одному петуху на каждой штанине. И кофта не кофта на Надежде, а мужская рубаха со стоячим воротником, с накрахмаленными манжетами. Это надо же так себя испроказить: на лицо посмотришь — девка как девка, миленькая, улыбается, и щербинку выдать, русые волосы в косу заплетены, а вниз глянешь — и обомрешь, петухи все впечаталенье испортят. Когда Надежда по избе ходит, только их и видать: от лица взгляд оттягивают.

Фаину Борисовну, наверное, и силой не заставишь Надеждины штаны на себя надеть: эта знает истинную цену обезьяньему модничанью. Правда, больше всего Тишиху склоняло к мысли, что Фаина Борисовна уже повидала жизнь, все-таки не это, а то, что она, будто дочка, так за ней по пятам и ходила: Тишиха загермит в сенях ведрами, чтобы отправиться за водой, а Фаина Борисовна уже у нее отбирает их: «Ой, что вы! Вам тяжело, а я для разминки сбегать... Пойдемте, покажете, где колодец». Тишиха наладится за дровами в ограду, а Фаина Борисовна опять впереди нее. До того ловка, будто сызмалу со стариками росла.

Конечно, годы у Тишихи уже не такие, чтобы воду носить и дрова таскать. Тут Фаина Борисовна правильно говорит. Только кто за Тишиху будет эту работу делать? Вот уж, посчитать, сколько годов одна живет, Тихона ухлопали на войне в сорок первом. Ой, да ведь тогда мужиков-то что солому валили на огонь — полежавших только трое домой вернулось. Девки Тишиха всех подняла на ноги, замуж выдала. Вон уж младшей-то, Тине, сорок годов исполнилось. Даже Тина в матери Фаине Борисовне почти годилась, не то, что старшие дочери.

— Федосья Тихоновна, — спросила Тишиху Фаина Борисовна и повертела в руках самопишущую ручку, — так сколько же у вас всего-то детей?

— А пятеро. Пять девок бог дал.

Фаина Борисовна удивилась. Лариска зачем-то наклонилась к Надежде, чего-то сказала ей на ухо. Надежда не согласилась, головой замотала:

— Да нет же... Пи-и-ать... Дифтонг «иа»...

— Федосья Тихоновна, — попросила Лариска. — Скажите, пожалуйста, еще раз: пять.

— Ну, пять, — обескураженно повторила Тишиха.

Девочки опять заспорили. У Лариски черные кудряшки затряслись на голове, как у овечки. Надежда тыкала карандашом в бумагу и настырно стояла на своем:

— И-и-а...

— Девочки, — остановила их Фаина Борисовна. — Я уже записала.

Они, столкнувшись лбами, сунулись к ее тетрадке.

— Ага, пи-и-ать...

Потеха и смотреть-то на дурочек. Сами-то, видать, еще ничего не смыслят, а спорят, как умные.

Но Тишихе было приятно, что они все трое записывали ее одну.

— Пять девок у меня, — сказала она еще раз. — Ой, а ведь росла-то как... — Она и не хотела, да возвращалась памятью в те года. — Я тогда дояркой работала, так дети-то у меня — как поросята...

— Молоко им носили с фермы? — спросила Надежда, показав на зубастую щербинку.

Господи, ничего-то не понимают...

— Какое еще молоко? Как поросята, были в грязи. Мне ведь за ними и присмотреть некогда. Утром при темне к коровам убежу, да и вечером заявлюсь, они уже спят... Ой, ведь как мы работали-то... Ведер железных не давали на ферму. Деревянные были, тяжелущие — а воды-то надо сколько переносить: у меня восемнадцать коров, потаскаешь...

Тишиха видела, что и Фаина Борисовна и девчонки чего-то записывали.

— Так бы и почитала такую книгу, про мою-то жизнь. Во сне увижу — и то страшно, — призналась она. — А теперь-то и корм сам идет. Господи, как все сделано... Поляки, подумай только...

Тишиха заморгала влажневшими глазами: девки перед ней задвоились. Ой уж и поревела она за свою жизнь. Ревела, ревела — и глазами почти не завидела.

— Обжинали серпами под жнейку, — без всякого перехода переключилась она с фермы на поле. — Вижу, Тина ко мне бежит: «Мама, есть хочу!» — «А поеешь, — говорю, — колосков. Только колоски-то, мотри, когда вышелушишь, не разбрасывай, захорони в землю, а то обеих засудят». Поела она зернышек. «Сыта?» — спрашиваю. «Сыта» — «Ну и ладно, иди домой»... Не помню уж, сколь прошло времени, вдруг Валя сломя голову с горы летит. «Мама, — кричит, — Тинка умирает». Я и серп оставила на полосе. Тина моя на печи катается. А во жниву было, и так жарко. За брюхо руками хватается, стонет... Ржи-то зеленой наелась, разбухло там. Уж поблела бы, так и полечало. А ей не блуется, и в уборную не может сходить. Я быстрее спроворила самовар, налила кипятку в бутылку, и по брюху ей бутылку катаю, пока не вырвало. Вырвало — тогда уж и стала она в себя приходить...

Тишиха терла под глазами:

— А Оля у меня еще есть. Она после Гали вторая, пятый класс тогда кончила. Ну, думаю, надо куда-то девку устраивать. Она-то грамотная, зачем и ей с нами с голоду подыхать. Давай, решила, на счетоводку пошла учиться. А председатель колхоза справку никак не дает: «Кто у меня, — говорит, — боронить в поле будет?» А тем же летом ему повестка на фронт и пришла. Утром кричит под окошком: «Оля, приходи за справкой, меня на войну берут...» Уж и косточки у него, наверно, изгнили давно, а я ему, Ивану-то Ивановичу, и сегодня поклоны кладу: уж так выручил, так выручил — ну-ка, на один рот убавил голодную ораву...

Тишиха встала с кровати, перекрестилась перед иконами:

— Дай бог, чтобы тебе хоть там-то хорошо было, Иван Иванович.

Лариска, сидевшая за столом ближе всех к красному углу, исподнизу зыркнула глазами на образ и пододвинулась плотнее к Надежде.

— Чего испугалась? Никто не укусит тебя, — сказала Тишиха и опять села на кровать. Кровать была деревянная, разошшаяся и, когда на нее садилась, скрипела. — Здоровье-то, как и у меня, неважнецкое. Чуешь, жалуетесь... — Тишиха поерзала, заставив кровать снова скрипеть. — Ну, так ведь в приданое с собой привезла. Тяга-то у меня краснорезчиком был, изладил кровать: «Вот, — говорит, — Тиша (мужу-то моему, а и сам тоже Тиша: я вся в Тихонах, как в снопах на овине)... Вот, — говорит, — Тиша, на ваш век хватит, за свою работу ручаюсь. Если, — говорит, — не осердишься на Федосью да стгоряча не искромсаешь мое изделие топором, так и сто лет простоит. Тяга знал, за кого меня выдает.

— А что он, муж-то, сердитый был? — спросила Лариска. Глазенки у нее испуганно засверкали, в них затеплилась жалость.

— Кто? Тиша-то? Не-е-ет... Раза два за всю жизнь и поколотил меня, так и то за дело.

— Он вас би-ил? — вытаращила глаза Лариска. — И вы от него не ушли? Я бы и минуты не задержалась.

— Ой, да это ведь Тиша, — сказала Тишиха. — От такого и стерпеть можно.

Лариска было открыла рот, но Фаина Борисовна строго глянула на нее и кивнула на лист белой бумаги: пиши, мол. Лариска, как старательная школьница, склонилась над бумагой. Черные кудряшки нависли над лбом. А обиделась, обиделась, нос-то и то покраснел от досады.

Чего-то Тишихе напомнило в поведении Лариски младшую дочь.

— Ой, про Тину-то еще чего рассказать хочу... — спохватилась она. — Начнут девки с кошкой играть, а ей не дают. Она уйдет за комод, никогда не подумаешь, что расстроилась. Приткнется в угол книжку листать... А у нее, у бедной, обидато в сердце ушла. Никому не выкажет ее. Утром встанет пораньше, пока все спят, и наиграется с кошкой... Ой, дети, куда мне вас дети...

Тишиха улыбалась воспоминаниям. Вот еще чем хорошо квартирантов держать — уж, кажись бы, совсем забудешь чего, а с ними начнешь говорить и невароком наткнешься, будто куст малины отыскала в лесу, который сама же и оставляла дозориться да в суматохе забыла.

Вот ведь чего, ну-ка, вспомнила: про кошку. Тине тогда лет восемь было, поди. А теперь уж у дочери ни единого волоска родного нет — вся седая. Время-то как бежит...

Про Тинины волосы Тишиха говорить не стала: начнутся расспросы, что да как. А ей сейчас распространяться о том, что у младшей дочери умер муж, нисколько не хотелось.

— Теперь уж у Тины детки, — сказала она. — Четыре ребеночка, все в школу ходят... Каждые каникулы привозила ко мне. А в прошлом году не привезла, так я не видала и лета, как потеряла чего...

Тишиха подумала, что уж сейчас-то они у нее спросят, привозила ли Тина ребят нынешним летом, и заторопилась, чтобы они не успели задать вопроса:

— Ой, не озорные у нее детки, все с разрешения, — она шумно высморкалась и все-таки не смогла усидеть на месте, пошла будто бы в огородец, накопать на обед картошки-скороспелки.

Фаина Борисовна было засобиралась с ней, но Тишиха остановила ее:

— А чего ты со мной пойдешь? Два-то куста картошки выкопать не велика насада.

Фаина Борисовна так и осталась.

Тишиха вышла из избы, проскрипела воротами в огородец и прислонилась спиной к заплоту ограды.

Дождь навывмачивал из травы комаров. Они скопились под крышей, не вылетая на ветер и будто только и дожидались Тишихи. Она поотмахивалась от них рукой, но это ведь не комары, а зверье, не дадут и погоревать, побрела к начатому загому картошки.

Картошку нынче опалило морозом, ветвина у нее побурела, как осенью. И ведь как дружно весной все двинулось в рост — и хлеба, и трава, и картошка. Но тепло продержалось недолго. В июне ударили холода — и все сразу присело.

Скороспелка уродилась нынче не больше куриного яйца. И дожидаться от нее, что она поправится, не приходилось, потому как ветвина уже отмерла от клубней, клубни жили в земле сами по себе.

Да-а, про Тину лучше и не затевать разговора. А как не затеешь, когда Тина из головы не выходит. В тридцать пять лет осталась одна, с четырьмя ребятами — нахваталась горького до слез. Тут посидеешь...

Видно, уж так на роду написано, чтобы какая-то из дочек повторила ее судьбу. Тишыха овдовела в сорок один. А Тина-то и того раньше. Вот уж пять лет мыкается...

По три года привозила Тина своих ребят к матери. А то ведь летом-то неизвестно, куда их и девать. Всех не забьешь в пионерский лагерь на три-то смены. Да Петька тогда еще в садик ходил, Вера в первый класс — какие им лагерь.

— Вези, Тина, вези ко мне!

А это ведь только легко сказать: «Вези»... К семидесятилетней старухе. Лето Тишыха пропышкает над ними, а на осень сама слегла: в голове болит — нервы-то уж никуда не годятся, ну-ка, все три месяца в расстройстве, не заболела бы без матери, не заблудилась бы в лесу — лес-то какой большой, — не утонули бы в реке, — голова болит, да и ноги не ходят, и руки не действуют. Надо бы на зиму дров наготовить, а с ребятами и некогда было: то стирка, то варенье.

Три года выдержала, а больше-то не смогла. Сказала Тине:

— Не могу, Тина, больше...

Так сама же и покою нигде не находила, изболелось все сердце: как там Тина одна-то с четырьмя управляет? Да и не в деревне ведь, в городе. Выскочил на дорогу ребенок — и, того гляди, под машину попал.

«Привози, Тина, на лето», — написала дочке опять. Но Тина ведь у нее не глупая, понимает, что через два года мать не стала моложе.

«Приезжай, мама, сама», — ответила ей дочка.

Господи, четыре рта на руках, а она еще и пятый зовет. Да куда уж ей, Тишыхе, теперь ездить? Дождет свой кусок и дома.

Старшие девки тоже звали ее к себе, и им отказала: у одной с мужем не больно ладится — из-за этого волосы иссеклись; у другой у самой здоровье кулижками — то ничего, а то прихватит, что в больницу заставляют ложиться; у третьей квартира тесная — сами-то чуть друг по дружке не ходят; а Галя скоро на пенсию — ей только гнилого-то пенька около себя и не хватает.

Да уж и не в ее возрасте по городам разъезжать. Нечего теперь старыми костями трясти, грей на печке бока.

Тишыха накопала скороспелки — не картошка, а один смех, чуть крупнее гороха, — намыла в канаве той, что похруще, а остальную свалила в ведро. Надо будет Степаше отдать, пускай поросенку скормит. Тишыха уже скота не держала, а Степаша ей чуть не через день приносила молока и не брала за это никаких денег.

Тишыха пошла в избу и еще из сеней услышала, что в окошко стучат. Ой, господи, чего такое стряслось? Она открыла дверь. Девки все еще сидели за столом, сортировали по кучкам какие-то бумажки.

— Федосья Тихоновна, вас зовут, — сказала Лариска.

— Ти-и-хо-овна! — Под окошком стоял Сережка Дресвянин, парнишечка с другого конца Полежаева. Он еще Тининой-то Вере ровесник. Когда Тина привозила ребят, так каждый день прибегал с ними играть.

— Чего тебе? — спросила, не открывая окна, Тишыха.

— Селедку привезли в магазин.

В кои-то разы...

Тишыха засуетилась, полезла в комод за деньгами.

— Ну, девки, картошку-то не зря я копала...

А девки смотрели на нее и недоумевали, чему она радуется.

3

В Фанне Борисовне все плясало и пело: едва успели они приехать с девочками в Полежаево, как в руки им повалил такой материал, какому сам Соболевский, отец русской диалектологии, и то обрадовался бы. Ну-ка, пошла Фанна Борисовна с хозяйкой за водой («по воду», как сказала хозяйка), а Федосья Тихоновна и говорит:

— Чего-то брилы среди лета обветрели...

Фанна Борисовна повертелась в недоумении, где эти обветрившие среди лета брилы. Все зеленеет кругом, ни одного побуревшего клочка земли, ни одного сохшегося кустика.

— Уж не лихоманка ли привязалась к ним, — вздохнула Федосья Тихоновна, и тут-то Фанна Борисовна и поняла, что хозяйка жалуется на губы: они у нее шелушились.

Переспросила — и точно: брилы — это губы и есть, а губой, оказывается, называют в Полежаево подбородок.

Да как разговорились по дороге к колодцу с Федосьей Тихоновной, так Фанна Борисовна четыре странички избисерила в блокноте: «пожня» — это луга, «дрязда» — это луковича на грядке («выдерни один дрязд»), а уж «водиця», «куриця», «дровця» так и сыпались изо рта хозяйки, как из рога изобилия. Что ни слово, то для науки находка.

— Девочки, — сказала Фанна Борисовна своим помощницам, когда Федосья Тихоновна ушла в магазин, — я вам советую быть ближе к объекту. Вот мы сейчас с Федосьей Тихоновной ходили по-воду, — она улыбулась себе, довольная, что так ловко вставила в свою фразу необычную для нее конструкцию, — и я записала сорок девять диалектизм.

Фанна Борисовна с нескрываемым наслаждением прочтала девочкам эти сорок девять слов и выражений и посоветовала:

— Надо применяться к жизни объекта, к его желаниям, привычкам, бытовым потребностям. Вот он пошел за дровами — помоги ему, за водой пойдет — тоже сходи с ним. И объект полнее раскроется, не будет чувствовать себя скотанным.

Фанна Борисовна знала свое дело, выезжала в экспедицию уже пять раз. Третья, еще в студенческие годы, побывала в Новгородской области, два раза была, уже аспиранткой, на Кубани, и вот теперь, — не аспирант, а почти уже ассистент кафедры русского языка, по крайней мере разговор с ней об этом состоялся еще весной, — она приехала в Полежаево, приехала руководителем группы.

Девочки ей попались хорошие. Фанне Борисовне было бы грешно на них жаловаться. Что она им ни скажет, они выполняют беспрекословно. Ну, иногда Надежда, недовольная каким-нибудь приказанием, слегка взбрыкнет («Фанна Борисовна, да это же марштышкины хлопоты!»), но стоит Фанне Борисовне на нее посмотреть построже, и та все делает, и делает-то на совесть, не подкопаешься. А взбрыкивание — это мелочи, издержки возраста.

Фанна Борисовна и сама во время первой экспедиции не все понимала — а ей казалось, что все! — и лезла к руководителю группы со своим особым — и единственно правильным! — мнением.

Ничего, время летит от зазнайства и переоценки собственных сил. Теперь-то Фанна Борисовна знала, что она не рождена хватать с неба звезды, но была твердо уверена, что кандидатскую диссертацию высидит и что ее кандидатская будет ничуть не хуже других, а может, в каком-то смысле даже и лучше — добросовестнее. Вот только обескураживало Фанну Борисовну, что она не успела завершить диссертацию, пока училась в аспирантуре. Так это еще раз подтверждало, на небо звезды — не для нее.

Фанна Борисовна приглядывалась к своим помощницам. Они были моложе ее на каких-то пять лет — а какая разница! Будто между ними целая жизнь. И если бы Фанна Борисовна начала себе объяснять, почему это так, если бы она начала докапываться до причин этой резкой непохожести девочек на нее, она, конечно бы, отметила в первую очередь беззаботность, беспечность своих учениц. Фанна Борисовна никогда не была такой. Ею с первого курса — нет, значительно раньше, с девятого класса — была выбрана цель — стать... ну, не ученым, это громко звучит..., а кандидатом наук и — Фанна Борисовна допускала такую возможность — может быть, доктором.

Но и в этом, последнем, случае Фанна Борисовна предощущала некоторое несовпадение между понятиями «ученый» и «доктор». Девочки же бездумно жили сегодняшним днем. Фанна Борисовна однажды задала Ларисе такой вопрос:

— Лариса, через три года вы заканчиваете университет... Пора предпринять какие-то шаги, чтобы устроить свое будущее.

— Да что вы, Фанна Борисовна, — смущаясь, сказала Лариса, — замуж мне рано.

Дурочка, Фанна Борисовна ей совсем о другом толковала, о карьере — не в плохом смысле этого слова, а в первородном. Фанна Борисовна не захотела ставить Ларису в неудобное положение, пояснить свой вопрос, но узнать, куда думает студентка уже, считая, третьего курса, податься после университета, ей было интересно, и она спросила по-другому:

— А где бы вы хотели, Лариса, работать?

— Куда направят.

— Даже в школе? — невольно вырвалось у Фанны Борисовны, потому что нынешняя школа для человека с нормальной организацией нервной системы — ад.

Лариса безразлично пожала плечами.

— Без работы никого не оставят, — сказала она.

Возможно, Лариса немного скрытничала. Фанна Борисовна уже заметила за ней, что она обладает завидной реакцией замыкаться в себе. Как это Федосья Тихоновна сказала про дочь? «Вся обида ушла в себя»... Да, да, кажется, так. И Федосья Тихоновна углядела в Ларисе такую особенность, иначе об этом не вспомнила бы.

И все-таки — Фанна Борисовна чувствовала — не настолько Лариса скрытна, чтобы не сказать преподавателю об обыденной для студента вещи, где бы ему хотелось работать. Видимо, Ларисе и в самом деле было безразлично, стать ли урокователем в школе или закончить аспирантуру и, как Фанна Борисовна, остаться в университете при какой-нибудь кафедре.

У Надежды же Фанна Борисовна о планах на будущее даже и спрашивать не стала. Тут ясно и без вопросов: Надежда — воплощение бездумности. Ей бы только покрякивать вырядиться да поохотиться.

Нет, нет, Фанна Борисовна не обижалась на девушек. То, что нужно сделать сегодня, то, что требовало от них Фанна Борисовна в данный момент, они выполняли безукоризненно. Может быть, им не хватало немножко инициативы, творческого жжения, так разве можно требовать этого от всех людей подряд. Творческий зуд возникает, когда перед человеком горит прекрасная цель.

Фанна Борисовна попросила девушек, чтобы они разнесли по карточкам собранный утром материал:

— В Москве будет некогда... Мы все должны обработать, находясь в экспедиции.

Надежда слегка нахмурилась, едва заметная тень проскользнула у нее по лицу, а Лариса сразу склонилась над записями.

Фанна Борисовна вышла на крыльцо.

Трава была еще мокрая от дождя. С крыши скатывались редкие капли. Но было уже совсем тепло. Фанна Борисовна села на лесенку и, вернувшись памятью к разговору со своими помощницами, подсадовала на себя, что забыла высказать девочкам еще один, может быть, самый важный для диалектолога совет: нельзя эмоционально воспринимать душевные излияния объекта. Надо записывать и записывать, что он говорит. Сочувствовать некогда. Слово, как говорится в пословице, не воробей, вылетит — не поймашь. А девочки иногда забывали о том, что они на работе, что охать и ахать, ловить ртом мух профессионалам-диалектологам строго-настроено противопоказано.

Ничего, она им об этом еще успеет напомнить. Они все-таки восприимчивые.

В огороде у Федосьи Тихоновны трава была уже скошена, сметана в стожок. На стожаре сидела ворона. Ветер заворачивал ей хвост.

Фанна Борисовна вдруг оступилась на себе пристальный взгляд сбоку. Она, не шевельнувшись, скосила глаза. На крыльце с поднятой для очередного шага лапой замерла курица. Фанна Борисовна хотела ее прогнать, но курица посулила ей яйцо — ко-ко-ко — и вкрадчиво переставила лапу на солнечный свет.

Солнце еще путалось в серых отрешках ускользающих облаков, но уже испускало тепло, и курица чувствовала его. Она поджала лапы, повела шеей в сторону Фанны Борисовны и, успокаиваясь, пригреваемая слабыми лучами, сонно стала закатывать глаза. Фанна Борисовна впервые в жизни увидела, что веки у курицы закрываются снизу. Снизу, не сверху напылают на роговицу желтый мешочек кожи.

Фанна Борисовна так удивилась этому, что, вспугнув курицу, побежала в дом.

— Девочки! — изумленно воскликнула она у порога, но увидела, что Лариса с Надеждой сортируют на столе карточки, и решительно подавила в себе по-детски выплеснувшийся восторг. — Вы уже работаете? — спросила она деловым тоном и так же деловито похвалила: — Молодцы.

4

Солнце уже прорвало облака, и земля парила. Видно, верно подмечено стариками: с утра дождь — так под вечер день хорош... Разгуляется денек и сегодня.

Но через дорогу-то надо переходить, не дожидаясь вчера, а на ней грязи

по уши. Мишка Некипелов посмотрел через дорогу на зазывно зеленеющую омытой травой лужайку и пошел напрямую:

— Давай за мной, пока Тишиха за сеledкой не сбегала, — сапоги у него зачавкали, заскользили по мыльной глине.

Кирия помялся-помялся, да делать нечего — не отставать же от боевого товарища — и, пытаясь угадать ногой в остающиеся после Мишки следы, сунулся в болотную засасывающее месиво.

Мишка выбрался на затравенную дернину, оттопал грязь с сапог.

— Скажем, поля проверяли. Просим, мол, извинить за такой непростительный вид, — на нем был Кирия прорезиненный плащ, на лоб бляном свисала Кирина фуражка-восьмиклинка, в руках Мишка держал старый Кирия портфель, набитый газетами.

— Ну как? Похож на председателя сельсовета?

— Похож, — насмешливо успокоил его Кирия, а сам подумал: «На раменского пастуха, тот с портфелем коров пасет».

Они спустились под горку до Тишихиной избы. Окна у нее были низкие, и Кирия с Мишкой, проходя мимо них, увидели, что девки сидят за столом и что-то пишут.

— Интеллигентия, едриттвой налево, — завистливо сказал Мишка и сунул руку в темнеющую на дверях прорез, чтобы открыть с той стороны задвижку. Дверь несмазано закрипела, предупреждая тех, кто в избе, что пожаловали незваные гости.

Мишка с Кирией не решились перешагнуть порог в сени: полы отсвечивали яичным желтком.

— Мать честная, как языком вылизано, — сказал Мишка.

Ну, Тишиха чистюля известная. У нее не только в избе, но, наверное, во дворе не найдешь ни единой паутинки.

В углу у дверей стояли три пары туфель.

— Ого, уже и девок разула, — заметил Мишка. — Босиком шлепают по избе. — Он запустил под кепку ладонь, почесал затылок. — Н-да, непредвиденное препятствие...

А Кирия, кивнув на туфли, добавил:

— Как в иностранной церкви, — он читал об этом в какой-то книжке, что будто бы там разуваются прямо на улице.

Мишка было стал снимать сапоги, но потом одумался: смешно же будет — председатель сельсовета предстанет перед девками босой, как Иисус Христос.

— Пошли, — позвал он решительно Кирию. — Девки столько, или не вымоют.

Они боялись оглядываться, чтобы не видеть следов.

Мишка открыл дверь в избу и, согнувшись в три погибели — косяки были низкие, — шагнул на еще чище, чем в сенях, вылизанные полы.

— Здравствуйте, — сказал Мишка, проходя на избу и небрежно бросив портфель на лавку.

Девочки, притихшие, уставились на него. Начальница — по всему видно, засидевшаяся в старых девах кикимора — поздоровалась за всех и спросила:

— Вы к хозяйке? — и осуждающе посмотрела на Мишкины сапоги.

Кирия от порога было начал извиняться за затрапезный вид: мы, мол, поля смотрели, — но Мишка перебил его:

— Нет, мы к вам, — и строго уставился на старую деву.

— Чем могу быть полезна? — спросила старая дева и показала вставные зубы.

Мишка расстегнул плащ, — по-хозяйски бросил кепку на свой портфель и приглядел ладонью волосы.

— Я председатель сельсовета, — представился он. — А это, — Мишка указал на оробевшего у дверей Кирию, — полежаевский бригадир.

Кирия сделал два шага вперед, полупоклонно кивнул головой.

— Очень приятно, — сказала старая дева.

Ее помощницы, переглянувшись, прыснули, зажали ладонями рты. Наставница строго посмотрела на них, и они отвернулись к окну, чтобы не рассмеяться в открытую.

Кирия немного смутился: «Чурбан неотесанный, — осудил он себя. — Раскланялся, как царский офицер».

Девочки — обе — и отвернувшись-то, не выпускали его из-под обстрела своих глаз.

Кирия кашлянул в кулак и смутился еще больше: девочки неприязненно смотрели на его проскипидаренные мазутом руки. Кирия как от огня отдернул их ото рта и спрятал за спину, сцепившись пальцами на поясице. Вот так-то, пожалуй, стоять лучше — и вид независимее.

— Та-а-ак, — начальственно протянул Мишка. — Кто такие? С какой целью приехали?

Старая дева полезла в чемодан доставать документы.

— Мы из Московского университета, — через плечо говорила она. — Диалектологическая экспедиция. Изучаем северный говор.

— Хорошее дело, — сказал Мишка и сел на лавку к столу.

Кирия, торопливо отодвинув от Мишки портфель, занял место с ним рядом.

На полу после них кое-где отстали от сапог пластинки влажной земли с отпечатавшимися на них рубчиками подошв. Первым желанием Кирия было собрать ошметки и бросить под умывальник в таз, но это было бы неестественно: начальство он или нет?

У Тишихиной кровати была привязана к деревянной точеной ноге нитка с бумажкой на конце. «Для кошки, — догадался Кирия. Тишиха себя развлекает, как маленькая». В детстве он тоже любил так забавляться: потрясет за нитку, а кошка тут как тут, выскочит из-под кровати и начнет бумажку ловить, ухочешься.

Старая дева принесла командировочные удостоверения:

— Вот, пожалуйста... Да мы бы ведь все равно зашли в сельсовет отмечаться... Куда бы мы делись... — Она улыбнулась, опять показав вставные зубы, и добавила: — Без отметок нам и командировочные расходы никто не оплатит.

Мишка не поддержал ее шутку.

— Положено сразу отмечаться, — сказал он.

— Да мы уж как-то привыкли, что одновременно ставим отметку и о прибытия и о выбытия.

— Не положено одновременно. — Он взял удостоверения, повертел их в руках.

Кирия испугался, что на них останутся жирные отпечатки Мишкиных пальцев. Уж не показывал бы никому свои руки. Ра-а-стя-я-па...

Девочки уже не смотрели в окно, облокотились о стол. Та, что сидела справа, со щербинкой в зубах, белокурая, игриво протянула:

— Такие молодые, а строгие...

— Надя! — остановила ее старая дева.

— А нет, в самом деле, Фаина Борисовна, — обиженно обернулась к ней Надя. Русая коса стекла у нее со спины на предплечье. — Нигде таких строгостей нет, как здесь, в Полежаеве. — Она сердито отбросила косу назад.

Кирия сразу вспотел: пересолится, надо было полегче.

— Порядки везде одни, — назидательно проговорил Мишка. — Другое дело, что в одном месте их нарушают, а у нас требуют неукоснительного исполнения. Если вам не нравится это, мы можем вообще не отмечать ваши командировки.

— Да нет, что вы? Мы не в претензии, — заволновалась Фаина Борисовна. — Это Надя по недоразумению сказала...

Надя нервно затеребила стоячий ворот блузки. Видать, и она всерьез приняла угрозу Мишки. Но глаза у нее прищуренно и, как показалось Кирие, насмешливо следили за новоявленным начальством. Они будто бы утверждали, что уж если нельзя пришельцев поставить на место словами, то никто не запретит ей выразить к ним свое отношение взглядом.

Вторая студентка — чернявенькая, в кудряшках — была сдержаннее, скромнее и не встречалась глазами с Кирией. Она сидела вполоборота к окну и делала вид, что ее совершенно не занимает, зачем заглянули к ним в избу председатель сельсовета с полежаевским бригадиром, как бы уже заранее предвидя, о чем они спросят, что ответит им их начальница, как они попросят прощения за беспокойство и уйдут исполнять свои прямые обязанности.

Мишка, видно, так же истолковал ее безразличие и загорячился:

— Паспорта? — потребовал он и, пока Фаина Борисовна доставала паспорта, спросил: — Сколько дней пробудете в Полежаеве?

— Да, наверно, дней семь, — опять через плечо ответила Фаина Борисовна. — А потом переберемся в... это... как его...

— Переселенье, — подсказала Надя, не скрывая насмешки.

— Да, да, в Переселенье, — повторила Фаина Борисовна.

— Очень хорошо, — сказал Мишка, неизвестно что одобряя: то ли то, что они переедут в Переселенье, то ли что будут жить в Полежаеве семь дней.

Мишка заскорузлыми, черными пальцами открыл первый паспорт.

— Сорокажердьева Надежда Егоровна... Та-а-ак, — протянул он и посмотрел на Надю. — Сорока — Жердьева?

Чего-то его в фамилии удивило.

— Сорокажердьева! — обиженно сказала студентка и еще злее сверкнула глазами.

Но Мишка уже читал дальше:

— Одна тысяча девятьсот пятьдесят пятого года рождения. Понятно! — И подал паспорт Кирию.

— Да я верю, — сказал Кирия.

Мишка, сердито сощурившись, обернулся к нему, но ничего не сказал и взял второй паспорт:

— Завьялова Лариса Сергеевна... Это вы? — вскинул он брови и посмотрел на чернявую девочку, сидевшую под иконами.

— Как видите! — жеманно поклонилась за подругу Надежда, и опять русая коса съехала через плечо наперед.

Лариса не удостоила его вниманием.

— Оч-ч хорошо, — сказал Мишка и прочитал: — Одна тысяча девятьсот пятьдесят шестого года рождения... Та-а-ак... На один год вас помоложе? — обратился он теперь уже к Наде.

Надя недоуменно вскинула белесые брови: «Какое, мол, это имеет значение?»

И Кирия посочувствовал ей: действительно, какое? Мишка явно переусердствовал. Им еще предстояло припугнуть девочек работой на сенокосе, а он придумал проверять паспорта. Чего это ради? Теперь уж с сенокосом ничего не получится...

— Место рождения — город Москва, — прочитал Мишка и причмокнул языком. — Завидую... Везет же людям...

Это почему-то задело Ларису, и она освободилась от безразличия:

— А чего в том завидного? — спросила она, тряхнув кудряшками. — В Москве родился или в Полежаеве... Какое это имеет значение? — Лариса необдуманно хмыкнула.

— Имеет, — нажал голосом Мишка и побарабанил потрескавшимися пальцами правой руки по столешнице.

— Да не все ли равно? — настаивала на своем Лариса. — Лишь бы человеком вырос, а где родился...

— Вот именно, — перебил ее Мишка. — Человеком, — и стал перелистывать паспорт, где особые отметки и где прописка.

Кирия только теперь сообразил: да ведь Мишке Лариса понравилась! Он же сразу — как это Кирия не обратил на это внимания? — на нее уставился, сразу выделил ее из троих и теперь пытается выудить из паспорта кое-какие сведения о ней. Ну, конечно, смотрит, не замужем ли она. Ну, конечно, запоминает домашний адрес. С него станет, что и письмо накает в Москву.

— Все ясно, — Мишка отложил паспорт Ларисы, уже не предложив Кирие взглянуть на него, и Кирия опять разгадал этот жест: да Мишка же ему Надежду подсовывает. И паспорт ее поэтому подавал, чтобы Кирия изучил про нее, где живет, не замужем ли. Сам-то вон и смотреть не стал.

Мишка взял третий паспорт и уже не объявил вслух ни фамилии, ни года рождения Фаины Борисовны.

— Ну что ж, товарищи, — сказал он, — документы у вас в порядке. — Мишка намеренно искажал ударение в слове «документы».

— Неужели? — съехидничала Надежда, и Фаина Борисовна строго остановила ее:

— Надя, не надо. Товарищи при исполнении служебных обязанностей.

— Вот именно! — подтвердил Мишка. — Прошу сегодня же командировки отметить у моего секретаря. Сельсовет в-о-он, на горе... — он повернулся к окну. — Видите дом с мезонином? В мезонине почта, а внизу — Советская власть. Милости просим...

— Непременно придем. Сегодня же, — заверила его Фаина Борисовна.

Мишка через Кирию потянулся к портфелю:

— Дай-ка мне сегодняшнюю газету со сводкой.

— По заготовкам кормов? — уточнил Кирия.

— Ее.

Теперь начиналось главное... Ну, Мишка! С перевыполнением жмет. Ему бы в театре работать, а не на тракторе «Беларусь». Какой талант пропадает!

Кирия достал из портфеля районную газету.

— Так, так, так, — сказал Мишка и опять побарабанил замазутенными пальцами по столешнице. — Колхоз имени Жданова... Это мы... Предпоследнее место... Скошено... восемнадцать и семь десятых процента... Засилосовано... тридцать два процента...

Окончание следует.

СЕНТЯБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Магистраль, о которой мечтали

Десятилетиями мечтал вьетнамский народ о том дне, когда поезда побегут от столицы страны Ханоя к городу Хошимину, как называлась теперь Сайгон. Сейчас эта мечта претворяется в жизнь. Тысячи рабочих, техников, инженеров работают на восстановлении железной дороги, которая пересекает с севера на юг практически всю страну.

Темпы восстановления и реконструкции не могут не восхищать. Красноречивое сравнение. Некоторое время назад японские специалисты из Организации технического сотрудничества с зарубежными странами, приглашенные для консультации еще маршноточным режимом Тхьеу, объявили, что для реконструкции участка от Сайгона до города Донгха потребуются пять лет. А сейчас, вдохновленные объединением страны, обогащенные опытом реконструкции и восстановления железных дорог, мостов, путепроводов, наши строители обязались за-

вершить все работы (и не только от Хошимина до Дангха, но и дальше — до Ханоя) уже к концу нынешнего 1976 года. Энтузиазм народа, и в первую очередь молодежи, которой доверены самые трудные участки, в частности восстановление некоторых мостов, внушает уверенность, что высокие обязательства будут, несомненно, выполнены.

Кстати, несколько цифр, характеризующих один из возводимых мостов. Длина сооружения — 5503 метра, ширина — 19,5 метра. Мост будет двухъярусный. На нижнем проложены две железнодорожные колеи, рядом с которыми предусмотрено место для передвижения повозок в обе стороны. По верхнему ярусу помчатся, не снижая скорости, в четыре ряда автомобили. Кроме того, наверху проложены дорожки для пешеходов. От воды до моста пятнадцать метров.

«ВЬЕТНАМ ЮФ», СРВ

Возраст — две тысячи лет

Четыре сосредоточенных лица в масках склонились над операционным столом. Перед ними скальпель, ножницы, увеличительные стекла, форцепсы, нейлоновые нити — все атрибуты хирургического вмешательства.

И все-таки, несмотря на большое сходство с операционной, это не лечебное учреждение, а археологическая реставрационная. На столе мумия, возраст которой исчисляется двумя тысячелетиями. Правда, обрабатывающие ее ученые-археологи действуют ничуть не хуже самых опытных хирургов...

«АРЕНА», ЮГОСЛАВИЯ

ПОДВОДНЫЕ ВУЛКАНЫ И РЫБА

В последнее время в районах Исландии и Гренландии рыбаки находят в своих сетях много уродливых рыб: двухголовых, трехкостых, слепых, многоглазых... Иногда уродливые экземпляры составляют 5 процентов улова. Вначале ученые считали, что столь необычную мутацию вызывают красные водоросли, которых течения могут занести на север. Но эта гипотеза не объясняла, почему льды, дрейфующие в западном направлении от Исландии, несут столько рыб, погибших от паралича мышц. Ранее подобное явление наблюдалось лишь в отдельных случаях и в малых масштабах. В конце концов биологи обратили внимание на вулканические газы. После того, как у исландского побережья в результате извержения подводного вулкана возник новый остров, исследовательские суда обнаружили в морской бездне разрывы магмы, из которых выделяются вулканические газы, содержащие вредные вещества. Анализ морской воды показал, что она содержит также соединения серы и других элементов, которые воздействуют на размножение клеток.

«ДЕЛЬТА», ВЕНГРИЯ

Самый длинный рог

В швейцарском городе Крианс представителем печати был продемонстрирован самый длинный альпийский рог — 13,4 метра (прежний рекорд был равен 10,5 метра). Для его обработки был использован 25-метровый станок весом в 450 килограммов. Новый «альпийский рожок» весит 32 килограмма. По желанию играющего на нем он может быть удлинен или укорочен. В его самой широкой части свободно может поместиться чело-
век средних габаритов.

«ТИП», ШВЕЙЦАРИЯ

Птицы летят по расписанию

В каждом аэропорту есть специалист-орнитолог, вся работа которого заключается в том, чтобы предотвращать столкновение самолетов с птицами. В компании «Эйр Канада» тоже, естественно, есть такой специалист. Он работает в Монреале, изучает привычки птиц и высказывает рекомендации, направленные на повышение безопасности полетов.

Миграция птиц между канадским севером и теплыми краями на юге Соединенных Штатов, оказывается, отличается весьма строгой определенностью. График их полетов своей точностью напоминает график движения самолетов.

Специалист-орнитолог «Эйр Канада» разрабатывает для летчиков наилучшие направления полетов, при которых до минимума сокращается возможность встречи самолета с птицами. Его фамилия? Bird, что в переводе значит... «птица»!

«УИКЭНД», АНГЛИЯ

ВОЙНА С ПИРАНЬЯМИ

В Бразилии несколько месяцев длится кампания, направленная на истребление грозного обитателя здешних рек, наносящего сильный урон речной фауне, — кровожадной пираньи.

Прожорливость этой проворной рыбки с необычайно острыми зубами вошла в поговорку. Нередко жертвами пираньи становятся и люди. В 1966 году огромная стая пираний за несколько минут растерзала 20 человек, переправлявшихся через воды реки Араука.

Попытки борьбы с «рыбой-дья-

волом» — как называют в народе пиранью — ведутся давно. Впервые к уничтожению ее приступили в Бразилии в 1911 году. Против пираний тогда использовали динамит, а также строили специальные плотины на реках, чтобы воспрепятствовать проникновению хищников в соседние районы. Средства эти оказались малоэффективными, поскольку пиранья отличается высокой плодовитостью.

Сейчас специалисты разработали специальную мазь, содержащую токсичный ртутен, который вызывает смерть пираний в течение нескольких минут. Препарат этот действует селективно,

не наносит вред другим обитателям бразильских рек.

Рассыпка над речной поверхностью токсичной смеси позволила очистить от пираний около 54 тысяч квадратных километров площади на северо-востоке страны. В прошлом году с этой целью было израсходовано 14 тысяч тонн смеси. В нынешнем запланировано произвести 200 тысяч тонн смеси. Это, однако, лишь начало борьбы с бичом бразильских рек. Ученые надеются искоренить пираний в амазонском бассейне лишь к концу столетия.

«ВЕДЗА И ЖИЧЕ», ПОЛЬША

Италия: проблема разменной монеты

В овощном отделе римского супермаркета покупательница спорит с молодой кассиршей — у той нет сдачи, и она предлагает в качестве денежного эквивалента взять у нее вместо недостающей монеты в двадцать лир пару пачек жевательной резинки. «Но ведь в отделе наверху мне уже всучили вместо сдачи такую же резинку!» — возмущается покупательница. «Мне очень жаль», — отвечает кассирша, — «но где теперь найдешь эту пролинявшую мелочь! Возьмите тогда конфетку или хотя бы полиэтиленовый пакетик!»

А в маленьких магазинчиках покупатель почти всегда получает вместо сдачи все, что угодно, — телефонные жетоны, почтовые марки, выпулы для шариковых ручек, булавки, значки, бельевые прищепки и прочую мелочь, включая пакетики с петрушкой. Конечно, петрушку покупатель может взять, особенно если ему напомнить, что это как-никак родственник прославленного женища. Но с прочими видами «денег-заместите-

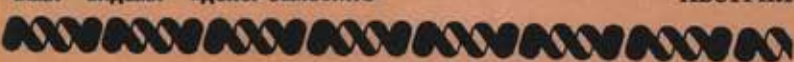
лей» всегда трудно: берут их со скрипом.

Многие итальянцы склонны обвинять во всем этом мелких торговцев, которые якобы накапливают у себя разменную монету. Но те защищаются: им самим-де приходится покупать мелочь у «коллекционеров» (по повышенным ценам, разумеется), иначе хоть свертывая торговлю.

А вот в городе Специя вышли из положения тем, что выпустили собственные местные деньги. Собственно, это не деньги в полном смысле этого слова, а бонны. Тамашнее объединение владельцев магазинов напечатало 200 тысяч таких бон по 50 лир каждая, причем было решено принимать это платежное средство без ограничений в пределах города Специи и его окрестностей.

Куда же смотрят власти! Правительственные органы пока не заняли по этому вопросу определенной позиции: других забот хватает.

«БУНТЕ ЭСТЕРРАЙХ»,
АВСТРИЯ

Операция «Рембрандт» продолжалась шесть месяцев. С помощью ниток, воска и специального утюга голландские специалисты искусно реставрировали хранящуюся в амстердамском Королевском музее картину «Ночной дозор», самое значительное произведение знаменитого Рембрандта ван Рейна (1606—1669 гг.). Картина была повреждена 14 сентября прошлого года полубезумным учителем, который в подсознательной жажде славы Герострата порезал знаменитое полотно ножом.

Казалось, что тринадцать длинных разрезов изувечили картину навсегда. Главный хранитель Королевского музея Питер ван Тиль не поддался, однако, отчаянию. Спасение картины он доверил опытному реставратору Луитсену Куиперу. После нескольких месяцев кропотливой и напряженной работы Куипер потряс своих коллег «амстердамским чудом».

Огромное полотно (359×438 см) было положено на подпружиненное основание. Реставраторы находились на перемежающейся доске, которую можно было установить над любым местом картины. Разрезы сшивались тонкой нитью, а трудность

состояла в том, что полотно из-за своего почтенного возраста (334 года) было очень хрупким. Защищенные места натирались смесью смолы и пчелиного воска, а затем заглаживались утюгом.

Когда все было зашито и заглажено, наступил самый трудный этап работы: на полотне, которое уже висело в обычном положении, нужно было восстановить красочный слой. Луитсен Куипер работал при постоянной консультации искусствоведов. После нанесения красочного слоя картина была тщательно очищена и снова подвергнута реставрации.

«Ночной дозор», как и прежде, притягивает к себе массу любителей искусства. Но даже при самом тщательном осмотре никто не может определить, где были сделаны ужасные разрезы. Однако никакие ухищрения корифеев реставраторского дела не могут устранить повреждения, нанесенные знаменитой картине в 1715 году. Тогда «Ночной дозор» было решено повесить в здании ратуши. Поскольку же помещение оказалось мало, то отцы города, не долго думая, просто-напросто отрезали левую часть картины, где были изображены три фигуры.

«100 + 1 ЗАГРАНИЧНИ
ЗАЙМАВОСТ», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

„ЗАПРЕТ НА ПРОФЕССИИ“

Волну протестов по всей стране «вызвали» так называемые «беруфсфербот» — запреты на профессии для радикально настроенных граждан ФРГ.

Однако и реакция не дремлет. В Касселе состоялся процесс по делу Сильван Гингольд, учительницы, которой запрещено воспитывать будущих граждан ФРГ. Запрещено только потому, что ее отец, Петер Гингольд, в самые мрачные времена германской истории боролся с фашистской чумой. Избежав казни в стенах гестапо, он сражался в отрядах французского Сопротивления. Дочь его — коммунистка.

Дети и внуки антифашистов, подданных Гингольду, лишены в ФРГ

элементарных человеческих прав. 12 лет тюрьмы при нацизме вынес Вальтер Фиг. Выйдя в 1945 году на свободу, он вместе с радикально настроенными либералами и христианскими демократами создал конституцию земли Гессен. 30 лет спустя в Гессене его сыну отказано воспитывать детей в духе интернационализма и демократии. Уже сейчас в ФРГ известны имена 2 тысяч лиц, попавших под действие законов мракобесия. При этом для слежки за ними используются худшие традиции гестапо. Шпионы подозревают по меньшей мере 850 тысяч других граждан ФРГ.

«КОНКРЕТ», ФРГ

СЛИШКОМ ДОРОГОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ

Если вы средний американец и если вам предстоит пройти курс лечения в больнице, то не удивляйтесь, если восьмидневное пребывание в этом лечебном учреждении обойдется вам в тысячу двести долларов. И это, не считая оплаты гонорара врача и других дополнительных расходов! Недавно проведенное исследование показало, что стоимость пребывания в больнице за последнее время возросла на 15—20 процентов. Если в конце 1974 года восьмидневный курс лечения стоил в среднем 996 долларов и 20 центов, то сейчас появилась новая средняя цифра — 1200

долларов. Именно средняя. В штате Вайоминг больница обходится пациенту в 650 долларов, а вот в Калифорнии — в 1400, в штате Массачусетс — в 1700, а в Нью-Йорке — уже в 1800 долларов.

Многие люди застрахованы на случай направления в больницу, но согласитесь, что если пациент получает по страховке максимум срок или пятьдесят долларов в день, то едва ли он будет обрадован, узнав, что лечение обошлось ему в среднем по сто пятьдесят долларов в сутки.

«РИДЕРС ДАЙДЖЕСТ», США

Обзор зарубежной печати.
Материалы печатаются в изложении.

В середине июня в районе Выборга, Сестрорецка, Петрозаводска состоялось войсковое учение под кодовым названием «Север», в котором приняли участие около 25 тысяч воинов Ленинградского ордена Ленина военного округа. Основная цель учений — отработка взаимодействия различных родов войск. Благодаря высокой боевой выучке солдат и офицеров, безукоризненной работе тыла и служб обеспечения все задачи, стоявшие перед войсками, были выполнены. По оценке руководителя учений, командующего Ленинградским военным округом генерал-полковника А. И. Грибкова, успех форсирования реки Вуоксы в значительной степени был обеспечен благодаря умелым и решительным действиям воинов гвардейского понтонного батальона подполковника В. В. Коноды. О них наш рассказ.

КОМБАТ

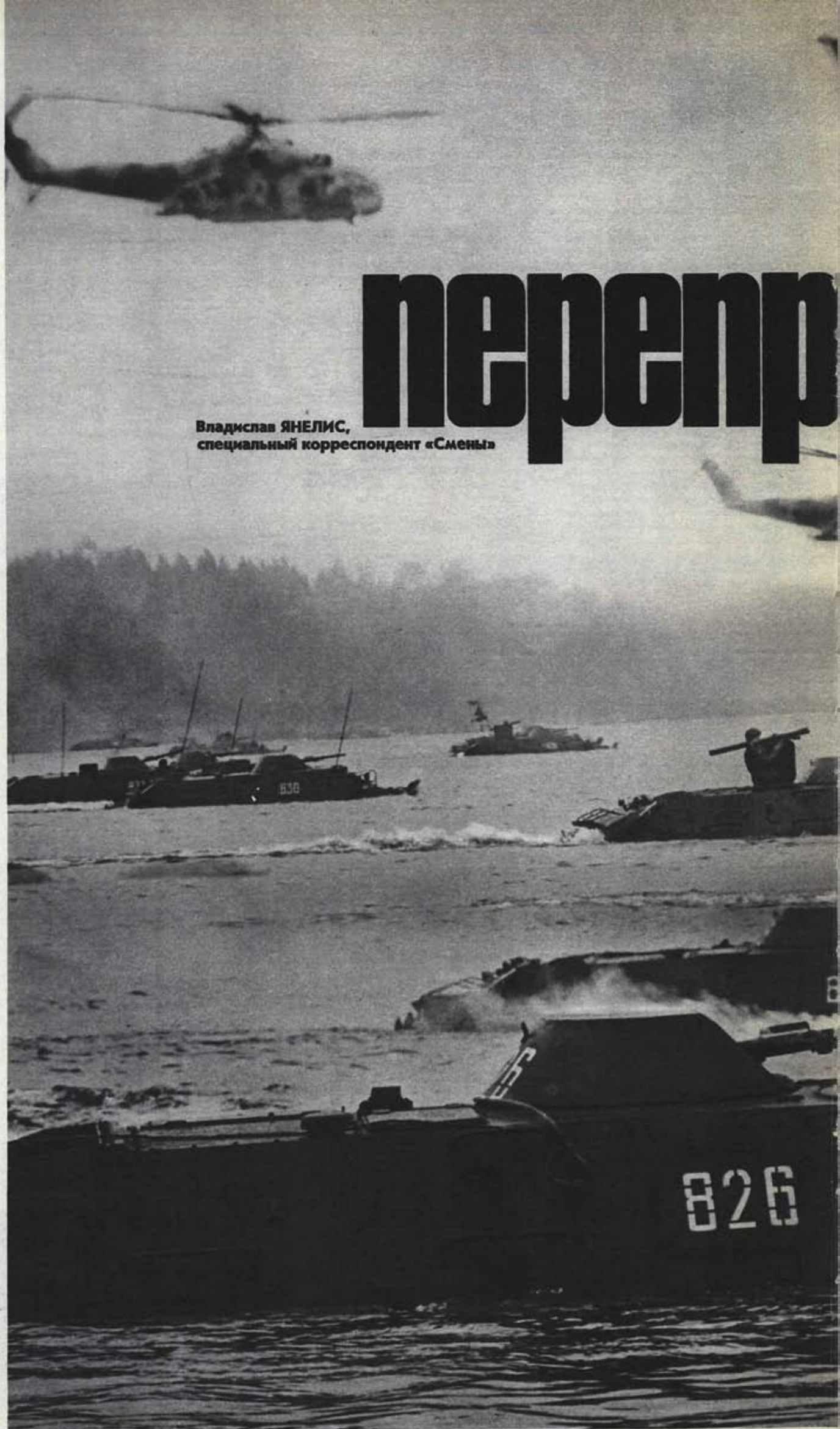
За четыре-пять часов, которые отводила карельская погода солнцу, оно успевало разогреть остывшую землю. Невесомо легкая пыль, клубясь от малейшего прикосновения, густо садилась на придорожную листву, лица, руки и одежду людей. Но стоило только северному ветру качнуть выгоревшие верхушки сосен, как погода — со сценической пунктуальностью — менялась, и косой холодный дождь хлестал со всех сторон несколько часов подряд, срывая кавычки с кодового названия учений. Тогда командир, смеясь, говорил, что понтонеры без воды — все равно что чайки без крыльев, безразлично, откуда вода хлещет — снизу или сверху. Сам он чувствует себя одинаково хорошо в любую погоду. Легкий, поджарый, загорелый дочерна, подполковник Конода шесть суток подряд спал ночами не больше четырех часов. Остальное время был в батальоне или около своей техники.

— Раньше в понтонеры солдат ниже ста семидесяти сантиметров не брали: почти все операции требовали физической силы. Попадет кто-нибудь с сомнительной мускулатурой, ему помик в руки: «Ну-ка, парень, стяжки ослабь... То-то, брат. Тебе лучше в связисты». Сейчас — другое дело. Во-первых, техника, во-вторых ребята с гражданки приходят, как правило, физически крепкие. Чья это заслуга — ГТО или акселерации, — не знаю, но факт.

То, чем занят Владимир Васильевич с пяти утра до часа ночи, учету не поддается. Начать с того, что встает комбат раньше всех, чтобы проверить посты и маскировку. Части «южных» наступают, батальон каждый день меняет позиции; вечером маскировка может выглядеть так, а утром иначе. Однажды во время обхода Конода приказал, чтобы к «штатной» сетке над машинами одной из рот привязали зеленые ветки. Я спросил его, зачем, ведь оттенки и рисунок маскировочной сети разрабатывались специалистами.

— Голая местность, а при аэрофотосъемке в режимное время силуэты машины могут просматриваться сверху.

В тринадцать лет он был связным в партизанском отряде имени Климента Ворошилова на Гомельщине. Взводом разведки командовал его старший брат Михаил. Как-то вблизи одной из баз отряда, где находились тяжелораненные бойцы, оказались каратели. Базу охраняло несколько партизан, остальные ушли на задание. Эвакуировать раненых было уже невозможно. И тогда все, кто мог ходить, а с ними и связной Володя Конода, начали резать орешник и «вы-

перепр

Владислав ЯНЕЛИС,
специальный корреспондент «Смены»

ава

Фото Александра НАГРАЛЬЯНА

ГВАРДИИ СЕРЖАНТ ВЛАДИМИР ЖУРАВЛЕВ И ПОДПОЛКОВНИК В. В. КОНОДА НА РЕКОГНОСЦИРОВКЕ.

саживать» его вокруг лагеря. Через двадцать минут отряд карателей прошел в полусотне метров от базы, не заметив ничего подозрительного.

Опыт военного времени пригодился теперь, на учениях.

В другой раз комбат приказал, чтобы каждый взвод возил с собой полуторadioмную железную трубу. Встанут лагерем, трубу к двум соснам скобами прибивут — чем не турник! Вообще-то солдату утром положено кросс бегать, но в походе особенно не разбегаешься, не те условия, вот и сгоняют остатки сна на полуторadioмке.

Подполковник раздевается первым. Смотришь, как пружинистое тело его легко взлетает к перекладине, и не веришь, что ему пятый десяток.

— Теперь, ребята, делай, как я. И делают, из последних сил вытягивают по пять подъемов переворотом, «крутят солнце». Сделаешь хуже комбата, он не рассердится, только скажет: «Даю неделю на тренировку. Докажите, на что способен понтонер на турнике».

В батальоне восемьдесят процентов личного состава имеют спортивный разряд. Большинство — не ниже второго. Тут комбат одинаково требователен ко всем без исключения — писарю, поварам, водителям, катеристам, связистам. Он считает, что уровень профессиональной подготовки вонна любой специальности в огромной степени зависит от его физической закалки. Тренированное тело стимулирует работу мозга, спортсмен быстро реагирует на изменение ситуации во время боя, легче переносит высокие физические нагрузки.

В конце дня комбат обязательно осматривает всю технику. Мы идем не в первом и даже не во втором эшелоне, но дороги или бездорожье одинаковы для всех. Автомобильный парк батальона — десятки тяжелых КраЗов, груженных многотонными стальными звеньями — составными частями будущего моста. Понтонеры должны доставить к реке всю эту

технику в безукоризненном состоянии. А когда наступит их черед — навести переправу, от которой подчас зависит исход всего боя. И поэтому после каждого броска вперед комбат вместе с зампотехом, командирами рот и взводов обходит, ощупывает, как врач пациента, машины, системы укрепления звеньев. Хорошая техника, давно ли о такой лишь мечтали, но любая, даже самая лучшая машина не скажет, что греются подшипники или где-то сорвало хомуты. До всего этого человек должен дозваться сам.

Все дни, пока шли учения, комбат не давал себе ни минуты отдыха. В каждом его поступке, в каждом приказе подчиненным не было ничего от суетливости или неумения управлять обстоятельствами. Шли учения. И он, Конода, должен был отдать им всю свою энергию и весь свой опыт. Так же, как и все, кого он вел за собой.

ПОДВОДНАЯ РАЗВЕДКА

Ох, как Анохин не любит разговаривать! Спрашиваю у него что-нибудь и чувствую, что внутри у офицера все содрогается, а лицо становится такое, будто лимон съел. И не потому это, что Анохину надо вначале привыкнуть к человеку, — он и со своим такой же. Может быть, оттого, что работа у него такая — командир подразделения, а под водой обстановка не очень-то к общению располагает. Но когда познакомишься с Николаем Анохиным поближе, тогда трижды простишь ему его молчаливость.

Как-то не принято говорить «трудяга» про военных людей. Но этот человек надевает комбинезон и трудится вместе с подчиненными, делает самую сложную работу: ремонтирует технику, снаряжение, спускается под воду, работает с документами, учит молодых солдат сложной профессии военного водолаза. И делает все это

ПОДВОДНАЯ РАЗВЕДКА

удивительно спокойно, хладнокровно, аккуратно.

Вечером, накануне переправы, Анохин остался на катере руководить работой группы водолазов-разведчиков. В свое время он облазил дно Вуоксы, как говорится, вдоль и поперек, искал наиболее удобные места для выхода плавающих танков и другой техники на противоположный берег. Сегодня — последняя разведка. Водолазам предстоит проверить, не заминировано ли дно, не нанесло ли течением коряг, топляков, камней туда, где завтра широкою реку перечеркнет понтонный мост, по которому пойдет боевая техника.

Анохин лично проверил снаряжение трюм водолазов, качнул воздух, постучал по стеклам шлемов, подвез груз. Кивнул головой: «Давай!» Первым уходит гвардии младший сержант Александр Тарлецкий, он старший группы, наиболее опытный. Анохин с ним отдельно прорабатывал задачу. За Тарлецким — Александр Ежов, тоже младший сержант, последним — гвардии рядовой Александр Феоктистов. Три Александра, самый надежный триумвират, эти ничего не проглядят.

Мы на «самом малом» уходим на катере от берега и тихою трюмом концом. Под водой шупают дно три мутно-белых луча. На часах — почти двенадцать, а в настоящей темноте нет — белые ночи. Даже звезды на небе кажутся какими-то нечаянными, тусклыми, крохотными. Ощущение такое, будто мы здесь совершенно одни и все жизненное кипение где-то очень далеко отсюда. Но это только кажется. Оба берега замерли до времени «Ч». Замерли, пряха лавину техники и людей, готовых схлестнуться в поединке воли и отваги, опыта и мысли. А пока здесь, на реке, на рубеже, разделяющем «южных» и «северных», стоит тишина.

Это не так легко — пройти по дну, когда тебя все время сносит быстрым течением, а ноги вязнут в песке и иле, когда надо взбираться на подводные пригорки и спускаться в почти двадцатиметровую бездну. И не просто идти, а «светить» дно, сортировать глазами каждый камень, проволочную нить, вросшую в ил корягу. Потом Тарлецкий рассказывал, что в одной из ям он спугнул полтора метра сома и тот с перелугу ударил его головой в живот так, что у Александра на минуту перехватило дыхание. Удар разбухший гигант в шлем, водолазу было бы не до шуток. Поэтому почти всегда под водой одновременно работают как минимум двое.

А бывают ситуации, когда в водяную бездну спускается сразу подразделение. Накануне учений Анохин обнаружил на дне реки старую баржу. Офицер уже полчаса лазил по ее проржавевшим отсекам, как вдруг накнулся на артиллерийский снаряд. Посмотрел маркировку — немецкий. По опыту знал, что раз баржа потоплена во время войны, то вряд ли на ее борту был всего один снаряд. Через десять минут Анохин нашел ящик, затем еще два. В тот же день саперы оцепили берег, и Анохин со своими ребятами таскал наверх, бережно прижимая к груди, снаряд за снарядом, пролежавшие в реке тридцать лет, но по-прежнему таящие смерть.

Метрах в пятнадцати от противоположного берега Ежов подал условный сигнал: «Иду наверх». Анохин наклонился над бортом:

— Что случилось!

Ежов не полез в катер, а, оставшись на лестнице, попросил его «открыть». Жадно хватанул ртом воздух, раз, еще, вытер с лица пот.

— Дерево там, — Ежов ткнул рукой в воду, — чуть не наполнив в ил ушло, а сучья сантиметрах в семидесяти от поверхности — могут задеть машину.

— Сами справитесь, или мне одевать себя! — спросил Анохин.

— Все сделаем, только вот пилу захвачу. Мы ствол снизу перепилим, если откопать не удастся.

Прицелив к поясу сумку с инструментом, Ежов уходит под воду. Через несколько минут три луча от водолазных фонарей внизу сливаются в один. Легкая кипель воды над тем местом, где работают водолазы. Кажется, проходит вечность с момента погружения Ежова. Наконец на поверхности показывается тяжелый ствол дерева. Царапнув сучьями по борту, оно медленно уплывает вниз по течению. Мы помогаем ребятам забраться в катер и идем к своему берегу. А Анохин массирует Тарлецкому плечо, онемевшее от работы, когда он пилит ствол.

Неподалеку от берега, в кустах, я встретил подполковника Владимира Васильевича Коноду. Одетый в маскировочный халат, он вместе с радистом пришел к реке, чтобы просчитать все варианты разворотов колонны, еще раз увидеть на месте, где завтра его батальону предстоит наводить переправу.

Посмотрел на часы:

— У меня завтра... нет, уже сегодня — три сражения. Дочь и сын сдают выпускные экзамены, я навожу понтонный мост.

ВРЕМЯ «Ч»

Ночью и ранним утром основные силы «южных» вышли к реке, подавив последние очаги обороны «северных» на этой стороне. Но как ни стремителен был бросок передовых частей через болота, лесные завалы и цепь мелких озер, «северные» успели прочно зацепиться за противоположном берегу Вуоксы и подтянуть резервы. Чтобы не снижать высокие темпов наступления, командование «южных» приказало начать форсирование реки с ходу. Потому что теперь каждый час промедления работал на «противника», позволяя ему еще более укрепить систему береговой обороны.

Подразделения батальона Коноды, расположенные друг от друга в нескольких километрах, должны были слиться в одну колонну уже на боевом марше, но не ближе чем в ста метрах от берега. Рассредоточение — необходимое условие боя; в полном составе батальон, застигнутый на марше авиацией «северных», представлял собой отличную мишень, промахнуться по которой невозможно. А обнаружить в лесу машины сложнее. Теперь основная трудность, что прекрасно понимал комбат, заключалась в стыковке двух колонн. Через какое-то время шесть километров, разделяющие сейчас подразделения батальона, превратятся в сплошной огненный шквал. Сотни бронированных машин ринутся к берегу, выбирая кратчайший путь. Подразделению, спрятанному в лесу, предстоит в этой ревущей и грохочущей лавине пройти по точно заданному маршруту и, самое главное, не опоздать. В последний момент оно должно пристроиться в хвост колонны, которую поведет к берегу командир батальона.

Комбат поручил управление второй, оставшейся в глубине леса колонной двум офицерам, в которых верил, как в самого себя, — гвардии старшему лейтенанту Леониду Боргдорфу и лейтенанту Виктору Лептюхову. Командир лучшей роты, сам прекрасный специалист-понтонер, Боргдорф не раз с честью выходил из сложнейших ситуаций. Вместе с ним был исполняющий обязанности замполита батальона Виктор Лептюхов. Виктор — прирожденный политработник, из тех людей, которые, не задумываясь, идут на любой риск, если это оправдано обстоятельствами.

Случись что, из всего арсенала аргументов он берет самый высокий — личный пример.

В 10 часов 15 минут из-за нашей спины по противоположному берегу ударили тяжелые орудия, заработали крупнокалиберные пулеметы, нащупывая очаги обороны «северных». И почти сразу же низко над лесом скользили, разрывая барабанные перепонки, сверхзвуковые ракетноосцы. С обеих сторон от нас взметнулась земля — наши позиции атакуют одиночные бомбардировщики «северных», которым удалось прорваться сквозь огневую завесу зенитных батарей. Вдобавок ко всему тяжелая артиллерия «северных» начала методично обрабатывать лес, густой стеной протянувшийся вдоль нашего берега. Артиллерийский поединок. Время «Ч».

И вот в этом несмолкающем грохоте радист командирского БРДМ Геннадий Болотин ухитряется услышать позывной своего комбата.

— Товарищ гвардии подполковник, вас вызывает «Поляна».

Конода одним прыжком взмахивает на нос БРДМ, берет протянутые радистом наушники.

— Я «Дирижер». Слушаю...

«Поляна» — это Боргдорф и Лептюхов. Они докладывают, что их колонна через пять минут начинает движение. Значит, у Коноды в запасе еще пятнадцать.

— Построить батальон!

И снова, атакуя левый берег «северных», проносятся над нашими головами истребители-бомбардировщики, следом за ними — двойки вертолетов с десантом. Кажется, ардуэль достигла своего апогея. Я не слышу собственного голоса, хочется сунуть блокнот в карман и заткнуть уши. Но вот наша сторона на какое-то мгновение смолкла. Только на мгновение, потому что в следующую секунду рванула воздух сотнями моторов первая группа плавающих танков, устремившихся к реке. Началось форсирование.

Конода спрыгнул с БРДМ и быстро прошелся вдоль строя.

— То, что сейчас будем делать, — говорил он на ходу, — мы уже делали много раз. Я не буду вам повторять, что от действий нашего батальона зависит успех боя. Вы это знаете. Ошибка быть не должно. Хотя это учебный бой, мост, который мы должны сдать, настоящий, значит, действовать нужно, как в настоящем бою.

Ложая густую поросль молодых деревьев, слева и справа от нас проносятся подразделения легких танков — вторая волна атакующих, подкрепление передовым частям. Теперь нужен мост — оборону «северных» не смять только легкими танками и десантом.

По команде комбата водитель первой машины Игорь Еропников, вцепившись в руль мертвой хваткой, бросает БРДМ на полсотни метров вперед и дает два длинных гудка. Колонна, почти не тормозя, скатывается вниз по дороге, ведущей к берегу. Там, у развилок, нас должен нагнать Боргдорф, а пока мы, не снижая скорости, идем узкой просекой, и ветви деревьев хлещут по кабинам. Развилка. Где же вторая колонна! И в ответ на нашу невысказанную тревогу из кабины последней машины вылетает красный сигнальный флажок — условный знак: подразделение Боргдорфа догнало нас и, соблюдая дистанцию, идет следом.

Конода вытирает ладонью мокрое лицо.

— Теперь, парень, газуй, все в сборе.

Машины резко берут влево и взбираются на крутой песчаный откос, встав перпендикулярно к реке. Понтонеры раскрепляют системы, удерживающие звенья на бортах.

Взмах сигнального флажка комбата, и десятки КраЗов задом — одно-

временно — скатываются с насыпи, сбрасывая четырехпонтонные звенья в реку. Оглушительный хлопок стальных плоскостей о воду, глухой скрежет железа, десятиметровые фонтаны брызг. Огромные звенья распластываются на воде, тесня друг друга. И вдруг происходит непредвиденное — одно из звеньев, сдавленное двумя соседними, вырывается из общей ленты и уходит от берега. Рывок настолько силен, что не выдерживает страхующий трос, конец его стает по поверхности воды и перехлестывает звено с другой стороны.

Все это видели только несколько человек, остальные, в том числе и Конода, были заняты на стыковке. Десятки звеньев надо сомкнуть сначала во взводные участки, потом в ротные, и только тогда катера соберут общую ленту моста и, преодолевая течение, развернут его поперек реки.

В том, что произошло со звеном, не было ничего непоправимого. Его можно было поймать катером и поставить на место. Но в ту минуту катера поблизости не было, быстрое течение разворачивало звено и относилось все дальше.

Первым бросился в воду замполит батальона Лептюхов. Через полминуты он догнал звено и уцепился за край бокового понтона. За ним поплыли еще двое: гвардии старший сержант Николай Петров и гвардии ефрейтор Николай Груздов. Они посадили Лептюхова на понтон, затем приняли у лейтенанта страхующий конец и, зажав его — Петров в левой, Груздов в правой руке, — поплыли обратно к берегу. Остальное было делом техники. Подтянув звено к себе, понтонеры точно вставили его в промежуток между звеньями и начали затягивать крепления.

Вся эта непредвиденная операция продолжалась не больше двух минут. Но и две минуты — время немалое, когда дело касается сборки ленты. Возможно, злополучное звено задержало бы установку моста, не приди на помощь Петров и Груздов гвардии рядовые Андрей Пыльцев и Александр Халаев. Такое у понтонеров правило: никто не уйдет с ленты, пока последняя стяжка не будет замкнута.

Теперь на ленте остаются только офицеры и те, кто будет сбрасывать якоря. Лента сомкнута и готова к транспортировке на заданную ось. Головной катер, уцепившись тросом за береговое звено, отрывает ленту от берега и начинает поворачивать ее против течения. Едва пространство между лентой и берегом позволяет войти туда другим катерам, как они, выставив упоры-щупальца и толкая ленту вперед, переводят мост метров на тридцать через ось — необходимый запас при быстром течении. Остается сбросить и закрепить якоря, а за это время лента встанет точно перпендикулярно к берегам.

Через две минуты на мосту не остается ни одного человека. А еще через минуту из леса вырываются тяжелые танки «южных» и, не снижая скорости, взлетают на лягушковые аппарели моста. Конода, Лептюхов и их ребята с нарукавными повязками ответственных за переправу стоят возле своего детища и провожают глазами танки, идущие по мосту.

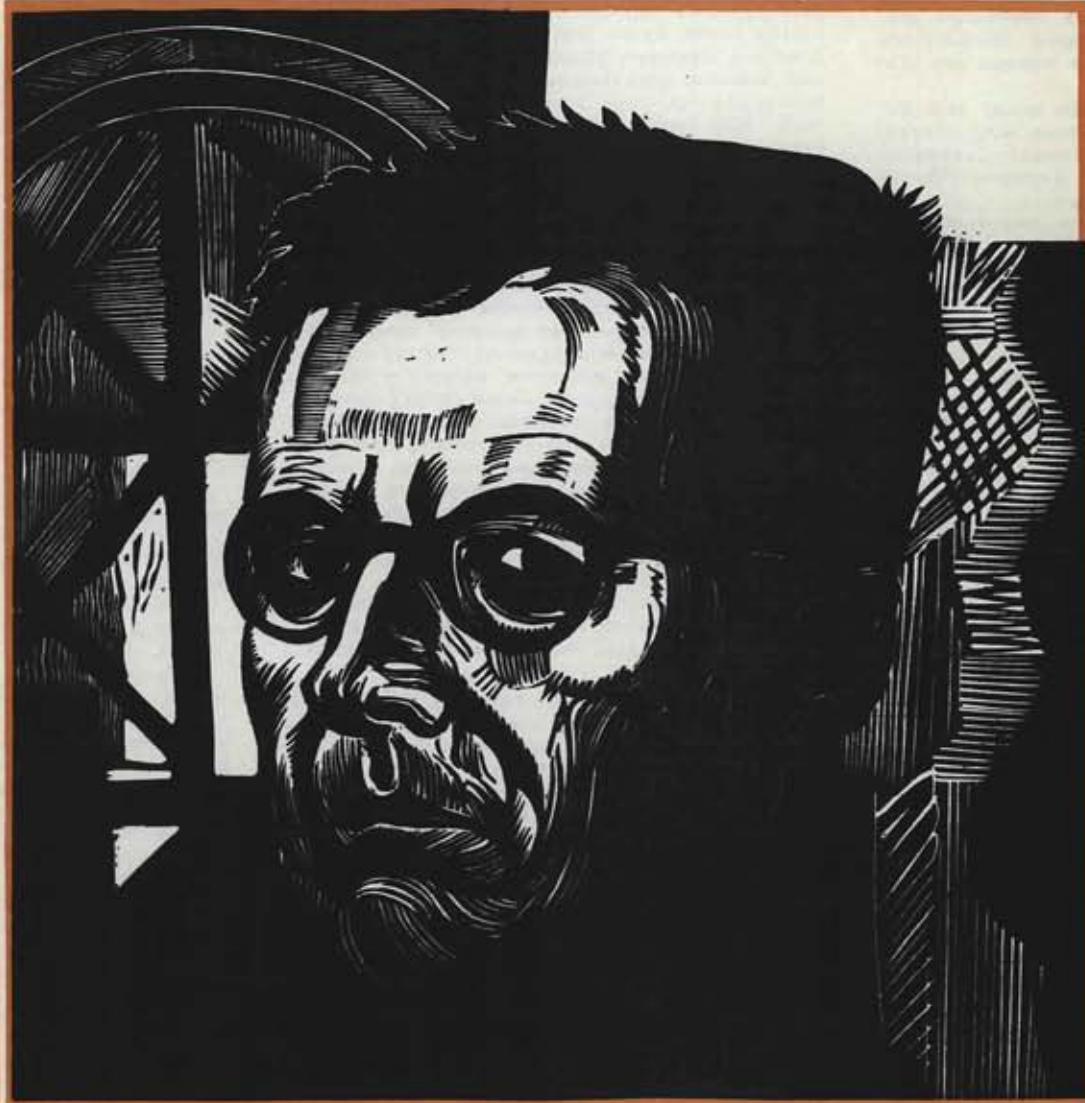
И до Коноды не сразу доходит смысл того, что говорит офицер связи, посланный к нему командованием учений. Офицеру приходится дважды повторить сообщение:

— Товарищ гвардии подполковник, приказом командующего вам объявляется благодарность за наведение моста в два раза быстрее, чем предусмотрено нормативами. Вы и наиболее отличившиеся офицеры будете награждены именными часами, воинам вашего батальона...

Конода кивает головой и улыбается. Впервые за это утро.

— Значит, я свой бой выиграл.

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
АЮДЕЙ

КОМПОЗИТОР ШОСТАКОВИЧ

Основные даты жизни и творческой деятельности

25 сентября 1906 года — день рождения Д. Д. Шостаковича. Родители композитора — Софья Васильевна и Дмитрий Болеславович Шостаковичи.

1919 год — поступление в Петроградскую консерваторию.

1923 год — окончание консерватории по классу фортепиано.

1925 год — окончание консерватории по классу сочинений.

12 мая 1926 года — премьера Первой симфонии в Ленинграде.

1926 год — сочинение первой сонаты для фортепиано.

1927 год — получение почетного диплома на Первом Международном конкурсе пианистов имени Шопена в Варшаве.

1927 год — создание второй симфонии «Посвящение Октябрю».

13 января 1930 года — в Ленинградском государственном академическом Малом оперном театре состоялась премьера оперы «Нос» (либретто по одноименной повести Н. Гоголя).

6 ноября 1931 года — первое исполнение третьей симфонии — «Первоймайской».

1932 год — создание музыки к кинофильму «Встречный».

1932—1933 годы — написаны 24 прелюдии для фортепиано.

22 января 1934 года — в Ленинградском государственном академическом Малом оперном театре состоялась премьера оперы «Леди Манбет Мценского уезда» (либретто по произведению Н. Леснова).

1934—1936 годы — создание музыки к кинотрилогии «Юность Манси́ма», «Возвращение Манси́ма», «Выборгская сторона».

1938 год — сочинение музыки к кинофильму «Человек с ружьем».

1941 год — присуждение Государственной премии первой степени за фортепианный квинтет.

Июль — декабрь 1941 года — работа над Седьмой, «Ленинградской» симфонией.

5 марта 1942 года — первое исполнение Седьмой симфонии в городе Куйбышеве.

1946 год — награждение Шостаковича орденом Ленина.

1947 год — трудящиеся Ленинграда избрали Шостаковича депутатом Верховного Совета РСФСР.

1947—1948 годы — создание музыки к кинофильму «Молодая гвардия».

1954 год — Всемирный Совет Мира присудил Шостаковичу международную Ленинскую премию «За укрепление мира между народами».

1954 год — композитору присвоено звание народного артиста СССР.

1957 год — создание одиннадцатой симфонии «1905 год».

24 января 1959 года — премьера в Московском театре оперетты музыкальной комедии «Москва — Черемушки».

1961 год — вступление Шостаковича в ряды КПСС.

1 октября 1961 года — исполнение в Ленинграде симфонии «1917 год», посвященной памяти В. И. Ленина.

9 августа 1975 года — юбилей Шостаковича.

4 октября 1975 года — исполнение в Малом зале Московской консерватории последнего сочинения композитора — «Сонаты для альта и ролля».

Высокий талант бессмертен. Всегда будет жить музыка Дмитрия Шостаковича, великого композитора современности. Музыковеды мира еще долго будут исследовать огромные творческие наследие художника-гражданина, «сумевшего чутким ухом прильнуть к сердцу Родины», как писал Алексей Толстой о творце Ленинградской симфонии.

Здесь мы публикуем запись короткого рассказа матери композитора Софьи Васильевны Шостакович о детстве сына, о первых его шагах в музыке...

В ноябре сорок третьего года, когда еще была затемнена Москва, в Большом зале Консерватории, переполненной до отказа, состоялась премьера Восьмой симфонии Дмитрия Шостаковича. Успех ее был грандиозен.

Пишущий эти строки, тогда корреспондент Советского информбюро, побывал у матери композитора, первой его наставницы в музыке, замечательного, сердечного человека.

— Расскажите о своем сыне...

В тот вечер появилась запись воспоминаний Софьи Васильевны Шостакович. Эти воспоминания мы и предлагаем вниманию читателей.

Михаил АЛЕКСАНДРОВ

МОЙ СЫН

Софья
ШОСТАКОВИЧ

Сейчас за окном мягко падают большие хлопья снега и видно, как в саду мои шалуны-внучата Галля и Максим бегают за снежинками, ловят их и смеются так звонко и заразительно, что невольно заставляют и меня улыбаться. Я смотрю на них и настолько живо вспоминаю то время, когда их отец был таким же большеглазым шалуном, что кажется, стоит мне только выйти на крыльцо, позвать: «Митя!» — и сын прибежит с мокрыми от снега валенками, с горящими, как огонь, щеками, с криком еще издали о том, что, мол, обедать еще совсем-совсем рано!..

Я представляю его мальчиком, и вместе с тем в памяти возникает и недавнее: огромный зал, залитый светом, много изволнованных людей, аплодирующих стоя, эстрада, оркестр и среди оркестра бесконечно дорогой мне человек, который создал такое глубокое произведение, где все, что мы пережили, что перестрадали мы в страшное военное время, и те светлые наши надежды зазвучали так верно и знакомо, словно он задушевно беседовал с каждым из нас, русских людей.

Я говорю о дне 4 ноября 1943 года, когда в Большом зале Консерватории в Москве была впервые исполнена новая, Восьмая симфония сына.

В этот день, не скрою, я почувствовала себя немножко гордой за то, что долгие годы, прожитые мной на земле, и мои заботы о детях не прошли даром, что свой материнский долг, подчас нелегкий, я выполнила и имею право теперь, когда голова стала седой, на то уважение и любовь, которые, знаю, чувствуют ко мне мои дети и мои внучата-шалуны, те самые, что кричат сейчас за окном в два голоса: «Бабушка» — и манят к себе...

Но сегодня им не дожидаться меня. Как-нибудь обойдутся. Мне хочется сегодня раскрыть свою старую шкатулку, вынуть пожелтевшие от време-

ни письма и фотографии, воскресить в памяти первые детские годы моего сына, подумать о том, почему же стал он известным, большим человеком, кажется, даже гениальным, если верить тому, что о нем говорят.

...Я раскрываю свою шкатулку. Здесь заключено мое былое. Здесь все, что дорого мне.

Вот прежде всего предо мной фотография старого русского ученого, с именем которого связана судьба моего мужа. Это великий русский химик Дмитрий Иванович Менделеев, обаятельный, светлый человек, внимательный и чуткий старший товарищ для тех, кому посчастливилось с ним работать. Мой муж сразу после университетской скамьи был принят Менделеевым и прошел под его руководством первые, самые трудные шаги самостоятельной научной деятельности.

...Здесь я вижу письма мужа. Был он хороший, жизнерадостный русский человек, прекрасный отец, любимый и близкий мой друг. Вспомнивая его характер, я нахожу знакомые черты в нашем сыне — Дмитрии. Мне думается, что доброе сердце, способное остро воспринимать человеческие страдания, необычайно развитое чувство справедливости и особая душевная чистота — качества, переданные по наследству отцом своему сыну.

Семья наша была обычной русской, патриархальной. Мы любили весело встретить Новый год, отпраздновать рождение или именины с непременно подарками и поздравлениями, любили посетить в воскресенье всей семьей театр, побывать в гостях и принять гостей у себя. Дети росли в атмосфере здоровой и спокойной. Никто не мудрствовал над ними, не выдумывал особых правил воспитания, — они нормально развивались, шалили, жили своей полной, красочной, детской жизнью, где каждый час открывается что-нибудь новое.

Митя, например, питал страсть к кубикам. Он фантазировал с ними невероятно, строил какие-то ему только известные сооружения, способен был часами играть один, никому не мешая. Сестры его Мария и Зоя, как и подобает девочкам, отдавали явное предпочтение куклам.

...Теперь на глаза мне попала программа домашнего концерта, написанная кем-то из друзей в веселую минуту. Она датирована сентябрем 1913 года, последнего мирного года перед первой мировой войной. В программе в шуточной форме перечислены исполнители номеров, и в том числе маленький семилетний Митя «под роялем», то есть в укромном уголке, куда он наивно прятался от меня, чтобы продлить время пребывания в гостиной сверх положенного и послушать музыку.

Так ясно я себе его представляю в этом возрасте: он стал немного задумчив, рассеян, пожалуй, флегматичен, что-то занимает его думы и отвлекает от привычных игр. Он страстно любит музыку, и целая драма увести его спать, когда у нас в доме наши музыканты-друзья.

Музыка, хорошая, настоящая музыка занимала всегда огромное место в нашем семейном быту. Чуть не ежедневно у нас по вечерам собирались мои товарищи по консерватории. Мы играли квартеты и трио. Чайковский, Бетховен, Рахманинов были нашими излюбленными композиторами. Мы могли переигрывать их произведения без конца, хоть до рассвета, и уверена я, что эти прекрасные вечера классической камерной музыки немало способствовали развитию музыкального вкуса у композитора-сына, который тогда ютился в своем укромном уголке, боясь шевельнуться от счастья.

Мы, родители, конечно, хорошо понимали и тогда, что сын наш достаточно музыкален для того, чтобы стать в будущем профессионалом-музыкантом. Старшая дочь, Мария, блестяще занималась в Петроградской консерватории, и можно было думать, что и Митя хорошо покажет себя. Но вместе с тем мы не спешили. Сказать правду, я не очень одобряю, когда юный, неокрепший талант начинают всячески мучить ради того только, чтобы произвести сенсацию, выпустив на концертную эстраду маленькое нервное существо с громким именем «вундеркинд». На мой взгляд, очень и очень редко бывает, когда такой ранний музыкант впоследствии вырастает во что-нибудь действительно интересное. Большею частью поражая зрелым не по возрасту мастерством в пять-шесть лет, он в тридцать представляет собой явление вполне заурядное, ибо творческие силы исчерпаны, организм устал, и человек преждевременно изжил себя.

...Передо мной листок календаря. В этот день Мите исполнилось девять лет, и он впервые сел заниматься со мной у рояля. Этот день я считаю

самым знаменательным в моей жизни. С первых же минут моих занятий с сыном я поняла, что со мной рядом феноменальных способностей мальчик.

Он прежде всего заявил безапелляционно, что «по линейкам» заниматься не станет, и потребовал пьеску. Я усмехнулась сначала и, решив немного остудить его пыл, поставила перед ним анданте из симфонии Гайдна в переложении для фортепиано. Вещь эта несложная, но, во всяком случае, требующая хотя бы небольшой подготовки и знания музыкальной грамоты. Митя мог, конечно, знать, на какой линейке стоят «ми» или «до», для этого он достаточно долго просиживал с нами, когда я занималась с дочерью, но больше он не знал ничего и честно попросил меня объяснить ему значение бекаров, дизвов и бемолов. Я объяснила. И после этого, наморщив лоб, он стал медленно, но абсолютно верно проигрывать анданте, забавно компенсируя отсутствие техники игры своими собственными, на ходу изобретенными приемами.

Вскоре он свободно уже играл это анданте и, кроме того, «Менуэт» Моцарта и весь «Детский альбом» Чайковского.

15 августа 1915 года, спустя месяц после моего первого занятия с сыном, я повела его к одному из лучших петроградских педагогов, Игнатию Гляссеру, имевшему свою музыкальную школу.

— Привела вам замечательного ученика! — с гордостью сказала я, выдвигая вперед сына.

— У всех матерей замечательные дети... — улыбнулся Гляссер, с интересом все же поглядывая на Митю.

А потом, когда послушал игру сына, сразу стал серьезен, даже суров, и сказал мне, что я, пожалуй, права...

Прошло два года. Над Россией пронеслись события 1917 года, особенно яркие в Петрограде, где мы продолжали жить. Мой сын в Октябрьские дни написал два сочинения, первые опыты в области композиции — «Гимн свободе» и траурный марш «Памяти жертв революции». Это были очень короткие, но глубоко индивидуальные, острые, подлинно русские произведения, главное достоинство которых, по-моему, бесконечная юная искренность.

Потом наступил тяжелый период. Петроград, окруженный кольцом врагов, голодал, в стране была послевоенная разруха, и ждать помощи было неоткуда. Опустел и притих город. Рабочие отряды уходили на близкий фронт умирать за то, чтобы счастливо жили их дети.

В нашей квартирке мы собирались по-прежнему дружной семьей у железной дымящей печки, единственного источника света и тепла. Дети продолжали учиться. Митя готовился поступить в консерваторию и много и страстно работал над сочинениями, которых к этому моменту насчитывалось около тридцати. Молодые его силы помогали ему переносить недостаток питания и холод, а глубокая симпатия к новой России делала его творчество необычайно интенсивным. Он написал за два года (1917—1918) оперу «Цыганы» на сюжет одноименной пушкинской поэмы, балет «Сказка о морской царевне» по Андерсену, трилогию для фортепиано «В лесу», прелюдию, посвященную другу нашей семьи скульптору Борису Кустодиеву, фантазию для двух роялей, посвященную композитору Александру Глазунову, и многие иные произведения, свежие и очень своеобразные.

1919 год, 15 сентября — тоже знаменательная дата. Я привела в этот день сына в консерваторию и представила тогдашнему ее директору — композитору Александру Глазунову.

Глазунов, проверив знания и способности Мити, решил, что мальчик смело может поступать прямо на композиторское отделение, минуя все теоретические подготовительные курсы.

Он сказал мне тогда слова, которые записаны мною и хранятся в числе самых дорогих реликвий: «Не помню, чтобы в стенах консерватории были такие даровитые дети, как ваш сын».

В тот же год (1919) Митя был принят на композиторское отделение Петроградской консерватории, где и начал заниматься по композиции у профессора Максимилиана Штейнберга и по роялю у профессора Леонида Николаева.

Годы учения в консерватории совпали с возрождением хозяйства страны. Жить стало легче, вернулся свет, ожил родной наш Петроград, и все мы словно помолодели.

Митя учился прекрасно, работал неустанно, казалось, нет предела его творческой энергии. В доме снова стали частыми музыкальные вечера, в

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

которых по праву главную роль занимал теперь сын.

В консерватории им написаны были восемь прелюдий для фортепиано, вариации для симфонического оркестра и, наконец, выпускная работа — Первая симфония, вскоре исполненная в зале Ленинградской филармонии для широкой публики.

В 1924 году консерватория была окончена. Восемнадцатилетний композитор вступил на путь самостоятельного творчества.

...И вот с тех пор прошло почти двадцать лет. Я успела состариться, Митя — вырасти в большого художника, которого знает и любит наша огромная страна. Творчество его находит отклик в народе, и думается мне, это происходит оттого, что рос и формировался его талант в теснейшей связи с действительностью новой России. Он был всегда верен ей. Да иначе и быть не могло. Я ведь его хорошо знаю. Он ни на что не променяет своего гордого права носить прекрасное звание — русский человек. Таким он уродился, таким вырос, и, право, ничего лучшего я ему на будущее и пожелать не могу!

Получив в свое распоряжение заметки матери композитора, датированные военным годом, «Смена» обратилась к сыну Дмитрия Дмитриевича Максиму с просьбой написать подобные же заметки — об отце.

Максим
ШОСТАКОВИЧ

МОЙ ОТЕЦ

Чем дальше отодвигается день смерти отца, тем дороже и понятней становится мне вся его жизнь, его влюбленность в мир, во все живое на земле.

В детстве у многих людей вдруг наступает такая минута, когда необходимо дать клятву, присягнуть чему-то возвышенному, святому. Будучи совсем юным, отец тоже однажды поклялся. Поклялся никогда и ни на что не жаловаться. А трудности преодолевать, как затянувшийся подъем, — стиснув зубы и полной грудью вдыхая воздух.

От природы он был человеком небольшой физической силы. К тому же болезнь мешала ему двигаться, часто приковывала к постели. И хотя отец был всегда окружен заботой и вниманием родных и друзей, которые готовы были, что называется, на руках его носить, он никогда не позволял даже пальто себе подавать.

Отец мужественно боролся со своим недугом. В 60 лет всемирно известный композитор Дмитрий Шостакович сел на... трехколесный велосипед, который ему «прописали» для тренажа мышц как единственное средство спасения от надвигающейся неподвижности.

Трудности всегда как бы подхлестывали его, придавали новые силы. Оставаясь в осажденном Ленинграде, он никогда не жаловался на холод и голод. Он творил. Под грохот фашистских снарядов писал свою знаменитую Седьмую «Ленинградскую» симфонию. Интересно, что под непосредственным впечатлением от этого произведения Алексей Толстой так написал о ее авторе: «Шостакович — русский человек... и, если его рассердить как следует, то способен на поступки фантастические. На угрозу фашизма — обезчеловечить человека — он ответил симфонией о победном торжестве всего высокого и прекрасного, созданного гуманитарной культурой...»

Его необыкновенная требовательность к своему творчеству, временами граничащая с безжалостностью, была следствием его жизненной позиции художника-гражданина. Эту позицию он сформулировал в свое время в словах: «Я считаю, что мировоззрение художника — главное в его творчестве. Работая над новым произведением, я ставлю перед собой задачу — быть прежде всего полезным своему народу, быть нужным своей Родине! Стремлюсь служить ей в полную меру сил, а для этого я должен неуставно писать, беспрерывно трудиться».

Трудиться. Этому отец постоянно учил и нас с сестрой. Учил, но никогда не принуждал.

Сестра первой начала брать уроки музыки. Постепенно от легких пьес она переходила к более трудным. Иногда эти переходы казались отцу недостаточно постепенными. Тогда он садился за рояль и писал, специально для дочери, небольшую пьесу, которая учитывала все ее возможности, а главное — требовала от нее большей самоотдачи и увлеченности. С каждым разом вещи усложнялись. Это помогало юной пианистке оттачивать технику, готовить себя к более сложным сочинениям. Точно так же отец помогал и мне.

Он никогда не навязывал нам своего мнения, своих вкусов. Хотя, как теперь я понимаю, вкус его был безупречен. Он никогда не стоял над душой, как это делают многие родители.

«Любителями и знатоками музыки не рождаются, а становятся», — часто повторял отец.

Много сил и терпения отдал он воспитанию музыкального вкуса дочери. А когда та решила стать... биологом, с большим уважением отнесся к ее выбору. Ни слова упрека не было сказано им. И я уверен, в душе отец тоже никогда не осуждал Галю за то, что музыке она предпочла биологию.

Со мной все было и сложнее и проще. В детстве я мечтал стать охотником. Потом под влиянием, как принято говорить, окружающей среды выбрал профессию музыканта. Больше всего меня привлекало дирижирование. Однажды признался в этом отцу. Он, как обычно, внимательно и серьезно выслушал меня и сказал, что для этого прежде всего надо стать хорошим пианистом.

Я поступил в консерваторию. Часами просиживал за фортепиано, изучал специальные теоретические дисциплины. Однажды в Большом зале консерватории, где выступают и студенты выпускных курсов, должен был состояться мой сольный концерт. Недалго раздумывая, я остановил свой выбор на Втором концерте для фортепиано с оркестром Дмитрия Шостаковича, который отец посылал мне.

Представьте атмосферу, царившую в этот вечер в зале, и мое состояние. Я был горд, счастлив и в то же время несколько растерян и смущен. Мне очень хотелось блеснуть исполнением этого сложного сочинения. Тем более что в зале собрались все преподаватели, все студенты, с которыми я учился. Пришли многие друзья отца. Уже из-за кулис я увидел в зале и его самого...

И вот начало. Первые звуки оркестра заполняют зал. Вся моя робость бесследно исчезла. У меня приподнятое настроение, даже азарт появился. Ведь это сочинение я знаю не то что наизусть — оно у меня в крови, в каждом ударе сердца... Теперь-то я смогу доказать отцу, что стал на «ты» с фортепиано.

Эта мысль успевает пронестись в голове, пока я слушаю вступление оркестра. Наконец подходит мой черед. Я все забываю и погружаюсь в мир музыки. Но что это? В какой-то миг скрипки чуть ускорили темп, и сразу же отстала медная группа...

Решение пришло мгновенно. Я отнял руки от клавиш, давая понять дирижеру, что не буду продолжать.

В зале замешательство. Со всех сторон доносятся нервные вздохи, покашливание. Дирижер быстро перелестывает партитуру, стучит палочкой по пиюнтру, и все начинается сначала.

После концерта друзья хвалили меня за решительность, говорили, что я спас положение. Чувствуя себя победителем, вернулся я домой и только тут встретился с отцом. По его лицу я все понял. Отец никогда не умел скрывать своих чувств да и не старался это делать.

Как всегда спокойно, он сказал:

— Артист на сцене — это солдат в бою. Как бы ни было тяжело, а отступать нельзя. Если даже будут стрелять, то и тогда ты обязан играть, оставаться на сцене...

Больше он не сказал ни слова в тот вечер.

Много позже от друзей отца я узнал, что и в его жизни был такой эпизод. Оркестр и исполни-

тель «разъехались» в самом неподходящем месте. Дирижер готов был прервать концерт и извиниться перед исполнителем. Но тот продолжал играть. В удобном месте пропустил такт, дал возможность оркестру наверстать упущенное и с блеском закончил выступление.

Тот урок я запомнил на всю жизнь.

В другой раз, когда я уже выступал на конкурсе как дирижер, мне умышленно занизили оценку. Большой друг отца, известный дирижер, призвал Дмитрия Дмитриевичу, что снизил мне оценку, так сказать, с «профилактическим» прицелом. Мол, чтобы не начал называться Максим Шостакович. На это отец довольно сухо ответил ему, что всегда следует оценивать исполнителя по заслугам. Без скидок на молодость и без надбавок на маститость...

Всегда поражающей и восхищавшей меня чертой его характера была пунктуальность. Не помню случая, когда бы он, дав слово, не сдержал его. Требователен он был и к окружающим его людям. Но именно требовательным, а не капризным. Как-то произошел такой случай.

Известный поэт, на чьи стихи Дмитрий Шостакович написал большое сочинение, был приглашен в Дом композитора для первого прослушивания симфонии. Время встречи было обговорено заранее. Условились на семь часов вечера.

Поэт пришел на десять минут позже. Из кабинета отца доносились звуки нового сочинения... Отец начал играть ровно в семь — он не мог заставить других слушателей терять время на ожидание. А вот поэту пришлось дожидаться в соседней комнате, пока не будет сыграна первая часть. А начало концерта он уже слушал много позже, в записи.

Отец относился ко времени как к самой величайшей ценности. И уж если его приглашали, скажем, в Министерство культуры к половине пятого, то по нему можно было проверить часы. Ровно в половине пятого он был там, где его ждали. Не в 29 минут, а ровно в половине пятого. И если хозяин кабинета задерживался хотя бы на одну минуту, Дмитрий Дмитриевич давал понять, что это недопустимо.

Отец все и всегда планировал заранее. В определенный день он оплачивал счета за телефону, за квартиру, за рояль, который он брал напрокат. В один и те же дни навещал друзей. Даже стригся всегда в один и тот же день — в третий понедельник каждого месяца.

Как-то мы всей семьей отправились в Подмоскovie. Жили далеко от Москвы, в небольшой деревеньке. Отец всегда любил общаться с людьми, занятыми крестьянским трудом. Погода стояла отличная, и Дмитрию Дмитриевичу хорошо работалось в этих краях.

Но вот стал надвигаться на нас третий понедельник. В ближайших поселках мне не удалось обнаружить парикмахерской, не было парикмахера и в нашей деревне. «Может, пронесет», — думал я, надеясь, что через неделю мы поедем в Москву и там отец сможет осуществить свой ритуал. Но, оказывается, я плохо знал отца. Утром третьего понедельника он встал раньше обычного, и мы поехали искать парикмахерскую в другом районе. Там мы встретились с очень хорошим мастером. Отец с удовольствием постригся у него, поговорил о житье-бытье и в приподнятом настроении вернулся домой.

Я не случайно так подробно рассказываю о пунктуальности отца, о его прямо-таки фантастической приверженности к точности и своим правилам. Этой чертой характера объясняется тот факт, что он никогда, ни при каких обстоятельствах не позволял себе откладывать работу. Он сочинял и тогда, когда был очень занят общественной работой, и тогда, когда еле двигался и когда оказывался на больничной койке. Раз намечал — значит, надо сделать.

И еще одна черта, о которой я не могу не сказать. Все, кто знал отца, всегда отмечали его врожденную вежливость и уважительное отношение к людям. Непременным его правилом было обращение к любому человеку на «вы», будь то студент, ученик или близкий приятель. Таков был его принцип.

В кабинете отца на книжных полках остались стоять его любимые книги. Многие из них хранят его закладки. Он любил Чехова, восхищался Гоголем и под настроение мог вдохновенно читать отрывки из их произведений. В одной из книг, которую я просматривал уже после того, как отец ушел от нас, я обнаружил строку, подчеркнутую его рукой. «Надо поставить свою жизнь в такие условия, чтобы труд был необходим. Без труда не может быть чистой и радостной жизни». Эти слова принадлежат Антону Павловичу Чехову.

СОВРЕМЕННОСТИ О ШОСТАКОВИЧЕ

Генрих НЕЙГАУЗ.

В чем сила музыки Шостаковича, почему она вызывает такой жгучий интерес? Мне кажется, что наряду с неподражаемым мастерством, новизной, яркостью и выразительностью его творчества главная причина — в его глубокой современности, современности, понимаемой в расширенном смысле, то есть резюмирующей прошлое и далеко заглядывающей в будущее. ...Не потому ли каждый из нас находит какую-то частичку себя в музыке Шостаковича.

Алексей ТОЛСТОЙ.

Седьмая симфония возникла из совести русского народа, принявшего без колебаний смертный бой с черными силами. Написанная в Ленинграде, она выросла до размеров большого мирового искусства, понятного на всех широтах и меридианах, потому что она рассказывает правду о человеке в небывалую годину его бедствий и испытаний.

Борис АСАФЬЕВ.

...Материк Шостаковича совсем особенный — это страна для гигантов. Малейший шаг в ней измерится верстами, обычные масштабы смещены, изменены, преобразованы соответственно канону-то новому мерилу. Поистине музыка для шестой части нашей планеты. Это земля богатырей, будь то ученые, инженеры, солдаты, художники. Они невольно останаиваются, слыша этот разгул звуков, настораживаются, и вот слышат музыку необыкновенной нежности, прозрачности, — тогда эти титаны с улыбкой склоняются над ней...

Дмитрий КАБАЛЕВСКИЙ.

Подлинный гуманизм — главное и самое важное, что отличает передовое искусство нашего века, воплощающее стремление человечества к лучшему будущему, от всевозможных течений в современной философии и искусстве, отражающих неверие в это будущее. Это неверие в будущее, а значит, и неверие в человека — фатальное неизбежное следствие упадка состарившейся, но отчаянно цепляющейся за жизнь буржуазной культуры.

Границы борьбы между этими двумя культурами сложнее, тоньше и причудливее, чем все географические, политические и экономические границы. Такого взрывчатого перелета противоречий, такой их острой борьбы, кажется, не знала еще человеческая культура.

И в борьбе этой творчество Шостаковича играет такую действительную роль, значение которой сегодня до конца оценить, быть может, даже и невозможно. Вот где настоящий авангард мировой культуры наших дней!

Давид ОЙСТРАХ.

Он один из самых больших композиторов XX века. И мы, его соотечественники и современники, горды и счастливы тем, что его музыка, пронизанная токами нашего времени, рождается на советской земле, говорит миру о жизни и борьбе советского народа.

Евгений МРАВИНСКИЙ.

Величие Шостаковича определяется для меня прежде всего значительностью той общественной и нравственной идеи, которая проходит через все его творчество. Это мысль о том, чтобы не было людям плохо, чтобы они не мучились и не страдали из-за войн и социальных бедствий, несправедливости и подавления. «Не хочу, чтобы было плохо!» — вот о чем он говорит своей музыкой. В ней звучит голос гражданской совести, направленной против всего, что эту совесть задевает, оскорбляет, больно ранит...

Юрий ШАПОРИН.

Если зарубежный человек XIX века, стараясь разгадать трудный для его понимания русский народ, обращался к романам Льва Толстого и еще более Достоевского, то современные люди Запада пытаются найти объяснение и Великой Октябрьской революции, и наших побед в Отечественной войне, и наших успехов в мирной жизни не только в книгах Алексея Толстого и Шолохова, но и в музыке Прокофьева и Шостаковича.

Александр РЫБКА, составитель поездов станции Лозовая Харьковской области, Герой Социалистического Труда.

Не могу похвастаться, что хорошо знаю классическую музыку. А вот песни люблю безгранично.

В этом отношении песни Дмитрия Дмитриевича Шостаковича — пример выдающегося композиторского мастерства. Взять хотя бы его песни из кинофильмов «Встречный», «Человек с ружьем». А сколько genialной простоты и высокой силы в песнях, которые написал композитор и кинотрилогии о Максиме, по существу, первом фильме о революционном рабочем классе.

В каждом произведении композитора ощущается его высокая гражданственное отношение к теме мира, ради которого композитор и творил всю жизнь.

Литературная запись и публикация
Виталия ЗАСЕЕВА.

ПРОШУ СЛОВА!

Читатели «Смены» уже заметили новую рубрику журнала «Прошу слова!». Обсуждение писем Олега Янсона и Сергея П. о выборе жизненного пути, публикации нескольких писем о любви вызвали широкий читательский отклик. И вот мы выносим на суд читателей еще одно письмо. Но прежде чем представить слово его автору, инженеру Геннадию Абрамову, несколько предварительных мыслей.

Выступая на XVII съезде ВЛКСМ, Леонид Ильич Брежнев сказал: «Все лучшее, что накоплено нравственным опытом нового общества, мы должны передать молодежи, каждому юноше и девушке, и, вместе с тем, на-

стойчиво избавляться от всего, что мешает жить и трудиться. Нам еще приходится, и, к сожалению, нередко, сталкиваться с проявлениями эгоизма, стамательства, потребительского отношения к жизни. И было бы неправильно недооценивать опасность этих негативных явлений».

Но все обстоит так, как хотелось бы, в организации свободного времени молодежи. Это не праздный вопрос. Чрезвычайно важно, чтобы молодые люди научились рационально использовать свободное время. Безделье, выпивки, веселое, а бы сказал, «веселье» ради того, чтобы «убить время», — эти потери в юные годы потом уже трудно

восполними. И, напротив, расширение своего кругозора, повышение культурного уровня, политической подготовки, знание родного края, физическая закалка — все это драгоценный капитал...»

Действительно, неселое «веселье» — не такой уж редкий «образ бытия» в молодежной среде. Недооценивать опасность таких негативных явлений мы не имеем права. Вот почему, вынося на читательский суд письмо Геннадия Абрамова, «Смена» обращается с предложением повести самое широкое его обсуждение — и на страницах журнала и, в молодежных коллективах...

Итак, слово автору.

Уважаемая редакция! Может быть, ваш молодежный журнал заинтересует то, что я описываю на основе собственного горького опыта. Прошу понять меня правильно. Я более чем спокойно переживу, если это мое письмо и то, что я расскажу дальше, не будет опубликовано. Но я все же надеюсь, что описанное мною, будучи внимательно прочитанным беспокойными людьми, может быть, каким-то образом поспособствует тому, чтобы начать серьезный и обстоятельный разговор на эту тему на ваших страницах.

Несколько слов в пояснение моей исповеди. Изложив все события того дня от первого лица, я тем самым предпринял попытку проникнуть «за барьер», посмотреть на происходящее с той, с «их» стороны, одним словом, побывать в шкуре тех, с кем у меня была стычка. А они, между прочим, отнюдь не подростки, а молодые люди с высшим образованием 24—25 лет. Именно они, то есть те, кого нельзя назвать недостаточно грамотными или не имеющими профессии и прочее, занимают теперь меня в первую очередь. Подчеркиваю: ставя себя на «их» место, я пытаюсь хоть как-то понять своих противников. Прошу не истолковывать меня превратно: мое «моделирование» поведения «оппонентов» признано мыслью осознать чуждое, противное мне... Поэтому и рассказ мой — от первого лица, от их «взгляда».

...В тот вечер Олег Живцов пригласил нас к себе на новоселье. Мы не собирались, все вышло неожиданно. Уговорить меня и Оську Олегу удалось без труда, а с Петром пришлось повозиться. Он у нас немного псих, Петр, и не любит, когда нарушают его личные планы. Петр сказал, что измучен вечеринками, сыт, что у него уже давно не было ни одного свободного вечера, когда бы он примитивно посидел дома и почитал. Но в конце концов Олег и его уломал.

Так что наша троица опять была в полном составе. Мы давно вместе. С первого курса института и по сей день, когда уже дважды в месяц получаем зарплату на производстве. Впрочем, если после случившегося, о чем я сейчас расскажу, нас не только не отвернуло друг от друга, а, напротив, еще больше сблизило, то какая нужда кому-то доказывать, что дружба наша не липа.

Итак, после работы мы поехали к Олегу. По пути, в вагоне метро, от нечего делать познакомилась с симпатичной девушкой. Народу в вагоне было мало, и мы сразу обратили на нее внимание. Она сидела прямо, несколько скованно, и читала, прикрыв книгой красивые колени. С обеих сторон возле нее сиденье оказалось незанятым, и Оська понтересовался, не помешаем ли мы, если присядем рядом. Она вежливо ответила: пожалуйста, и вскинула глаза по очереди на каждого. Мы дали ей возможность убедиться, что перед ней не бандиты, а вполне приличные молодые люди. Она улыбнулась. Половина дела. Петр ахнул, заглянув под обложку и прочитав название: «Как! Вы тоже любите Камю!» «Пока мне рано судить», — смутилась она. — Я только начала. «Не может быть», — подхватил Оська. — «Неужели Камю!» Мы с Петром сидели по обе стороны от девушки, а он стоял, по самые локти закинув длинные свои руки на верхний поручень, небрежно прогнувшись и влюбленно поглядывая на нее сверху. У Оськи как нельзя кстати развязался язык, и мы старались ему не мешать. «Вот

этот молодой человек, — взглядом показал он на Петра, — охотно поможет вам понять великого художника по необходимости и экзистенциалиста по случайности. Если вы, разумеется, того хотите». «Я столько слышала. Очень хочу». «Вот и прекрасно. Его зовут Петр, и он просто болен Камю. Можете считать, что вам здорово повезло. Вы только взгляните на него. Простите... как вас...» — он сделал нужную паузу. Она вспыхнула и прошептала: «Лена». «Не стесняйтесь, Леночка. Уверю вас, Петр у нас только и ждет случая, чтобы с кем-нибудь поделиться своими необъятными знаниями. Посмотрите на него внимательно. Одухотворенность, ум, талант, взгляд одержимого и много знающего человека, не правда ли! Надеюсь, вам с нами по пути!» и т. д.

Живцов Лене даже не удивился. По-моему, Олег и не понял, что мы знакомы с ней не более получаса. Улыбаясь, Леночка протянула ему руку, он растерялся, захрумкал что-то нечленораздельное, а она, бойко назвав себя по имени, совершенно убила его, с изысканием сделав глубокий книксен. Я никак не предполагал, что она вот так сразу почувствует себя здесь вполне свободно.

Прибыли мы, как оказалось, не первыми. И хотя по одежде и обуви в прихожей я насчитал гостей что-то около двадцати человек, тем не менее ни шума, ни праздничного оживления в квартире не ощущалось. Все, видимо, ждали начала. Сидели или стояли по стеночкам, все как-то закатые, и разговаривали полупшепотом.

Олег чохом представил всех нас как своих сочувствующих, и мы нахально уселись прямо за красиво сервированный стол. Петр тотчас громко объявил, что страшно голоден и, не дожидаясь остальных, принялся за еду. Оська востро ухаживал за Леной, как он это один умеет делать. Она отвечала ему залихватским смехом. Похоже, что Оська уже был близок к тому, чтобы стать ей безразличным.

С нашим приходом в комнате сделалось чуть оживленнее. Я разглядывал лица и обстановку. Довольно большая комната, в которой мы находились, несмотря на новую полированную мебель, не показалась мне уютной. На стенах висели гравюры современных (по-моему, отечественных) мастеров — помесь Мазереля с Виральтом. Люстра — последний крик, на серванте — керамика, за стеклом — «красивая» посуда. Кресла, пу-

фики, телевизор, ковер, тюль на окнах — все как надо. И как не надо. Наверное, нехорошо так думать, бывав в гостях, тем более в гостях у своего сослуживца, но что до меня, то я бы уступил смю милую обитель классовому врагу. Но это так, к слову. Каждый сам кузнец своего счастья.

Когда все, наконец, разместились за столом, выяснилось, что самим хозяевам негде притулиться. Наиболее совестливые из гостей порывались совершить жертвенный поступок, но Олег решительно пресекал все попытки. Они стояли с женой в дверях, обнявшись, и издали принимали поздравления. Два первых тоста были за их здоровье, лад, счастье и за будущих детей.

Дальше все пошло своим известным чередом. И вскоре, когда верх в разговорах стали брать откровенно пьяные голоса, я заметил, что Петра забурлит тоска. Он уже наелся, попробовал и буженины, и осетра, да и насмотрелся влать. Он скис, а я был близок к тому. А нам еще предстояло поплавать в настоящей мешанской купели — чистой, без всяких примесей. Вокруг разговоры — от избытка остроумия смерть товарищам не грозит. В конце концов бог с ней, с купелью — было бы весело. А то ведь и этого нет. Сепаратные кружки. В одном беседуют о Харламове, в другом о дальнейшей судьбе Родинной и Турцевой, там — про американский джаз, здесь — на предмет вязаных кофт и шуб-дубленок. О политике — пожалуйте. Обсосать кухонные сплетни, скандалы — с прелестью охотой. И все в кучу, все равно о чем, лишь бы говорить. И все так вяло, скучно, бездарно.

Я и сейчас думаю, что попытаться заявить себя там было бы с нашей стороны полным безрассудством. А что делать! Удирать тоже как-то глупо — заехали к черту на рога. И девушку невинную завлекли... Нет, я вполне понимаю Петра, когда он говорит, что времени нам отпущено, может быть, и достаточно, но все-таки в обрез, и если подавить в себе лень (или, вернее, то, что за этим словом скрывается), то еще можно успеть кое-что понять и даже сделать.

Между тем, один из парней, которому, видно, надоело попусту млет за столом, предложил потанцевать. Предложение не вызвало ни возражений, ни особенного энтузиазма. Отодвинули стол к стене, включили магнитофон, убрали верхний свет. Интим. Сколько я себя помню, форма подобных вечеров одина и неизменна. Сначала выпить и закусь, затем потанцевать, потом хором спеть, потом затеять пьяный спор о пустяках, а кончается все нередко тем, что какой-нибудь перебравший ухарь съездит по физиономии закадычному другу. Форма как форма. Не хуже и не лучше других.

Я видел, что Петра, так же, впрочем, как и меня, никто здесь из девушек не увлек. А Оська охотно, на зависть нам, мурлыкал с Леной. У них явно завязался роман. Но и Оську неожиданно уели: юный нахал умыкнул у него из-под носа Лену в центр, в круг танцующих, где она сразу стала нарасхват. Теперь лишь время от времени издали она посылала Оське, который терпеть не мог танцев, улыбки верности. Впрочем, танцевала Лена с большим удовольствием — независимо от партнеров, сама по себе. Танцевала увлеченно и, главное, очень красиво. Пожалуй, за весь вечер это был самый светлый момент — мы даже немного взбодрились, наблюдая за тем, как она выделяет свои оригинальные «антраша».

— Достань гитару, — шепнул Петр.

Я пошел спросить у Олега, но он мне остроумно ответил, что в наше время достать гитару труднее, чем столовый гарнитур.

— Что будем делать?

Петр молча кивнул, и мы вышли.

Звонили подряд во все квартиры и вежливо интересовались, не найдется ли у кого-нибудь случайно гитары. Несмотря на то, что время было детское, жильцы нас пугались. Нас принимали за кого угодно, но только не за молодых людей, которые никому не желают зла. Мне трудно это понять. Выглядели мы вполне прилично, были трезвы и вежливы, но это не имеет, оказывается, никакого значения. Прошли квартир сорок — результат был везде один и тот же, а реакция почти схожей.

У Петра в голове всегда множество всяких ненормальных идей — им там тесно, они толкаются и ищут выхода. И я понимаю, что в той ситуации, когда люди беспричинно подозревали в нас разбойников и насильников, в таком человеке, как Петр, вполне могло созреть и стать навязчивым это дикое желание... Он уже бормотал: «Заманчиво... Почему нынче человек... Глыба или слякоть... а?» Не бестолковая идея, пацаны! И сама хочет, чтобы мы ее попробовали на зуб... Ух, будет номер. Айда!»

И мы пошли. Нам немного нужно, чтобы понять друг друга.

Оська, я заметил, внутренне противился, но разделял увлеченности Петра. Но вовсе не потому, что его не устраивала сама по себе идея. Просто ему хотелось обратно, туда, где Лена. Что до меня, то я спокойно согласился пойти на свежий воздух, всем вместе, втроем.

Интересно, почему я так спокойно согласился? Ведь что-то же побудило нас развлечься таким сомнительным аттракционом — воспринимать ночью прохожих, как у них с самочувствием! Но что! Обстановка, скука на вечеринке! Нет. Отсутствие гитары! Нет. Отказ граждан удовлетворить нашу невинную просьбу! Нет. Может быть, мы были пьяны и на этой почве слегка свихнулись! Нет, за это я отвечаю. Тогда что же!

И то, и другое, и третье. И кое-что еще, что, похоже, науке неизвестно.

Определенно могу сказать лишь одно: нам хотелось какого-либо действия. Желание было конкретно и вместе с тем смутно, почти неосознанно. Хотелось чего-нибудь «такого», остро, интересного, что заняло бы нас целиком. Можно было бы сказать, мучились дурью. Причем я заметил, что дурь [точнее слова найти, увы, не могу] чаще всего посещает нас, когда мы в сборе, в группе. Когда каждый сам по себе — нет.

...Темь стояла, хоть глаз выколи. Мы свернули в первый попавшийся переулок. Сразу за пятиэтажными блочными домами начинался реденький парк, тянувшийся ровной неширокой полосой вдоль крутого берега Москвы-реки. Мы углубились в парк и скоро остановились под большим, довольно экзотического вида деревом [кажется, это был клен, засохший, в корявых черных рога-тинах сучьев]. Оно чуть кренилось над кособокой тропинкой, спускавшейся, как потом стало понятно, к самой воде. Тропинка была усыпана мелким колотым кирпичом.

— А что, подходяще, — наигранно сказал Оська.

Глаза постепенно привыкли к темноте. Мы закурили. Вдруг Петр дернул меня за рукав. Оська смаял сигарету о дерево. Навстречу кто-то шел. Мужик. Он негромко свистел, безбожно перевирая известный мотив.

Первым вышел на середину тропы Петр. Мы с Оськой последовали за ним. Пристроились по бокам. Замерли. Ждем. Я волновался. Оська — не знаю. Петр, я видел, затягивался сигаретой чаще, чем обычно.

Мужчина, издали увидев наши слезушки, должен был почувствовать и остановился шагах в десяти от нас. Мясся, решая, видимо, не повернуть ли ему обратно. Затем крикнул:

— Чего!

Мы, разумеется, не отвечали. Курили, пытались лучше рассмотреть его. Он все-таки приближался к нам — медленно, вкрадчиво, осторожно. Метрах в двух от нас он бодренько произнес:

— Привет, мужики. Здорово.

Достал сигареты, спички. Собрав остатки храбрости, закурил. Мы продолжили молчать. Да, я был взволнован. Но мое волнение не имело отношения ни к страху, ни тем более к чванливой гордости из-за того, что мы можем сделать с ним что угодно. Понятия не имею, что это было за волнение.

Короткий ответ зажатой спички позволил кое-что в нем рассмотреть. По виду интеллигентный мужчина, лет 28, сытый, ухоженный, с заметным животиком, перевалившимся через ремень; над верхней губой чернели щегольские усики.

Мы чуть двинулись, окружили его. Он задержался, замештался. Попробовал рассердиться:

— Чего! Ну, чего вы! Чего!

Дышал глубоко, сильно. Мы не отвечали. Оська грудью толкнул его в плечо, а я нарочно поддержал — держись, мол, не падай. Сигарета вывалилась у него изо рта, и Петр для пушного эффекта демонстративно раздавил ее каблукком.

— А! А! — спросил он. — Что!

Оська снова тронул его плечом.

— Все, все. Не надо, ребята. Я все понял.

Полез в карманы и долго в них рылся. Дрожащими руками отстегнул ремешок на запястье.

— Вот, — сказал. — Возьмите.

Я взял у него из рук часы, темные очки в шикарной оправе, несколько смятых денежных знаков, и все это бросил, не глядя, в кусты. Он внимательно следил за моими движениями. Ничего, конечно, не понял и истолковал на свой лад. Насколько я сейчас могу судить, его поведение не оставляло сомнений, что он испугался за свою жизнь. Жизнь — ни больше ни меньше. Тогда эта мысль до меня не дошла, но потом я нашел ей оправдание — а почему, собственно, человеку в такой ситуации не испугаться за свою жизнь!

— Нет, — он был явно в панике, из него рвался крик. — Нет! Я вам ничего не сделал. Не надо. Скажите. Не молчите, скажите что-нибудь, мне некогда, пустите, нет, я ничего не сделал...

Петр отступил, позволяя ему пройти. У него вот-вот началась бы истерика. Медленно, как бы нехотя, мы отошли к клену и молча стали за ним наблюдать.

Некоторое время он ничего не понимал. Недоуменно озирался, ожидая подвоха. Затем, стараясь быть к нам лицом, сделал пару неуверенных шагов вверх по тропинке. Вряд ли кто-нибудь из нас ожидал, что он может вдруг так закричать. Пятился, пятился, а потом как завопил — и побежал. Да как-то странно, боком. Дважды упал, споткнувшись, и все не переставал истошно орать: «А-а-а...»

А мы стояли, слушали. Мы были причастны к его страху. Его страх нас объединял.

Вскоре все стихло. Оська сказал:

— Это неинтересно. Меня от него тошнило.

И когда я заметил, что тому человеку было «некогда», а мы сделали из него психа, Оська добавил, смеясь:

— Вот именно. Это же негуманно.

Петр прервал нас. Сказал, как отрубил:

— Подождем с выводами.

Как факир, достал откуда-то три яблока и два из них молча сунул нам с Оськой. Мы дружно зачавкали.

Помню, я тогда ел яблоко и думал, что Петр в общем-то прав — таким путем можно узнать человека, вернее, прощупать, выяснить, трус он или, напротив, храбр, стоек. Хотя я бы лично предпочел более скромный эксперимент. Но по-своему прав и Оська: очень уж интересного тут мало... Я стоял, ел яблоко и видел, что Петр не на шутку входит в роль. С яростью вгрызаясь он в яблочную мякоть, был явно на взводе, нетерпелив, весь внимание, ждал, и мы для него сейчас были, пожалуй, только статистами, не больше...

— Тсс, — предупредил Петр, и мы бесшумно спустились на тропинку.

Этот шел энергично, с низко опущенной головой. Вероятно, он был чем-то сильно взволнован или задумался, потому что заметил нас только тогда, когда мы с ним почти столкнулись.

Он сперва опешил:

— Чо! Кто!

Трое в ряд — мы были готовы к встрече. Петр решил заговорить.

— Мы-то! — сказал он. — Божьи пташки.

— Ага, — добавил Оська. — Мы херувимы.

— Понятно, — буркнул он. — Д'Артаньяны в своем роде.

— В своем роде, — оживился Петр. — А вы, позвольте узнать!

— Что я!

— Ну, кто вы!

— Вас интересует профессия, род занятий, образование или моя глубоко личная жизнь!

Оська хихикнул:

— Мировоззрение.

— Понятно, — сказал незнакомец. — Как-нибудь в другой раз.

И хотел пройти. Но мы не дали. Я чиркнул спичкой.

Поджарый, широкоплечий, средних лет, с умными глазами; лицо худое, скуластое, с крупными надбровными желваками — по таким лицам наши институтские девицы судили о мужественности. У него была приятная манера выговаривать почти по буквам слова и красивый, низкий голос, которым чаще других обладают актеры. И самое главное, сразу было видно, что он по-настоящему уверен в себе и нам его не испугать. Тем не ме-

нее по инерции [или еще почему-то] мы продолжали строить из себя примитивную шпану.

— Хорошо, — вздохнул он. — Что вы хотите!

— Ничего.

— Странно.

— Дядя не понимает, — сказал Оська. — Дядя хочет знать.

— Я повторяю: что вы хотите!

— Ничего, — опять сказал Петр.

— В таком случае позвольте.

И он решительно направился между Петром и Оськой. Оська выставил плечо, а я ладонь, показывая, что разговор еще не окончен. Из-за того, что этот дядя никак не хотел нас бояться, теперь, я видел, и Оська вслед за Петром начинал заводиться.

— Ну, если так, — помедлив, сказал он. — Если вы...

— И что тогда!

— Тогда, молодые люди...

— Ну! Ну! — подзуживал его Петр. — Если мы хулиганы!

— Тогда я вас... должен предупредить.

Оська съязвил:

— Мамочки, как интересно.

— Видите ли, молодые люди. Я не потерплю над собой ни малейшего насилия. Уверю вас, у меня есть необходимый опыт, вполне достаточный, чтобы постоять за себя. — Он сделал паузу. — Но я все-таки надеюсь, что этого не произойдет.

Я вылез:

— Блажен, кто верует.

— Сопляк! — бросил он довольно резко.

А Оська:

— Продолжайте, дяденька, продолжайте.

— Давить вас надо, подонок, — с какой-то, судя по всему, застарелой ненавистью неожиданно сказал он. — Дайте пройти!

Мы не дали.

— Подонок! — заинтересовался Петр. — Мы не ослышались!

— Позвольте пройти.

— Ответьте сначала. Это невежливо.

Он с новым, сердитым любопытством посмотрел на каждого из нас. Но молчал. И я опять вылез:

— А вы случайно не струхнули, дядя!

Вопрос он оставил без внимания. Похоже, что про себя соображал. В голосе его были вместе печаль, издевка и сожаление, когда он негромко сказал:

— Шваль.

— А-а-а, — небрежно махнул рукой Петр. — Да вы просто трус.

— Я вас предупредил, молодые люди.

Он уже заметно нервничал. Мы почти касались его одежды. Мне лично такой «разговор» порядком надоел, и я не понимал, чего Петр тянет, когда и так все ясно.

Незнакомец стоял, низко опустив голову. Чувствовалось, что он на пределе, едва сдерживает гнев. Последовала напряженная пауза. Оська, помоему, тоже оступал, как и я.

Наконец, и Петр понял. Его отпустило, он оттаял. Хохотнул и отступил на шаг, так, чтобы дядя мог спокойно идти по своим делам. Театрально вскинул руки и весело, торжествуя воскликнул:

— А, пацаны! Не перевелись еще настоящие мужичины!

И тут произошло совершенно непредвиденное. Новый наш знакомый поднял голову, процедил: «Мне бы, гниды, ваши заботы», — и неожиданно, со всего размаха влепил Петру кулаком в подбородок.

Удар был страшный. Наш здоровяк Петр подлетел, брякнулся навзничь и кубарем скатился в кусты. Мы с Оськой оторопели. А он развернулся и пошел, наступая, прямо на нас с смятыми кулаками. Петр чертыхался в кустах где-то сбоку. Я нащупал руку Оськи и судорожно вцепился в нее. Оська еще не успел как следует испугаться, а я уже дрожал, как осинный листок. Мы медленно отступали, глядя на него во все глаза, а он шел на нас со смятыми кулаками, все время проговаривая цепящей скороговоркой: «Мне бы, гниды, ваши заботы, мне бы, гниды, ваши заботы». Наконец, и Оська сообразил, какие наши дела. «Убьет ведь, смотри, — шепнул мне, а ему крикнул: — Эй, эй, дядя, не разгоняйся! Ты что — шуток не понимаешь!» Краем глаза я успел заметить, что Петр, трогая разбитую челюсть, качаясь, вылез на дорожку сзади него. И дернул Оську: «Отвал» — в самом деле, первой мыслью тогда было — бежать, бежать без оглядки. Но сделать этого мы не успели. Он вдруг метнулся к нам с Оськой. Это был ложный выпад, и мы попались на него, как два идиота. В следующее мгновение дядя так саданул меня в грудь, что я захрипел, все во мне помутилось, и я вообще перестал соображать что-либо. Чудом увернулся от второго

удара и, не устояв на ногах, упал. Вскочил и бросился на него сломя голову — со страшной злобой, с желанием немедленно отомстить, ответить. Но он умело, нырком, ушел и, пока я разворачивался, успел и Оське закатить по зубам. Оська вскинул руки, его долговязое тело словно еще больше вытянулось, и он, пролетев метра три, с хрустом шмякнулся спиной о ствол клена. Тут подоспел и я. Подскочил, прыгнул ему сзади на спину и согнутой в локте рукой из всех сил сжал шею. Незнакомец захрипел, кинул меня через спину, но я все-таки удержался и опять оказался сверху. Он таскал меня, как мешок, туда-сюда, пытаясь сменить, но тут уж, дудки, я держался намертво. После удара, которым он меня угостил, непримиримое врага у меня теперь не было. Оклемавшись и Оське, подоспел. Стал лупить его по лицу, а я надрылся, крича: «Ноги, болван! Ноги!» Оська вдруг вонял и подскочил. Дядя рухнул, и мы навалились на него вдвоем. Катали он нас зверски, но мы все равно держали верх. «Не на того напал... дядя», — кричал Оська, а я чувствовал, что даже вдвоем нам его не одолеть. Никак не удавалось врезать ему как следует. Он все время как-то уворачивался. Ловкий и дьявольски сильный мужик измотал нас вконец. И тут влез Петр. «Пусти-ка, — заревел, — дай-ка его мне!» — и грубо стаял меня за шиворот. Это было последнее, что Петр в тот вечер сделал не так. Не успел я опомниться, как наш новый знакомый кинул Оську через спину, так что ноги его едва не зацепились за сук, пристал с земли и пнул меня носком ботинка в пах. И все. Перед глазами у меня поплыло...

Сколько времени я пролежал, неизвестно. Оська говорит: час или около того. Очнулся сам. Голова гудит. Когда попробовал приподняться, острая боль в паху напомнила, где я и что со мной. Никого вокруг, тихо, и утро еще не наступало. Наугад, сатаясь, стал спускаться вниз, к реке. На берегу, у воды, было светлее. Я медленно побрел вдоль берега и вскоре увидел как будто знакомые фигуры. Подошел — точно, они. И с ними Лена.

— А-а, жив курилка, — прошепелявил Петр разбитым ртом.

Лена сказала:

— Привет. Руки-ноги целы!

У Оськи голова была задрана высоко вверх, а у Петра, наоборот, низко опущена. Оба они полужакали в траве и по контрасту со свеженькой Леной выглядели ужасно. Лена хлопотала возле Оськи — ползала вокруг него на коленях и прикладывала к лицу мокрый носовой платок.

Я спросил:

— Закурить есть!

И тоже сел в траву. Вместо ответа Петр показал лохмотья изодранной рубашки. Красноречиво.

— Где дядя!

Оська отвернулся, а Петр покачал скрюченной рукой, и я понял, что тот человек жив. Я облегченно вздохнул и лег навзничь. Зная бешеный характер Петра, я предполагал худшее, и сейчас, всматриваясь в серое небо, поймал себя на мысли, что шел сюда и искал, искал их, а боялся найти того, другого... Вот когда впервые за все время я почувствовал усталость... Оська потом довольно метко окрестил нашу битву «Маленькое Бородино» и, смеясь, называл нас незадачливыми французиками; он говорил, что тот человек уполз на одном мужестве, и не исключено, что еще не зализал раны.

Меня стало знобить. Я приподнялся, сел. Лена опять побежала к воде намочить платок. Оська решил встать. Не получилось. Еще попытался. Встал, но застонал, переломился в пояснице и схватился за бок. Конечно, ему досталось больше всех.

— Куда! — прикрикнула на него Лена [совершенно по-матерински]. — Лежи!

Оська коряво улыбнулся. Исподлобья глядя на нее, сказал:

— Голубушка ты моя, — тихо, так, чтобы она не услышала.

Лена поспешила вернуться. Подошла к нему. И он сразу обмяк, упал ей сверху на плечи. Длинные бледные руки его повисли у нее за спиной, как косы.

— Что вскочил! — спросила она строго. — Можешь идти!

— С тобой хоть на край света.

— Так далеко не надо. Дойди хотя бы до такси.

Лена ловко обняла Оську за талию, подставив ему под руку плечи, и они медленно, с паузами, словно заново учась ходить, пошли вверх по тропе.

— Ждите меня, мальчики, — не оборачиваясь, сказала им Лена. — Я вернусь.

Я смотрел им вслед и завидовал Оське.

— А ты! — неожиданно обратился ко мне Петр. — Сам можешь! Или раньше сделать тебе примочку!

Атакующий тон его был сейчас жалок. Было видно, что он готов ко всему и совсем не удивится, если я раз и навсегда пошлю его к черту. Но я почему-то сказал:

— С тобой хоть на край света.

Он даже вздрогнул, дернулся — не ожидал. Пристально посмотрел на меня: не спижонил ли. Затем, поднимаясь, тихо, так, что я с трудом слышал, произнес:

— Я потом попрошу у вас прощения. Сейчас не могу.

Для чего он это сказал! Зачем!

Наконец я тоже встал. Мы обнялись и пошли. Я чувствовал на своем плече тяжелую, вялую руку Петра, и мне было хорошо оттого, что я помогаю ему идти.

Потом я споткнулся, упал, а Петр остался стоять. Он улыбнулся, глядя на меня сверху, помог подняться и, словно между прочим, спросил:

— Слушай, дружище. Как ты думаешь, долго еще плутать нам в трех соснах!

Я ответил первое, что пришло в голову:

— Пока не поймеем.

— А есть надежда!

— Отстань. Откуда я знаю!

Ну, что еще я мог ему ответить! Что!

...Вот уже полгода, как я спрашиваю себя об этом, спрашиваю непрерывно и беспощадно — и не нахожу ответа. Я бы отдал душу дьяволу, чтобы узнать, долго ли плутать нам еще в трех соснах.

А ведь прежде, до того, как все это с нами случилось, я вообще не подозревал, что когда-нибудь, хотя бы в чем-нибудь обнаружу несостоятельность, слабость, сомнение или вот такое раздражающее бессилие. Юный, веселый, во всем удачливый, страдавший разве только избытком сил, я был смел и глуп и думал, что кругом прав. Что за такими, как я, стихийная правда молодости, а всякие рефлектирующие, мучающиеся, рас-

суждающие о смысле бытия дяди просто потеряли вкус к жизни.

Но теперь я собираю урожай.

Да, дело не столько в истории, которую я рассказал, сколько, конечно же, в том, что в результате произошло со мной лично и моими друзьями. И продолжает происходить.

У меня явно что-то сломалось внутри. В машине сработались шестерни.

Возможно, я все преувеличиваю. Возможно, все это просто пустяки. Ведь раньше любая уличная драка казалась мне нормальным кидотизмом, и я спокойно проходил мимо. Ну, а в тот день!

Ведь мы в тот день могли убить человека. Мы, у которых нормальные семьи, папы, мамы. Алкоголиков среди предков нет. Мы, имеющие высшее образование и дипломы!

Всякий раз, когда я думаю об этом, меня начинает мутить. Скотина, мерзкая скотина, вдруг, и за что ни про что отнявший жизнь у другого — невинного... В такие минуты самому лютому своему врагу не пожелал бы оказаться на моем месте. Ведь это могло быть. Могло!.. И если бы меня потом спросили: отчего! почему! за что! — я бы тупо молчал. Как недокормыш, как слаборазвитый, как выживший из ума.

За эти полгода, что «благополучно» для всех нас минули, я только и делал, что старался убежать от всей этой мути. Спрятаться, прогнать от себя, забыть. Но не смог. Это опять ко мне возвращалось. Сначала как насмешка. Потом как издевка. А потом как мука.

И все-таки в итоге я кое-что узнал. Непозволительно дорогой ценой, но узнал. Во всяком случае, теперь мне точно известно, у какой я черты, насколько пуст и формально образован и что и сколько предстоит мне теперь уяснить наново. И меня, заглянувшего в бездну, несколько не смущает, что в наше время приходится признаваться в том, что «знаешь то, что ничего не знаешь».

Теперь я понял одно: мне от себя не уйти. СУД ИДЕТ. НАДО ВСТАТЬ. Я готов — пусть подбивают бабки.

Я думаю, что главное во мне самом. Там, во мне — тайна. Там — разгадка. Я должен ее найти. Должен. Во имя своего доброго имени, во имя всего живого и справедливого, во имя того, чтобы вернуть себе право прямо смотреть в глаза друзьям, близким, любому.

И я буду рыть. Искать, узнавать. Неустанно, неостановимо — со всей сладостью одиноких своих волевых усмешек.

Я переступил черту. Мне больно. Мне очень больно. Но назад пути нет. Я лбом готов пробить стену, чтобы найти ответ. И я найду его! Найду! Найду!

Мой рассказ от первого лица, моя «модель» происшедшего закончена. Дальше я говорю «я», подразумеваю себя, а не своего противника...

Вновь и вновь вспоминаю все, что произошло той ночью на узкой тропинке парка около Москвы-реки. И повсюду себя на мысли о том, что мне крайне интересно узнать, почему же это произошло с теми молодыми людьми! Почему они, воспитанные на началах добра и справедливости, вдруг взяли себе в попутчики насилие и жестокость! Почему поднялось в них, по пустячному, в сущности, поводу, это мутное, темное, и в нужный момент не сработали тормоза! В самом деле, почему! Пока я не знаю, как ответить на все эти вопросы.

ОТ РЕДАКЦИИ

Думается, взволнованное письмо Геннадия Абрамова не может оставить равнодушным никого. «Смена» приглашает читателей к обсуждению этой истории.

В самом деле, некоторая часть молодежи еще и сегодня ищет, как бы «убить» свое свободное время. Те трое молодых людей, о которых рассказал в своем письме Г. Абрамов, в буквальном смысле прошли рядом со скамьей подсудимых. Что заставило их, молодых людей с дипломами инженеров, решиться на столь чудовищный эксперимент? Скука? Душевная и духовная нищета? Отсутствие сдерживающих моральных начал? Или причины глубже — в незанятости, недостаточной загруженности на производстве, так сказать, в полуголоде, рождающей неудовлетворенности и «тоску по настоящему делу»? Или все дело просто в неумении отдыхать, проводить свободное время с поль-

зой для себя и для окружающих? А может быть, важнее посмотреть с другой стороны: что такое моральные принципы каждого отдельного человека в семье, на работе, и что такое моральные принципы того же человека, когда он на улице, среди незнакомых ему людей? И что в таком случае есть «коллективная мораль»? Когда, при каких обстоятельствах она строится по законам гнилого товарищества и представляет реальную угрозу для человека, а следовательно, и общества в целом, и когда, при каких обстоятельствах она становится силой существенно иной, животворящей и жизнестойкой, направленной на выявление в человеке всего самого лучшего и высокого?

Много вопросов встает после прочтения истории, рассказанной Геннадием Абрамовым. Но, пожалуй, главный из них можно было бы сформулировать так: какими путя-

ми шло идейно-нравственное формирование личностей тех трех парней, которые вздумали покуражиться над прохожими в столь поздний час? В человеке ведь не вдруг вызревает способность пойти на преступление. Процесс этот постепенный и длительный. Но нельзя забывать, что идет он на глазах у других людей: родителей, друзей, товарищей, сослуживцев. Так кто же виноват в том, что выросли они такими бездушными, бессердечными, бесчеловечными? Родители, школа, институт, комсомольская организация? Где, когда, в какой момент формирование в этих молодых людях элементарного нравственного заряда оказалось оторванным от таких понятий, как доброта, чуждость, человеческая порядочность?

На все эти вопросы мы хотели бы получить ответы от вас, наши читатели.

Ждем ваших писем.

СОКОЛЬНИКИ

ПОЭМА

Когда темно и душно в синеве,
когда бывает смутно жить на свете,
как к матери,
ты обратишься к Москве —
она поймет,
она тебе ответит.

Ответит гулом людных площадей
и праздничными детскими шарами,
и криком чистопрудных лебедей,
и проходными кроткими дворами.

И, если злая мысль стучит в виске
или тщеславье мелкое тревожит,
как матери,
все рассказы Москве —
она поймет,
она тебе поможет.

Поможет окнами больших домов,
проспектом, что, как наша жизнь,
просторен,
и кружевом Крутицких теремов,
и тихоней Нарышкинских подворний,
людей рабочих утренним трудом
и дворником, метлой шуршащим
рядом,
баракком, предназначенным на слом,
и церковью «Нечаянная радость».

Под дождиком, что тоньше волоска,
под белым снегом, под хрустящей
крупкой
наш древний град,
наш грозный град — Москва
умеет быть и нежною и хрупкой.

Пусть в беспокойной яви
и во сне
она тебя в водоворотах вертит,
ты доверяй, как матери, Москве:
неправда, что она слезам не верит.

Ты ей плати нетягостную дань
любви, и понимания, и грусти.
И Долгорукой
бронзовую дань
вовек над тобою не опустит...

...Не об известных стройках и
вождях,
не о годах всемирных потрясений,
я должен рассказать о двух дождях:
одном весеннем,
а другом осеннем.

И нечего выдумывать перу:
разлада нет меж памятью и сутью.
И я столицу Родины беру
уж если не в читатели,
то в судьи.

Куда ведет,
куда течет с холма
стальной маршрут нечетного трамвая,
который год туда влечет сама
судьбы моей нечеткая кривая.

Как лошадь, испуская чистый пар,
завесивши глаза лохматой челкой,
вздыхает там Сокольнической парк
за черною чугуною решеткой.

Там лебедей весенняя игра
непуганых
приходит точно к сроку
и черная лягушечья нора
наколота на чуткую осоку.

Там тополя стоят на якорях,
пруды в зеленой раске, полные
в звездах.
Там дышит в пневматических дверях
лирический сокольнической воздух.

Туда-то на магнитный свет луны
по вечерам, кудлаты и курносы,

спускаются с Матросской Тишины
Москвы весенней юные матросы.

Идут, слегка качаясь и смеясь,
их песенки задиристы и грубы,
им шпильники, впервые и боясь
для поцелуев подставляют губы.

Изгиб реки,
как сабля у бедра,
а за рекой церквушки, как подарки.
И видится:
потешных войск Петра
колышутся за Яузой штандарты.

И, память бывших дач и деревень,
красива буерачная свирепа.
И бывшая дворничья сирень
зовет тебя на запахи, как сирена.

По рельсу, по стальному желобку
моей душе всегда сюда стремиться.
Впадай, мерцай, в Язу-реку,
прозрачная старинная Стромынка.

II

Там некогда был древний особняк,
калитка ветхая, забор тщедушный,
и цепь прудов, и цепь колец на пнях,
и целый палсад сирени душистой.

...Она, наверное, мешала спать,
она, поди, калитку открывала.
Там к барышням и вальс
и падеспань
заманчиво из сада наплывали...

А сразу за глухим особнячком,
от ветров века спрятавшись
как будто,
стояла, покосясь, особнячком
некрашенная маленькая будка.

...Ее теперь уже в помине нет —
другие телефоны в том районе...
Заржавленная прорезь для монет,
побитый эбонит на микрофоне,
чей провод, как гитарная струна,
звенел вечер московскими дворами,
чья сплюшь была исписана стена
призывами и просто номерами.

Случайная мозаика судеб,
чей шифр был откровенен и отчаян.
Вот здесь зывал к сокурснице
студент,
а здесь звонил сотруднице начальник.

Мембраной тонкою добра и зла,
готовая простить или проститься,
смеялась, умоляла и звала,
дрожала микрофонная пластинка.

...А ведь всего-то провода вершок,
железный ящик, две копейки только.
И угольный сожжется порошок,
мгновенно изменяя силу тока...

В те дни мне было некуда звонить,
мне ничего хорошего не ждалось.
В те дни двух судеб жизненная нить
негаданно и страшно оборвалась.

Мне было голос некому подать.
И мир мой ровен был и пуст,
как простыня:
в тот год ушли моя жена и мать
за черную, чудовищную плоскость.
И мне казалось,
внутри растет трава
и солнце светит ярко к непогоде.
Да, поговорка старая права,
что по миру беда одна не ходит.

И день за днем
с смятением и тоской
я по Москве бродил не скуки ради.
Я горький разум свой лечил Москвой
в Сокольниках,
в Останкине,
в Зарядье...

...Тогда я был у бездны на краю.
Да и сейчас, в спасенье плохо веря,
еще, как полк разгромленный, стою,
подсчитывая страшные потери.

Но мир уже не обвиняю, где
увидел близко смерть,
любовь,
измену.
Зато теперь любой чужой беде
я понимаю истинную цену.

Прошла с косою косая по рядам,
круша,
переворачивая душу.
Теперь уж точно друга не продам
и перед лютым недругом не струшу...

...Я оживал, стихая и дрожа,
на древних площадях столицы милой.
Своя беда — лишь капля дождя,
лишь миг
«перед лицом всеобщим мира».

III

Я ждал в тот день
в Сокольниках
луны
живительного, лечащего света.
Но облака с Матросской Тишины
шли на меня, как вражьи корветы.
И грянул гром!
И грянул гром окрест,
урча и перекачываясь глухо.
И зангрял и загремел оркестр
большой концерт для голоса и слуха.

Рванулись стайки дачного белья,
как чайки на простор,
на грозный праздник.
По небу покатила пророчья Илья
на резвой паре —
вороном и красном.

Он разом грохотал во все концы,
и сразу пути разума ослабли,
лишь вороной и красной
жеребцы
на город мой стряхнули с круп
капли.

Грозил на туче тотчас лопнуть шов...
В плаще, не защищающем от бури,
я, словно в бухту парусник, вошел
в распаханную настежь дверцу будки.

Вдруг стало отболевшее больней,
и четкое сломалось и смешалось
в полубезумной голове моей,
прошедшее с будущим смешалось.
И сквозь гриппозно-вирусную дрожь,
при молнии, ударившейся оземь,
я увидел другой московский дождь —
останкинскую медленную осень.

IV

...Осенний дождик серый,
беспрзорный —
мне музыка его тоски близка.
На дне его, как в глубине озерной,
град-Китежем чуть брезжила Москва,
вся в точных сводках скошенного
хлеба,
в рубинном свете звезд и в тополях.

Она как будто опустилась с неба,
оставив рябь на облачных краях.
Чуть-чуть мерцал ее гостинный
глянец

И в окнах наплывали, как в юно,
кудрявый негр
и пепельный суданец,
а то японка в пестром кимоно...

...Люблю,
когда асфальт струится близко
и брызжется, души не бередея.
На лица я люблю смотреть сивозь
линзу
осеннего, хрустального дождя.
Люблю вдыхать тот холодок
туманный,
нечаянно забредший к нам с равнин,
и видеть блеск оптический, обманчивый
в загадочном свечении витрин...

Теперь подумай: разве же не чудо,
что из метро, из теплой суеты
зноблящая, как легкая простуда,
была столицей выдохнута ты.

Благодарю подземный бег вагона
за то, что мне увидеть довелось
в скупых огнях московского неона
мерцание русалочьих волос.
У черных туфель цокали подковки...
А может, для таких неожиданных
встреч
в запасниках глубоких Третьяковки
хранились эти ливни рук и плеч.

Случилось все, чему должно
случиться.
Не растворилось в шуме и толпе:
причинно необыденность стучится
цыпленком по житейской скорлупе.

...В Останкине горели тополя
и было пусто, словно в божем
храме.
И — серый ангел с мокрыми
крылами —
спускался дождь.
И только ты да я.

И в той шуршащей городской тиши,
как будто в полутемном тайном зале,
две горьких, две изломанных души
неровные края свои сближали.
И для того, чтоб ты со мною шла,
чтоб мы с тобою вместе рядом
были,

две худеньких косички распле
та томенькая девочка в Сибири.
Чтоб в сердце отзывался каждый шаг,
чтоб в грудь мою тревожной сердце
было,
с дешевыми сережками в ушах
ты два смешных сердечка укрепила.

Мы подошли к крутому рубежу.
Довернем ответь мне на доверье.
Я потерял немало и скажу:
давай соединим свои потери.
Еще ханжи с похвальной прямой
тебя в любовных связях учили,
но в их устах я тоже не святой.
Давай соединим свои печали!

Не покоряясь сплетням и судьбе,
соедини с моей свою усталость.
Та девочка с косичками в тебе,
как сердцевина в дереве, осталась.
Доверься ей — она всегда права.
Наивная — она сильней обмана,
как солнце,
как деревья,
как трава,
как росный луг и капля тумана.
Кто знает, что случится вперед,
кого ты встретишь и кого покинешь,

Но есть Москва, похожая на Китеж,
когда идут осенние дожди.

V

...А был конец пятидесятих лет —
и я припоминаю снова, снова...
Стоит Московский университет,
моей неведанной юности основа.

Мои воспоминания — взброс,
одно другому просится на смену...
Идет у главных зданий сенокос,
у факультетов загребают сено.

Так радужен тех дней, так яростен
спектр — поют в нем птицы и цветут деревья,
и Ленинский кончается проспект
обыкновенной русской деревней.
Июльским ветром весь бульвар

продут,
и ели серебристые, как копыя.
А между нами бродят там и тут
хрустящие, дурманящие копыя.
А в копах невозможно не бродить,
а в копах невозможно не валяться.
И было невозможно не любить,
и было невозможно не влюбляться.

Но в памяти стоит на ветерке,
дождю подставив белые ладоши,
тот юноша — в продутом свитерке
и та девчонка — платьице в горошек.

И было не понять ни мне,
ни ей,
вдыхавшей запах сена полной грудью,
что чувства могут быть куда сильнее,
тревожнее,

печальнее
и глубже,
то помогая,
то мешая жить,
умея мелочь каждую запомнить,
умея и поднять, и сокрушить,
и весь огромный мир собой
заполнить.

И, кажется, я заплатил вдвойне
за каждый час, бездумный и
роскошный.

И через все года мигают мне
тех общежитий добрые окошки.

VI

...И вот — весна.
Трещит на туче шов.
В плаще, не защищающем от бури,
я, словно в бухту парусник, вошел
в распахнутую настежь дверцу будки.

Я чувствовал почти наверняка:
кому-то в этот вечер так же сиротливо
и кто-то непременно ждет звонка
из внешнего, бушующего мира.

Я спичкой добыл добрый огонек —
мне было странно и немного
страшно,
но я набрал случайный номерок,
решительно помеченный «Наташа».

...Ау, мой критик прозы и стихов —
ты не гулял в лесу с разбойной
шайкой...

Готов ли ты, ведь ты из казаков,
взмахнуть сейчас критическою
шашкой...

Летел Илья с короной на башке,
и небо возбужденное кололось,
когда в трещащем, неживом кружке
мне отозвался дальний женский
голос.

Во мне как бы струна оборвалась,
и я пробормотал единым вздохом:
«Простите... Я хотел бы видеть вас,
Наташа. Я один. Мне очень плохо.
Нет-нет. Случайно. Что вы, я... Да...»

«Вы где сейчас! В Сокольниках!
Я еду!»

Есть женщины еще!
Когда беда,
они не медлят
и не ждут совета...
И, логике бескрылой вопреки,
по древней Язуе поплыли струги,
по берегам и вдоль всея реки
ударил живительные струи.

Из-под Преображенского моста
юродивый крестился покаянно.
И грянул дождь.
И стала вновь Москва,
как будущей осенью, стеклянной.

И в облаках церквушек купола,
как ядра клеток, изнутри светились.
И сверху на прямые тополя
ошметки туч, как вороны, садились.
И, отряхая крупный дождь, как пот,
крутя во мгле гремющей
тростью верткой,
в плаще крылатом шел
Великий Петр
в скрипящих и сверкающих
ботфортах.

Тогда
из древней, дедовой Руси
в урчанье, в голубом переливанье,
как чудо-юдо, выплыло такси —
и вышла ты
в хрустящем целлофане.

Ты шла, полупрозрачна и светла,
и призрачно моя светилась бухта —
я двери отворил,
и ты вошла
царицею в расшатанную будку.

...Я говорил, мешая «ты» и «вы»,
боясь остановиться в некоем страхе.
И были мы вдвоем на дне Москвы
в непрочном марсианском батискафе.

Гремела ночь во все колокола,
лирическим наполненная духом.
И логика мещанская была
обыкновенной деревенской дурой.

Житейский опыт
был надут и глуп,
и, словно бы упало покрывало.
И ты своих неподведенных губ
не отдавала
и не отрывала.

И нежность, поднимаясь через край,
сама собой под сердце отступала.
За радостную, ранящую грань
она сама собою не пускала.

Смотрел Илья, прищурясь, с облучка,
как будто разглядеть поближе силась.
И наши души, словно облака,
едва соприкоснувшись, расходились.
И я стихал.

Я боль в себе давил.
Я слушал твой
почти бесплотный голос
и лишь губами радостно ловил
твой мокрый и слипающийся волос.
Ты говорила: «Наша жизнь мудра,
записанная в генах изначально.
Иначе отчего бы так с утра
мне было и тревожно и печально!»

Я из библиотеки шла домой —
букет цветов мне протянул калена.
И осветился быт неяркий мой,
просторный двор и лестничная

клетка.
Я с мужем разошлась не так давно.
Но и о нем не вспоминала...
Странно.

И тут заволочило мое окно
московским фосфорическим туманом.
Я все ждала. Я не ложилась спать.
Должно ж со мной случиться нечто,
статься.

Непознанность должна была
восстать,
обыденность должна была
прерваться.

Я знала, что мой мир не одинокий.
И, двинув тревожной внешней
силой,

я понимала: должен быть звонок.
И он раздавался,
и тебе спасибо.
Меняют миг на вечность, час на век.
Благодаримые.
Ветхая одежда!
А человеку нужен человек.
Доверье, понимание и надежда.

И для меня ты добрый дождь ночной.
Я для тебя открыта и свободна.
Руководит сейчас тобой и мною
непознанная вечная природа.

И только так. Для сердца только так.
Чтоб продолжало вечно жить живое.
С грозою — непосредственный
контакт
связь напрямую
с ветром и травой.

Ты чувствуешь, моя стеснилась
грудь
мне губы сводит древней сладкой
болью.
И снова понимание и грусть
стоит вдалеке, наряде с тобой.

Ты больше не тревожь мой телефон.
Ты не звони ни в праздники, ни в
будни.
Представь, что нам приснился просто
сон
про дождь ночной
и старенькую будку...»

Она ушла.
Я не держал ее.
Гром затихал.
Земля опять вращалась.
И трезвое, дневное бытие
в Сокольниках с рассветом
возвращалось.

Матросская светлела Тишина,
и на востоке чуть адела просинь.
И мир был добр.
И жизнь была полна.
Останкинская приближалась осени.

...В Останкине горели тополя.
И было тихо, словно в божьем храме.
Жизнь пахла увяданьем и духами.
Чуть сеял дождь.
Хотела спать земля...

...Куда ведет, куда течет с холма
стальной маршрут нечетного
трамвая,
который год туда влечет сама
судьбы моей нечеткая кривая.

И сколько б ни осталось на веку,
я буду каждый год туда стремиться,
где так струится
в Язу-рену
прозрачная старинная Стромынка...

...Прими
и подтверди мои слова
(идет ли дождь
или порошок крупкой),
мой грозный град
мой нежный град. Москва,
мой город, понимающий и хрупкий.

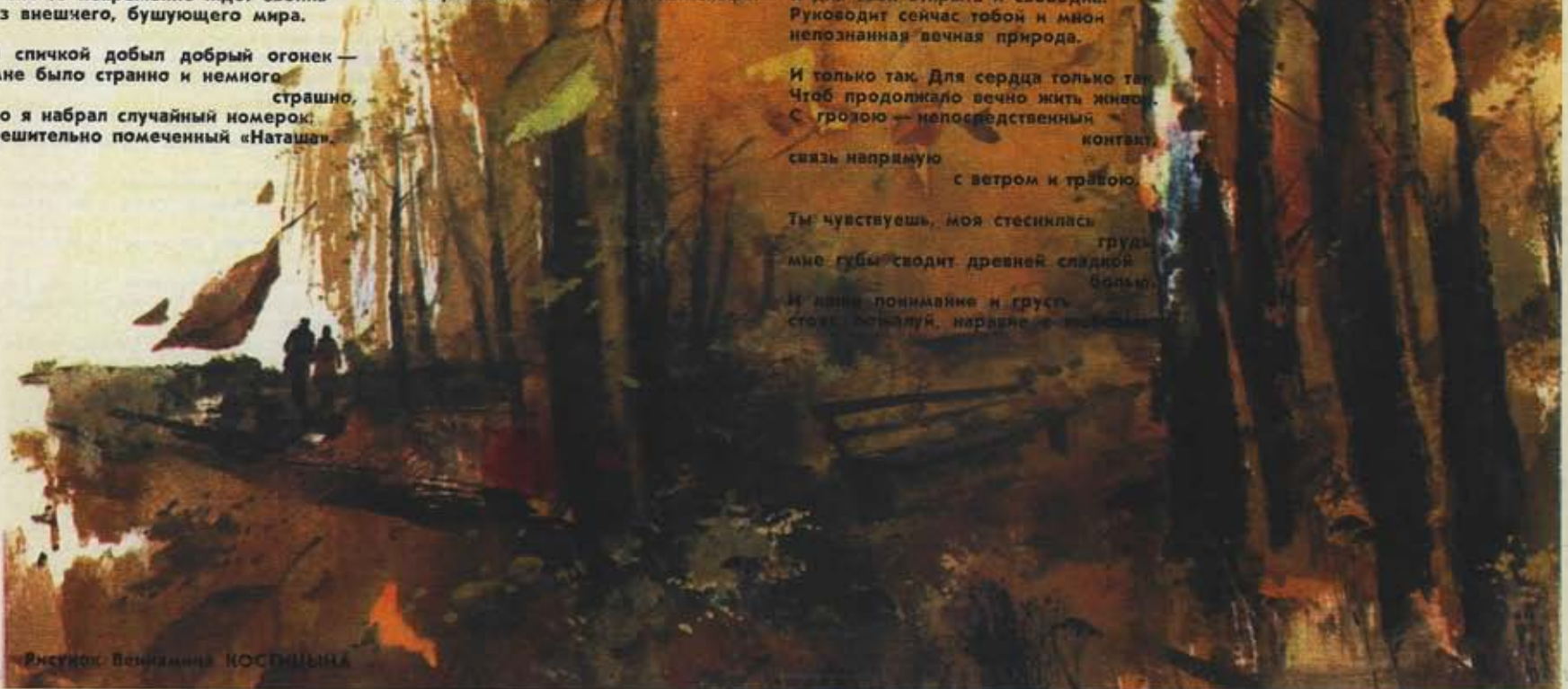

Рисунок Владимира КОСТИЦЫНА

Продолжительные прогулки, «нечаянные» встречи, разговоры об искусстве — все это хорошо. Плохо только, что мы буксуем на месте. Впрочем, в таком положении и мои личные дела. Ваш покорный слуга Петр Антонов давно уже должен быть главой семейства. Скромный обряд бракосочетания был назначен на Новый год: впереди рисовались новая жизнь, новое счастье... Увы! Вместо загса пришлось отправиться на очередное экстренное задание.

Весьма загадочная поначалу история. Тоже комната на последнем этаже, запертая изнутри, с плотно закрытыми окнами. Словом, классический вариант «закупоренной комнаты». А на постели — освобожденный от земных забот мертвец. Экспертиза установила отравление. Убийство или самоубийство? Все можно предположить. Натура у покойника, если можно так выразиться, была охотничья, со склонностью к браконьерству, с набегами в запретную «брачную зону» ближнего.

Убийство или самоубийство? Через пять дней было установлено: ни то, ни другое. Выпил человек, стало плохо с сердцем, принял успокоительное. Так бывает, когда не знаешь, чего хочешь: сперва пьешь для веселья, а потом глотаешь лекарство...

Эта история, похоже, возникла лишь для того, чтобы помешать нашему скромному торжеству. Потом навалились другие неотложные дела. Конечно, мы не в Америке, где каждые пять минут кого-то убивают. Но беда в том, что на всю Болгарию таких, как я, следователей по убийствам всего четыре...

Хорошо, что моя будущая супруга — существо достаточно терпеливое, с философским складом ума. Она пока удовлетворена тем, что раз в неделю приезжает из Перника в Софию, справляется о моих делах, произносит свое неизменное: «Петре! Петре!...» — и приводит в порядок мою комнату.

Плохо, как я уже сказал, что мы буксуем на месте. А все же нет худа без добра. Осечки в моих «расследованиях» дают время для размышлений.

Итак, небольшой отдых ногам, работа с бумагами, проверка некоторых показаний, дружеские беседы с коллегами по поводу таких «забавных вещей», как отпечатки пальцев и трассологические исследования. К сожалению, ничего существенного не обнаруживается. А это уже есть НЕЧТО СУЩЕСТВЕННОЕ: значит, убийца действовал в перчатках.

Наличие еще одной «мелочи», о которой я думал с самого начала, подтвердили исследования моего друга, судебного врача. Он заглянул в мой кабинет, еще с порога предупреждая:

— Сигарет не предлагай! Не курю.

При этих словах я не мог сдержаться, чтобы не потянуться к пачке на столе и не выбрать с тихим злорадством сигарету.

— Удачная партия. Мягкие, как одна, — замечаю я, закуривая.

Врач смотрит на меня так, словно хочет продыривить мой череп, но я лишь добродушно пускаю дым.

— Знаю, что тебя торопят, вот я и пришел сказать: анализ показал незначительные следы люминала. — И он уходит.

Я снова возвращаюсь к справкам и протоколам. И пока звоню или ломаю голову, сопоставляя всяческие данные, никак не могу избавиться от ощущения какой-то двойственности. С одной стороны — тщательно подготовленное и осуществленное убийство, с другой — намеченный мною круг расследования, внутри которого должен находиться убийца. Однако между этими сторонами пока нет никакой связи. Можно без конца изучать биографии людей, заключенных в моем кругу, их личные отношения, конфликты, привычки, докопаться даже до племб в зубах у каждого, но так ничего и не выяснить.

А если человек, которого я ищу, находится вне поля моего зрения? Ведь предупреждал же об этом шеф. Но сведения, которые я добываю по крупицам, говорят обратное: преступник или, на худой конец, его пособник должны находиться в кругу. А если найду соучастника, непременно доберусь и до главного действующего лица. У Асенова — об этом уже можно говорить с уверенностью — не было никаких связей, кроме установленных. С другой стороны, преступление было совершено человеком, который был знаком с квартирой Асенова и, стало быть, находился с ним в контакте.

К пяти часам сдаю документы, а вскоре уже пытаюсь «вымерить» шагами расстояние от Льви-

ного моста до улицы Царя Аспаруха. Передо мной лежат неисследованные земли, и одна из них носит название «Магда». Надеюсь, вы поймете меня правильно, тем более, что в известном смысле Магду никак нельзя назвать «неисследованной землей».

Магда живет под самой крышей высокого кооперативного дома и занимает помещение, которое находчивые хозяева превратили в жилье, соединив две кладовки и израсходовав несколько левов на крохотное оконце. Ничего общего с роскошной мансардой Личева. Зато сама хозяйка предстает передо мной в полном великолепии своей пышной плоти, слегка прикрытой заграничными этикетками. Кофточка из темно-синего меланжа, расклешенная юбка, лаковые черные туфли на высоченном каблуке.

— Рад, что застал вас дома, — говорю я, садясь на довольно шаткий стул. Магда располагает на кушетке. Она придерживается формулы любезного, но сдержанного поведения.

— Эти дни я все время дома, — отвечает она. Разглядываю обстановку и замечаю:

— Здесь стоит еще одна кушетка. Есть личика?

— Была, — уточняет Магда. — Раньше мы жили вместе с Дорой.

— Почему же не уберете лишнюю кушетку? Ведь у вас и без того тесно.

БРАЗИЛЬСКАЯ МЕЛОДИЯ

Богомил
РАЙНОВ

РОМАН

— Любопытно!

— Да ничего любопытного. Потом я увидела, что браслет от часов. Только он носил часы не как все, а на внутренней стороне руки. Вот я цепочку и приняла за браслет.

— Что стало с этим браслетом? Он подарил его вам?

— Вас его подарки интересуют? Все выпытываете...

— Просто этого браслета у Асенова не оказалось. А много у него было денег?

— Откуда я знаю?

— Как откуда? Вечера проводили вместе, ходили по ресторанам, он вынимал бумажник, чтобы расплачиваться...

— Он вынимал мелкие купюры из маленького кармашка.

— А деньги, которые давал вам?

Магда собирается возразить, но, встретив мой взгляд, опускает голову.

— Послушайте, Коева: вы не только ходили с Асеновым по ресторанам, но бывали в его квартире, получали от него деньги. Вы должны знать, какими средствами он располагал.

— Представление имею, но денег его не считала.

— Не об этом речь, не увертывайтесь!

— Ну, носил, сколько ему было нужно. Во всяком случае, бумажник его был набит деньгами.

— Думала, да раздумала: зачем зря трудиться! Дора не останется с Марином вечно.

— Вы так считаете?

— А как же иначе? Если уж однажды в милиции записали твою биографию...

— Разве важно, записали или нет? Может быть, важнее — какая она? Вашу биографию, например, кто делал: вы сами или тот, кто ее записывал?

— Пусть так. Но что я такого натворила? Жила своей жизнью. Была почти обручена с Асеновым. Но вмешался какой-то тип...

— И кто, по-вашему, этот «тип»?

— Откуда я знаю? Возможно, Гелева. Она меня терпеть не может.

— Почему?

— Вообразила, будто я увела у нее Асенова. Старая утка даже не понимает: если Асенов и заглянул к ней разок-другой, это было не больше чем мужской каприз.

— Она рассчитывала выйти за него замуж?

— Именно!

— Так. Оставим этот вопрос. Расскажите лучше о последних встречах с Асеновым, о ваших разговорах в «Балкане» и, разумеется, о заключительном скандале. Спокойно, точно, ничего не упуская.

— Пожалуйста, все расскажу... Только найду сигареты. Предложила бы вам кофе, но нету... — Не беспокойтесь.

Магда снова садится на кушетку и закуривает. Потом приступает к рассказу, перегруженному лишними деталями и отступлениями, в которых для меня нет ничего нового.

— А как вы познакомились с Асеновым?

— Точно не помню.

— Вот тебе раз! Начало большой любви, встреча с будущим женихом, а вы: «Не помню...» Постарайтесь припомнить.

Магда напряженно морщит невысокий лоб, прикидывая, что можно сказать и о чем лучше умолчать.

— Мы были, кажется, в «Ропотаме», с Филипом и другими. За соседним столиком сидел Асенов. Он смотрел на меня так, будто сроду не видел женщину. Я тоже поглядывала в его сторону. Не потому, что он меня заинтересовал, — просто на его руке блестел золотой браслет, как у дамы.

— Валютой!

— Валюты почти не было. Знаю точно. Много раз приглашала его сходить в «Кореком», а он отказывался.

— Неправда, — парирую я спокойно.

— Зачем мне лгать?

— Не знаю зачем, но вы лжете. Асенов собирался поехать в Турцию. В его паспорте уже стояла турецкая виза. А человек, который собирается в Турцию, должен иметь валюту.

— Уж не я ли украла эту валюту?

— И об этом можно подумать, слушая вашу упорную ложь. Не забывайте, наказывают не только за воровство, но и за лжесвидетельство.

Магда молчит и курит, все так же опустив голову.

— Ну, что вы от меня хотите, господи!

— Вы прекрасно знаете, чего я хочу от вас: правды. А что касается вашего поведения, то это — дело других органов.

— Мое поведение! Мое поведение! Что такого в моем поведении? Как будто я убила собственную мать или отца!

Она вдруг всхлипнула и разрыдалась. Закуривая новую сигарету, ожидаю, пока она успокоится.

— А что касается Филипа, он за вас гроша ломаного не даст.

— Знаю. Не думайте, что я слепая. Но где же тот, кто позаботится обо мне? Где он, настоящий друг? Только в мечтах...

— Настоящего надо заслужить. Пойдите работать. Добейтесь достойного места в жизни...

— Каким образом? — нервно перебивает Магда. — Поступала учиться — не добрала баллов. Сунулась в одну артель, не смогла там высидеть. Филип нашел мне место официантки, но пробыла там всего три месяца, потому что кого-то замечала...

— Хорошо, хорошо, — говорю я. — Если вы серьезно думаете о работе, вам помогут. Но довольно об этом. Перейдем к другому. Повторяю вопрос: носил ли при себе Асенов валюту, сколько и какую?

— Носил, — тихо говорит Магда. — Целую пачку долларов. Не знаю сколько, но целую пачку, все по сто долларов.

Магда устала, измучена, она готова «капитулировать».

— Где он держал эти доллары?
 — В бумажнике. Когда речь зашла о «Корекоме», он вытащил бумажник, показал мне пачку и сказал: «Уж не хочешь ли ты, чтобы я дал тебе сразу сто долларов? К чему тратить валюту, если я привожу тебе все необходимое...» Не думайте, что Асенов был щедрым. К тому же он был еще страшно недоворчив, на ночь клал свой бумажник под подушку.
 — Кто еще знал об этих долларах?
 — Не имею понятия!
 — Коева!
 — Что Коева? Может, и хозяйка знала, может, и другие.
 — Вы кому-нибудь об этом говорили?
 — Вроде однажды Филипу: мол, у Асенова полно денег, а я хожу в прошлогодних платьях. Но Филип вообще не обратил на это внимания.
 — «Полно денег» или «полно долларов»?
 — Кажется, сказала «полно долларов». Это было вскоре после неудачи с «Корекомом».
 Задаю еще несколько вопросов, чтобы проверить некоторые уже известные подробности, и встаю. Магда поднимается тоже. Она довольно импозантна, но кажется сейчас маленькой и беспомощной — взрослый человек с умом ребенка.
 — А теперь слушайте, Магда, и постарайтесь запомнить: если вы готовы трудиться, можете полностью рассчитывать на меня и на моих коллег. Но если эти намерения лишь из-за страха перед возможными неприятностями, должен

предупредить, что неприятности не заставят себя ждать. И не потому, что кто-то желает вам зла. Винаваты вы сами. Неужели вам не надоело унижаться перед теми, с кем вы водитесь? Неужели вам не стыдно перед вашими близкими? Разве у вас нет воли сказать себе: «Я человек — и буду жить по-человечески!»
 — Говорила уже, — произносит тихо Магда.
 — Дайте себе слово еще раз! Да так, чтобы оно врезалось в голову и осталось там навсегда! И я направляюсь к выходу, чтобы не слышать рыданий.
 «Слезы — это хорошо, — думаю я, спускаясь по лестнице. — Слезы очищают, — говорю я себе, шагая по вечерней улице. — Плохо только, что некоторые женщины думают, что слезами они искупают все грехи... Желательно, разумеется, чтобы наш случай был не таким».
 Бульвар Витоша в этот час еще полон народа. Наверное, Лиза готовит сейчас на кухне ужин, а ее примерный, бросивший курить супруг смотрит телевизор. И скажите, чем Магда хуже Лизы? Чуть больше воли, и эта Магда может стать скромным «светилом» домашнего очага, хорошей матерью, заботливой женой...
 Мысли мои прерывает пронзительный полицейский свисток: задумавшись, я перехожу улицу на красный свет. Делать нечего, возвращаюсь назад и одновременно с этим отрешаюсь от всех морально-бытовых проблем, чтобы сосредоточиться на том разделе криминалистики, который

известен под названием «расследование убийства».

И все же как не позавидовать коллегам, которые занимаются морально-бытовыми делами. Как бы ни были плохи их пациенты, но они всегда налицо! По крайней мере живы...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Когда решаешь задачу из учебника, у тебя связаны руки. Ты можешь применить сто способов, зачеркнуть все и начать снова, пока не добьешься правильного ответа. Но когда решаешь задачу, связанную с живыми людьми, каждый сбой или необдуманное действие могут навсегда закрыть путь к истине. Ведь и преступник решает свою задачу — старается разгадать твои намерения, запутать следы, толкнуть тебя на неверный шаг.

Убийца Асенова совсем не глуп, поэтому с самого начала следствия стараюсь установить строгую последовательность «ходов». И если кто-нибудь думает, что я бесцельно брожу по городу и разговариваю с кем попало, он ошибается. Все идет строго по порядку, последний номер моей программы падает на Спаса Влаева.

Беседа состоялась в моем кабинете. Есть лица, которых по ряду соображений лучше расспрашивать в официальной обстановке по строго установленной законом процедуре.

Человек, которого вводят ко мне, уже не юноша. Ему где-то между 20 и 30 годами. Он почти высокого роста, широк в плечах, у него независимый вид. Влаев смотрит на меня прищуренными глазами и приближается уверенной, чуть раскачивающейся походкой моряка. Лицо для меня новое, но сам тип хорошо знаком. Для таких, как он, весь мир не больше чем корабль приключений, на неустойчивой, покачивающейся палубе которого происходят драки, кутежи и прочие захватывающие истории.

Бросаю на гостя беглый взгляд и перехожу к формальностям: имя, возраст, профессия, точный адрес... Он отвечает неторопливо, стараясь показать, что обстановка допроса на него совершенно не действует. В его осанке, расставленных ногах и слегка наклоненной вперед фигуре чувствуется скрытая агрессивность. Она характерна для «храбрецов», которые идут по улице, готовые как бы невзначай толкнуть прохожего, найти повод для драки — просто так, чтобы показать, кто они и на что способны.

Предлагаю гостю подробнее рассказать о пиратке с Моньо и в ожидании ответа разглядываю его. Почти круглое лицо, некрасивое, но и не безобразное, с коротким, чуть вздернутым носом и маленькими наглыми глазами. Лицо, странно бледное для такого крепыша, этакое человека-бицепса. Можно подумать, что вся его кровь собралась в могучих мускулах.

Влаев начинает рассказ медленно, с паузами, словно испытывая мое терпение:

— Мы часто ссорились с матерью... Когда женщины переходят критический возраст, они могут устроить скандал, если не положить на место полотенце... Не знаю, поссорились ли мы окончательно из-за полотенца или из-за какой другой мелочи, но только я ушел из дома на квартиру...

Он и в самом деле решил испытать мое терпение. Его путанные, бессвязные рассуждения, весьма бедные фактами, длятся целых пятнадцать минут, пока, наконец, мы добираемся до интересующего меня вечера. Смотрю на часы и без тени притворства зеваю.

— Ясно, — прерываю я монолог. — О ваших литературных и музыкальных интересах достаточно. Вы, если не ошибаюсь, изучаете право?

Влаев кивает, не давая себе труда ответить.

— В таком случае вам прежде всего следовало бы овладеть искусством речи. Вы пользуетесь расточительным стилем старых сплетниц, Влаев. С той лишь разницей, что в словах сплетниц есть хоть какой-то смысл. А вы, похоже, неспособны выразить собственные мысли. Или потому, что их нет, или потому, что вынуждены их скрывать. Гость смотрит на меня неприязненно, и его правая рука машинально дергается.

— Хотите меня ударить? — замечаю насмешливо.

— Такие, как вы, очень сильны, когда сидят за собственным столом, — бурчит Спас, овладев собой. — Но если вы позвали меня, чтобы грубить...

— Вы отлично понимаете, зачем вас сюда позвали, — отвечаю я спокойно. — И с этого момента прошу на мои вопросы отвечать предельно ясно. Не забывайте, что вы несете ответственность за каждое неверное показание. Итак...

Делаю краткую паузу и испытующе смотрю в его маленькие глазки. Влаев сидит, все так же

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

Продолжение на 30-й стр.

ОЖИВШИЕ ТАЙНЫ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

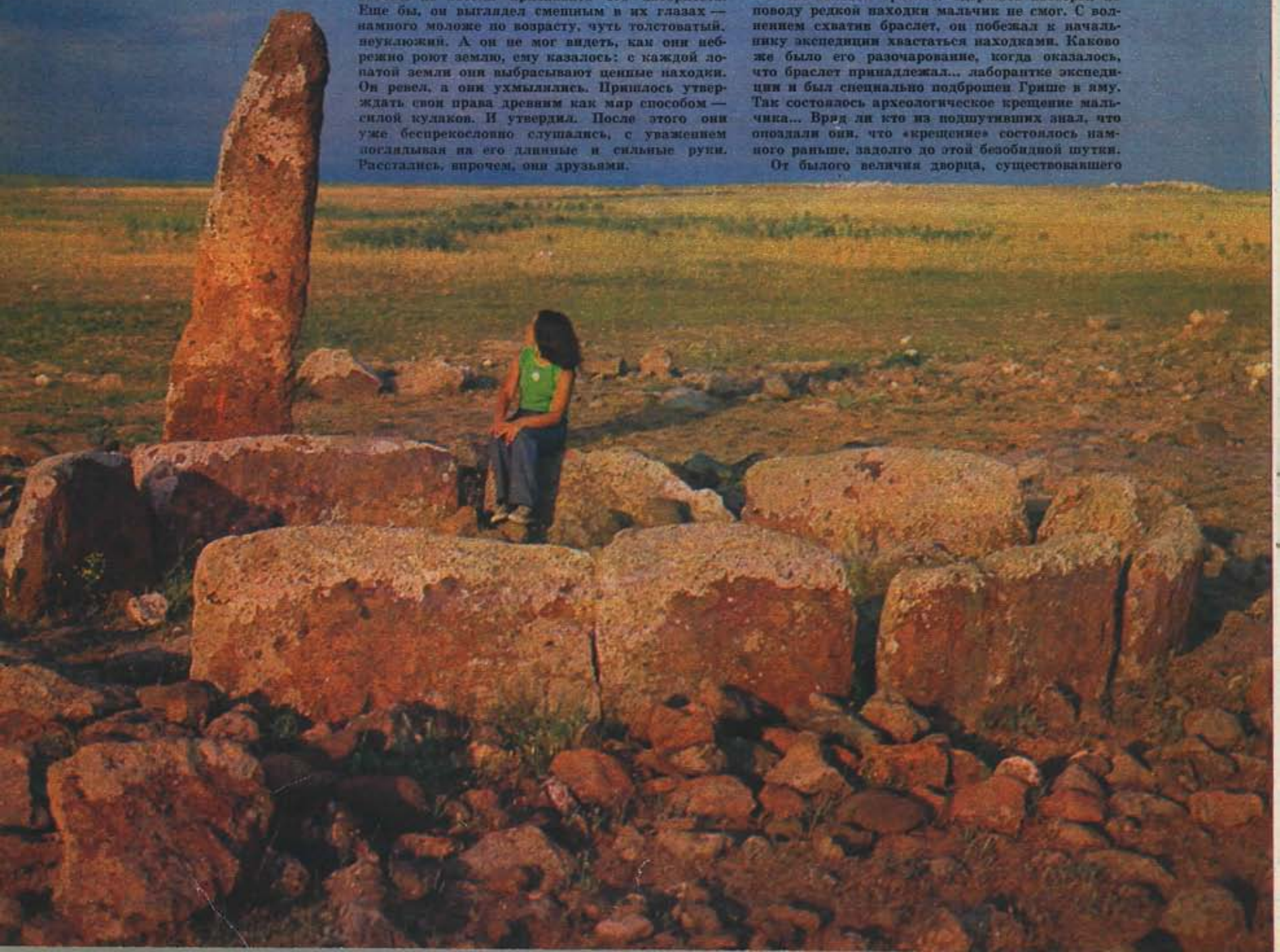
Мальчишки совершенно не слушались его, руководителя раскопочными работами, зачастую надевались над ним, а в этот день довели до слез.

— Правда, это были, кажется, первые и последние слезы в моей жизни. — вспоминает сейчас Григорий Евгеньевич Арешян.

А тогда он сидел на камне у развороченной ямы и ревел ловко, размазывал слезы. Мальчишки не хотели признавать его права давать им указания, приказывать, где копать и как, и вообще не хотели признавать его авторитета. Еще бы, он выглядел смешным в их глазах — намного моложе по возрасту, чуть толстоватый, неулыбчивый. А он не мог видеть, как они небрежно роют землю, ему казалось: с каждой лопатой земли они выбрасывают ценные находки. Он ревел, а они ухмылялись. Пришлось утверждать свои права древним как мар способом — силой кулаков. И утвердил. После этого они уже беспрекословно слушались, с уважением поглядывая на его длинные и сильные руки. Расстался, впрочем, они друзьями.

Это была уже вторая по счету археологическая экспедиция, в которую попросился 12-летний мальчишка.

В 1962 году Гриша вместе с археологической группой Института археологии и этнографии Академии наук Грузинской ССР участвовал в раскопках на Пидунде. Группа подобралась очень дружная. Работать было — одно удовольствие. Как-то раз Гриша с ножом и кисточкой расширил остатки римского слоя возле ранне-византийского храма, и вдруг в земле блеснула римская монета, а потом великолепный массивный золотой браслет. Сдержать восторги по поводу редкой находки мальчишки не смог. С волнением схватив браслет, он побежал к начальнику экспедиции хвастаться находками. Каково же было его разочарование, когда оказалось, что браслет принадлежал... лаборантке экспедиции и был специально подброшен Грише в яму. Так состоялось археологическое крещение мальчишки... Вряд ли кто из подшутивших знал, что опоздали они, что «крещение» состоялось намного раньше, задолго до этой безобидной шутки. От бывшего величия дворца, существовавшего

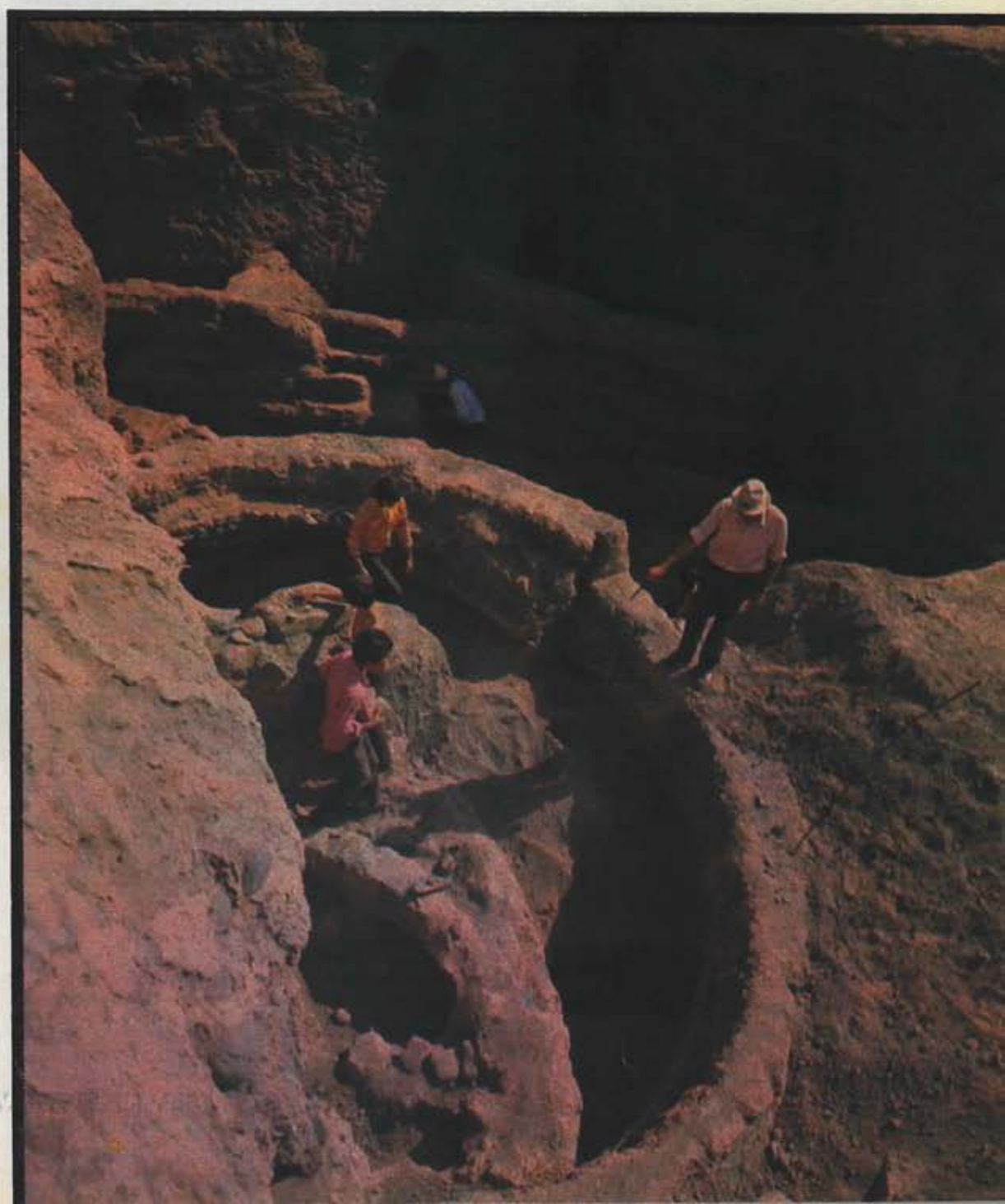
во второй четверти I тысячелетия до нашей эры, остались лишь базальтовые основания колонн, анфилады комнат. Они и поныне внушают почтение к искусству далеких мастеров, вызывают щемящее чувство: все унесено, все погребено Временем. Тогда для мальчика открылся новый мир — заманчивый, прекрасный. Здесь, на Кармир-блуре, и встретились они впервые. Учитель и ученик. Борис Борисович Пиотровский и Григорий Евгеньевич Арешян.

В 30-х годах Кармир-блур («Красный холм», названный так за красноватый оттенок почвы, — результат разрушения древнейших построек из сырцового кирпича) находился вне городской черты Еревана, в пустынной местности на берегу Раздана. Ученые, может быть, долго не обращали бы еще внимания на Кармир-блур, если бы не случайная находка геолога А. Демехина, занимавшегося исследованием базальтовых пород в ущелье реки Раздан. Он и нашел в 1936 году обломок от какой-то большой плиты с клинописными знаками, на котором удалось прочесть имя урартского царя Русы. Это и решило выбор места будущих раско-

ВОЛНУЮЩИЙ МИГ ОТКРЫТИЯ. КОГДА ЗЕМЛЯ ОТДАЕТ АРХЕОЛОГУ ИЗДЕЛИЕ, СОЗДАННОЕ ТЫСЯЧИ ЛЕТ НАЗАД...

АРХЕОЛОГ ГРИГОРИЙ АРЕШЯН: «ЧЕЛОВЕКУ НЕОБХОДИМО ЗНАТЬ ПРОШЛОЕ ВО ИМЯ БУДУЩЕГО».

пок. Спустя несколько лет, в 1939 году, здесь начались систематические раскопки, которыми руководил известный историк, археолог, урартовед Борис Борисович Пиотровский, раскопки, которые принесли славу советскому урартоведению. Было выявлено, что на берегу Раздана существовала могучая урартская крепость Тейшебаини. В крепости жил наместник Урарту со своим военным отрядом, а вне крепости — горожане. Раскопанные залы некогда были украшены дорогими коврами и фресками, изделиями из золота и серебра. Обнаруженные клинописи свидетельствовали, что крепость была построена в VII веке до нашей эры урартским царем Русой II и названа по имени урартского бога Тейшеба, одного из основных богов урартского пантеона — бога войны и бури. Превращенные

в 1941 году раскопки снова были возобновлены через пять лет, когда обнаружили одну из интереснейших археологических ценностей — бронзовый забор с надписью: «Царя Русы, сына Аргишти, арсенал города Тейшебаини». К тому времени итоги раскопок были обобщены в книге Б. Б. Пиотровского «Кармир-блур», одним из классических произведений по истории Древнего Урарту.

Этот труд, выдержавший десятки изданий на японском, английском, итальянском языках, впервые увидел свет в 1944 году — в грозную военную пору. На титульном листе была надпись: «Светлой памяти моих товарищей, молодых ученых, павших при защите Ленинграда, посвящаю эту книгу». Ныне это издание стало библиографической редкостью. А один экземпляр второго издания учитель потом подарил своему ученику: «Дорогому, молодому, но солидному археологу Грише с пожеланиями успеха на археологическом поприще и интересных находок при будущих раскопках, на память о Кармир-блуре. 23. VII. 60 г. Б. Пиотровский».

А четырьмя годами раньше впервые встретился учитель и ученик. Учитель, еще со студенческой скамьи увлекшийся историей Урарту, пешком прошедший всю Армению, исследовавший все древние памятники прошлого и заново влюбившийся в историю далекого Урартского государства. Ученик, впервые встретившийся с тайнами далекого прошлого и со своим будущим. Ученику тогда было всего лишь 5 лет. Внук известного армянского врача Григория Арешяна, прозванного в свое время «богом» за сложнейшие операции и счастливую руку хирурга, он пришел в этот день сюда вместе с матерью Саломеей Григорьевной Арешян, филологом и сотрудницей Б. Пиотровского, который и пригласил их посмотреть раскопки.

В 11 лет Гриша попросил Бориса Борисовича взять его на раскопки. Весь сезон проработал на Кармир-блуре. С тех пор все летние школьные каникулы он проводил на раскопках.

На следующий год мальчик участвовал в экспедиции Исторического музея Армении в раскопках на Севане, где был обнаружен обширный могильник II тысячелетия до нашей эры.

В 13 лет Гриша принимает участие в археологических раскопках в Артике, где был обнаружен могильник бронзового века, датируемый XIV—IX веками до нашей эры.

Но раскопки раскопками, а нужны были знания, специальные знания. Нужно было изучать языки. И мальчик засел за книги. День тогда у Гриши начинался с небольшой утренней «светской» беседы с преподавательницей, жившей в доме напротив и приходившей к Арешянам поговорить на французском с Гришей. Потом мальчик шел к отцу «поболтать» на английском. А в 10 лет Гриша уже читает в подлиннике книги Жака де Моргана, инженера французской компании, осуществлявшей разработку алавердских рудников в Армении в 80-х годах прошлого столетия. Пораженный богатством древних памятников Армении, Жак де Морган занялся археологическими раскопками и издал несколько книг по археологии. Потом мальчик увлекся книгами английского историка и археолога Картера. Так шли дни, складываясь в месяцы, годы. И вот блестяще, с золотой медалью окончена школа.

...1969 год. Внушительный форум маститых ученых, собравшихся в тот день в Эрмитажном театре в Ленинграде на юбилейную годовичную сессию Института археологии и отделения истории Академии наук СССР, был по крайней мере удивлен: еще бы — на трибуну поднялся совсем молоденький студент и прочитал весьма содержательный доклад «Армянский могильник в эпоху раннего железа». Тут-то припомнили, что докладчик являлся автором статьи «Новые археологические находки в бассейне реки Дебед», вызвавшей год тому назад немалый интерес среди специалистов. Это была первая научная статья Арешяна, напечатанная в солидном научном журнале. Студенту III курса исторического факультета Ереванского государственного университета Григорию Арешяну было в ту пору всего 20 лет.

А через три года аспирант ЕГУ Григорий Арешян начинает систематические раскопки на Мохраблуре. «Мохраблур» — «холм пепла», находящийся в четырех километрах к югу от Эчмиадзина, привлек внимание исследователей еще в 1927 году. Раскопками, начатыми в 1970 году группой археологов под руководством Б. Б. Пиотровского и Г. Е. Арешяна, было выявлено, что Мохраблур был разрушен землетрясением в середине III тысячелетия до нашей эры и бо-

лее двух тысяч лет здесь жизнь не возобновлялась. И лишь на рубеже нашей эры, во времена царя Тиграна II, тут возникло бедное античное поселение.

Казалось, это была безнадежная работа: неудача следовала за неудачей. В течение целого месяца непрерывных раскопок шел лишь толстый, туго спрессованный слой желтой земли. Земля была совершенно пустая. Ни одного черепка. Ничего. Григорий совсем отчаялся: впустую пропал месяц работ. И вдруг кирка одного из рабочих наткнулась на стену. Выхватив из рук рабочего инструмент, Гриша принялся за дело. Наиболее волнующий момент раскопок — это процесс самого открытия, когда рабочие убирают землю, и археолог сам начинает раскапывать остатки далекого прошлого.

И вот перед археологами открылось удивительное сооружение древности. Уж насколько привыкли археологи к сюрпризам, преподносимым этой древней землей, но на этот раз и они застыли в изумлении. Большая каменная плита была установлена на вершине башни, которая, в свою очередь, являлась центральной частью древнейшего храма.

— Совершенно уникальная вещь с точки зрения архитектурного сооружения, — комментирует молодой ученый. — Плита четырехметровой длины на платформе длиной восемь и шириной шесть метров, сложенной по периметру из больших обработанных каменных блоков, оказалась алтарем для жертвоприношений.

Г. Е. Арешян определил, что храму, на башне которого установлен алтарь, построенному в первой половине III тысячелетия до нашей эры, почти пять тысяч лет. Мохраблурский храм древнее известного античного храма в Гарни и по крайней мере на две тысячи восемьсот лет старше главного урартского храма в Мусасире. Он является древнейшим памятником монументальной архитектуры на территории СССР. «Это открытие, безусловно, изменит целый ряд научных представлений о древней цивилизации на Армянском нагорье» — так охарактеризовал находку академик Б. Б. Пиотровский.

К этому времени была закончена и диссертация на тему: «Железо в Древней Западной Азии», написанная на основании клинописных текстов на вавилонских, хеттских языках и текстов греческих и латинских авторов. А за день до этого Григорию Арешяну исполнилось 26 лет. Многие из ученых, собравшихся на защиту диссертации, помнили и первое выступление Григория.

Тема диссертации, которую выбрал Арешян, в нашей стране ранее почти не разрабатывалась. Он первый взялся за изучение истории становления индустрии железа. Именно первый — таково общее мнение и официальных оппонентов и ведущих специалистов, высоко оценивших труд молодого археолога. Работы Григория интересуют и его зарубежных коллег — чехословацкого археолога Радомира Плайнера, недавно подарившего Арешяну свою книгу «Железоделие в Древней Греции», и американского археолога Мэрилин Келли-Буччелати, профессора из Лос-Анджелеса, изучающую культуру Армянского нагорья III тысячелетия.

— Человеку необходимо знать прошлое во имя будущего, — говорит Григорий Евгеньевич. — Об этом прекрасно сказал выдающийся русский ученый В. О. Ключевский: «Без знания истории мы должны признать себя случайностями, не знающими, как и для чего мы живем, как и к чему должны стремиться».

Люди, жившие тысячелетия назад, их дела для молодого ученого — не мертвая история. Экскурсы в тысячелетия незримыми нитями связаны с нашим нынешним днем, с делами современников.

Мечты молодого ученого, даже самого абстрактного характера, и те превращаются сначала в планы, а затем в реальность. Сперва мечты были самые скромные — самостоятельно проанализировать хотя бы небольшие археологические раскопки. Мечта воплотилась в конкретные планы изучения древнеземледельческих поселений в Араратской долине, а планы отчасти реализовались раскопками в Мохраблуре.

— Находка Мохраблур, открытие храма — все это было настолько неожиданным, что превзошло не только мои планы, но и все мечты, — говорит молодой ученый.

Добавим, что в Советском Союзе это первый случай, когда двадцатилетний археолог делает такое выдающееся открытие. Открытие, к которому Григорий Евгеньевич Арешян шел всей своей пока еще не очень долгой жизнью.

БРАЗИЛЬСКАЯ МЕТОДИЯ

Начало на 26-й стр.

подавшись вперед, но по его лицу пробегает гримаса напряжения.

— ...вы вызвали Моньо из «Бразилии», чтобы распить с ним две бутылки ракии. Кто их вам дал?

— Знакомые.

— Конкретнее!

— Однокашник по институту, он привез их из села.

— Разве вы не слышали, что я сказал: конкретнее. Называйте имена и фамилии!

— Запрянов... Любен Запрянов, студент нашего курса.

— И когда Запрянов принес вам эти бутылки?

— Не помню точно. Кажется, накануне.

— А если накануне, зачем вам понадобилось вечером идти в «Бразилию» и сообщать Моньо эту радостную весть? Вы могли сказать ему об этом утром.

— Если бы я сказал ему утром, он бы тут же их выпил, — вполне логично отвечает Спас.

— Так. Но он не мог выпить эту ракию еще по одной причине. Догадываетесь?

Влаев пытается изобразить на лице удивление, но безуспешно.

— Моньо не мог приложиться к ракии утром — тогда ее еще не было в вашей квартире. Бутылки вы принесли в обед. Они были завернуты в газету. Но поскольку вы не смогли завернуть в газету самого себя, то люди вас видели.

— Верно! Так и было! — оживает Спас. — Любен мне позвонил утром, и я пошел к нему. Точно так было, сейчас я вспомнил.

— Но вы не вспомнили о другом, — охлаждаю я этот энтузиазм. — Вы купили ракию в ресторане «Рила» на улице Раковского. И хотя избрали для этого оживленное предобеденное время, продавец вас запомнил.

— Большое дело! — усмехается Спас. — Хотел разыграть Моньо, будто это домашняя сливовица. Ведь он считает себя знатоком крепких напитков.

— Вы пытаетесь разыграть и меня. Но я вас предупреждал насчет ответственности за показания. Итак, установлено ваше первое лжесвидетельство.

— Так уж и лжесвидетельство... Делаете из мухи слона!

— Пойдем дальше, — говорю я. — Почему возникла мысль устроить пьянку с Моньо именно в тот вечер?

— Не понимаю, что вы имеете в виду, когда говорите «именно в тот вечер»? Тот или не тот... Что мы, в первый раз собирались выпить!

— Не изображайте недоумение. Я еще в самом начале сказал вам, что именно в тот вечер умер или был убит один человек из вашей компании.

— Как я мог знать, что кто-то будет убит, да еще в тот вечер?

— Допустим, не знали. Но теперь я вас спрашиваю: как возникла мысль купить две бутылки и распить их именно в тот вечер?

— Откуда я знаю? Такие идеи всегда приходят внезапно: накатила тоска, захотелось взбодриться...

— Тоска по приятелю, с которым не виделись пять или шесть часов, — заканчиваю за него я. — Но можно было вместе с Моньо остаться в «Бразилии» или пойти в другое место... Однако вы еще днем идете за выпивкой, приносите ее домой, приводите Моньо и запираетесь в вашей, я бы сказал, неудобной комнате. Не странно ли все это?

— Не нахожу ничего странного!

— Пойдем дальше. До какого часа продолжалась эта подготовленная пьянка?

— До двух ночи... Или, может, до трех. Не помню точно.

— Сколько человек оставалось в комнате до конца пьянки?

— Как и в начале: я и Моньо. А потом мы легли спать.

— Никто из вас не выходил из комнаты?

— Нет.

— Значит, еще три ложных показания,— констатирую я сухо.

Спас бросает на меня быстрый взгляд, но тут же отводит глаза. Он скрещивает руки, возможно, чтобы скрыть дрожь пальцев. Или сдерживает себя. Кисти рук у него большие и крепкие, с короткими цепкими пальцами. Они, вероятно, могут превратиться в увесистые кулаки. В другом месте или при других обстоятельствах человек-бицепс пустил бы их в ход. В наш век, когда люди больше ценят не мускулы, а интеллект, он в отличие от всех гордится своей силой.

— Вся эта пьянка, Влаев, вовсе не результат внезапной идеи. Это вам прекрасно известно. Вам она понадобилась, чтобы доказать, что в ту ночь вы из своей квартиры никуда не отлучались.

— Зачем доказывать, это и так ясно!

— Ясно, да не всем.

— Ну, это ваше личное мнение!— бросает презрительно Спас.— У меня нет желания препираться. Факты, как говорится, налицо.

— К счастью, да. Но они совсем не такие, как вы хотите их представить. Факт номер один: веселье было организовано умышленно, утверждение, будто ракию вам подарили,— чистая ложь. Факт номер два: Мосье уснул задолго до полуночи.

— Мосье сидел со мной до конца!

— Вопреки вашим инструкциям он признал обратное.

— И вы верите показаниям нетрезвого человека?

— Однако этот пьяный человек — главный свидетель при защите вашего алиби!

— Моего алиби?!

— А вы как думаете? Разве я пригласил вас просто поболтать? Каждое ваше ложное показание усиливает подозрение, что именно вы причастны к убийству Асенова.

Лицо Спаса цепенеет. Глаза неподвижно упираются в край стола. У меня появляется ощущение, что он вообще перестал меня слушать.

— Продолжим, Влаев!

— Но подождите!— восклицает он.— Жилец из соседней комнаты может подтвердить!

— Что он может подтвердить? Что у вас играло радио? Но радио может играть и без вас. К тому же весьма многозначительно, что примерно в одиннадцать вы переключились на западную станцию, которая работает и после полуночи.

— Что же тут многозначительного? Хотели послушать танцевальную музыку.

— Но именно в то время и София начала передавать танцевальную музыку. Вы слушали софийское радио в продолжение трех часов, а когда стали передавать танцы, настроились на другую волну.

— Если бы я знал, что вы все так представите, не стал бы этого делать.

— И это ложь! Наши передачи кончаются в полночь, а вам было необходимо, чтобы музыка играла гораздо позже.

— На кой черт мне было это нужно?

— Чтобы соседи думали, что вы в своей комнате, в то время как вы были далеко от дома. Итак, факт номер три: спив Мосье, вы незаметно выпрыгнули в окно и отправились по своим делам.

— Неправда!

Восклицание звучит резко. Глаза Спаса пронзают меня, словно говорят: тут я не отступлю, хоть убей!

— Вас видел сосед с верхнего этажа, Влаев,— говорю я спокойно.

— Возможно, это было в другой вечер.

— Значит, вы часто пользуетесь окном как дверью?

— И что из этого?

— Ничего особенного. Но почему? Плохо закрывается дверь или?..

— Плохо закрывается рот у нашей старухи: «Куда идешь? Зачем идешь?» И так далее. Не люблю я эти расспросы. И потом — привычка с детства.

— А, детские шалости! А в убийства тоже играли?

— К чему такие намеки?

— А почему вы лжете?

— Докажите!

— А верхний сосед?

— Также мне доказательство! Да он терпеть меня не может и готов наговорить что угодно!

— Почему же он вас не терпит?

— Да потому, что мы мешаем ему спать.

— Хорошо. Оставим музыку и вернемся к спорту. Значит, вы умеете прыгать, влезать в окна, взбираться на балконы...

— В нашем доме балкона нет.

— У вас — да. Но в другом месте он есть.

Спас хочет что-то возразить, но сдерживается.

— Итак, сделаем некоторые выводы. Вы уличены во лжи, и ваше алиби рухнуло окончательно. Остается ответить на вопрос: выпрыгнув из окна около двенадцати, куда вы пошли и что делали?

— Для меня такого вопроса не существует,— медленно отвечает Спас, снова вперив в меня свой наглый взгляд.— Я ни на минуту не отлучался из своей квартиры.

— Это все, что вы можете сказать?

— Я повторяю: для меня этого вопроса вообще не существует.

— Как угодно! Только имейте в виду, что упорство не всегда бывает ценным качеством. В вашем изложении оно крайне опасно. Опасно до такой степени, что вызывает необходимость немедленно задержать вас.

При этой фразе многие начинают говорить правду, но Спас стоит на своем.

В продолжение многих лет мне приходилось видеть разных людей, которые отрицали вину с изумлением или негодованием, повторяли одну и ту же фразу или пытались защищаться любыми доводами. У лжи, как и у правды, может быть разная интонация. Но, имея опыт, можно все-таки разобраться, когда человек, сидящий перед тобой, лжет, хотя и смотрит невинными глазами младенца. Труднее установить, с какой целью этот человек увертывается, ибо не всякий обманщик убивал или был соучастником убийства.

— Вообще-то вас следует задержать,— говорю я.— Но я сделаю исключение и дам вам отсрочку. Подумайте и, если появится желание что-нибудь добавить, приходите. А пока вы свободны.

Спас оцепенело встает, словно не может прийти в себя от столь неожиданного оборота дела. Затем, не взглянув на меня, направляется к дверям медленной, неуверенной походкой. Да, палуба сильно качается под его ногами...

— Минутку!— останавливаю я Влаева в последний момент.— Чуть не забыл: что это за история с вашей неудавшейся поездкой в Югославию?

Спас медленно оборачивается. Опущенные губы выражают апатию и усталость.

— Спросите ваших людей. Они мне отказали в заграничном паспорте.

— К кому и зачем вы собирались ехать?

— Ни к кому и ни зачем. Просто посмотреть мир, как это делают тысячи.

— А где сейчас ваш отец?

— Понятия не имею. Наверное, где-то в Австрии.

— Вы пишете ему, он — вам?

— Я — ему?

На лице Влаева возникает такая неприязнь, что вопрос об отношениях между отцом и сыном становится лишним.

— А у вас есть желание с ним повидаться?

— Почему же нет! С удовольствием бы увидел, чтобы набить ему морду.

И поскольку вопросов больше нет, Спас толкает дверь и уходит.

Итак, разговоры с последними двумя «персонажами» из очерченного круга — Магдой и Спасом — до известной степени подкрепили мои подозрения. Магда Коева помогла мне узнать о существовании пачки стодолларовых банкнот, которые не были найдены в комнате Асенова. А тот факт, что Асенов имел привычку прятать бумажник под подушку, подтверждает одно из возможных объяснений всей сложной операции. Если деньги находились не в пиджаке, накинутом на стул около балкона, а рядом с Асеновым, убийце нужно было, чтобы он не просто уснул, а уснул навсегда. Возможен и другой вариант: вор счел необходимым отравить Асенова, ибо тот хорошо знал его и мог изобличить.

Эти подробности подкрепляют, но еще не доказывают мою версию. Как не доказывают ее и результаты допроса Влаева. Конечно, Влаев — одна из самых подозрительных фигур круга. Он уходил ночью и разыграл весь спектакль, чтобы прикрыть свое исчезновение и создать себе алиби. Но, во-первых, исчезновение Влаева не доказано. Показания одного соседа не могут быть уликой, роковой для Спаса. И если даже эти показания подтверждаются другими фактами, даже если сам Влаев признается, что из этого? От окна, из которого Спас привык прыгать, до комнаты на пятом этаже — большая дистанция, и не только в смысле метров, но и в смысле доказательств виновности Влаева...

Все эти детали, как и некоторые другие, были тщательно «просеяны» полковником и мной, когда я снова появился в кабинете шефа.

— Горизонт проясняется,— отмечает шеф.— Однако до цели еще далеко. А между тем эмигранты уже подняли шум. Ночью «Свободная Европа» передала комментарий.

— Быстро пронохали!

— Было где пронохать. Мы сообщили обо всем матери Асенова в Мюнхен.

— Естественно.

— Требуется максимально ускорить следствие. И чем быстрее ты справишься с заданием, тем быстрее смолкнут клеветники.

— Понимаю,— отвечаю я со вздохом и встаю.

— Что касается остального, действуй по своему плану,— заключает полковник и слегка улыбается, что на его языке означает: «Извини, что я жму на тебя,— на меня тоже жмут».

Вы можете подумать, что я тут же пускаюсь по очерченному кругу, как разъяренный тигр по клетке. Ничего подобного. Сажусь за свой стол, хоть пошел уже пятый день расследования, беру телефонную трубку и продолжаю разговоры с коллегами из различных служб. Покончив с этим, раскрываю газеты.

Чтение газет занимает у меня целый день.

Подобным образом проходит и следующий день. Я не вылезая из кресла. Никаких событий, по крайней мере в моем круге. Зато хватает новостей, происходящих вне его. Еще две эмигрантские передачи с намеками на политическое убийство. В нашей печати тоже появляется краткое сообщение о том, что по делу Асенова ведется следствие, и это заставляет меня вновь обратиться к прессе.

За газетной строкой стоят люди, я в этом еще раз убеждаюсь, когда в моем кабинете появляются журналисты. Отсылаю их в соответствующие инстанции и только собираюсь набрать нужный мне номер, как приходит лейтенант и сообщает, что какая-то молодая женщина очень хочет меня видеть, но не желает называть свое имя.

«Дора... Наконец-то»,— думаю я и велю ее пропустить.

Однако осечка! Женщина, которая входит в кабинет, не имеет с Дорой ничего общего.

— От меня не отвертитесь!— угрожающе заявляет она, приближаясь к моему столу.— Я из газеты!— Она сообщает место своей работы.— Общественность имеет право знать правду, товарищ подполковник!

Откуда она знает, что меня повысили на одну звездочку?

— Если речь идет об общественности, это совсем другое дело,— поднимаю я обе руки.— Однако на данном этапе еще далеко не все ясно.

— В этих вещах я разбираюсь! Я хочу задать вам несколько самых скромных вопросов.

— Если скромных, то прошу.

— Кто, по-вашему, убийца?

— Тот, кто совершил это убийство.

— Вы не шутите!

— А я и не шучу. Говорю вам чистую правду.

— С какой целью совершено убийство?

— Чтобы помешать Асенову жить.

Она начинает было записывать, но останавливается на середине фразы.

— Скажите хотя бы, каким методом следствия вы пользуетесь.

— Простейшим: хожу от человека к человеку и задаю вопросы.

— От вас ничего не добьетесь! А наша общественность имеет право знать правду.

— Узнает, не волнуйтесь.

— А что делать мне? Где добыть интересную информацию?

— Вы думаете, мне не нужна интересная информация?

Только уходит бойкая дама, как звонит телефон. Предчувствие меня не обмануло. Привет от Доры. Хотя и косвенный: только что увидели ее на Орловом мосту вместе с Филипом. Нужно поговорить с Дорой с глазу на глаз и сегодня же. В дверях опять появляется лейтенант.

— В проходной ждет Влаев.

— Пусть войдет.

Человек-бицепс входит как в воду опущенный. Я лишь приподнимаю голову и смотрю на него вопросительно. Влаев тяжело опускается на стул.

Он явно не знает, как начать, хотя, наверное, досконально все обдумал. Наверное, кто-то ему посоветовал разыграть роль раскаявшегося грешника. Грешник — да, но не верится, что раскаявшийся.

— Хочу поблагодарить вас,— наконец начинает он,— за то, что дали мне возможность подумать. Я понял, что моя ложь, какой бы она ни казалась мне невинной... Понял, что эта ложь может помешать вашей работе, решил рассказать вам все, как было...

Продолжение следует.

Рисунок Геннадия УЗУНЯНА

Рисунок Владимира СПЕЛЬНИКОВА

Рисунок Леонида ТИШКОВА

Рисунок Ивана АНЧУКОВА

Рисунок братьев БИН

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ | Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО | ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

ПРИГЛАШАЕМ В ТУРНИРЫ!

Редакция «Смены» объявляет конкурс на лучшее проведение турниров новичков.

Такие соревнования можно провести на предприятии и в учреждении, в колхозе и совхозе, в воинской части, среди студентов и школьников — словом, в любом коллективе.

Если в турнир запишется от 6 до 10 человек, то друг с другом они играют по две партии, а при 11 и более участников — по одной партии. В турнир не следует включать свыше 20 человек — игра может затянуться. При большом числе желающих целесообразно разбить шахматистов на ряд турнирных групп (их количество не лимитируется).

Когда турнир закончится, надо аккуратно начертить на обычном листе бумаги таблицу результатов (где участники располагаются не по жеребьевке, а в порядке занятых в турнире мест). Такую таблицу необходимо подписать организатору и руководителю коллектива, в котором проведен турнир, а также заверить печатью.

Набравшим не менее 60 процентов от суммы возможных очков будут высланы справки о присуждении четвертого разряда по шахматам. Тем, кто претендует на получение третьего или вто-

рого разряда, нужно представить записи всех своих партий данного турнира.

Участники конкурса, организовавшие турнир (или турниры) с 20 новичками, будут награждены дипломами «Смены». Фамилии лучших популяризаторов шахмат мы опубликуем.

Вместе с надлежащим образом оформленной таблицей результатов каждый участник конкурса сообщает, кроме фамилии, имени и отчества, свой возраст, место работы или учебы, точный домашний адрес, а также краткие данные о шахматисте-новичках, выполнявших в турнире разрядный норматив.

Запомните, пожалуйста, что письма в редакцию на наш конкурс следует посылать не позже декабря 1976 года.

К сведению участников нашей 18-й шахматной олимпиады: работу жюри по подведению результатов этого массового читательского соревнования намечено завершить к концу года, после чего «Смена» напечатает итоговый материал, расскажет о победителях.

ИГРАЮТ НОВЫЕ ЧЕМПИОНЫ!

Финал шахматного первенства РСФСР проводился в этом году в Новосибирске. В турнире участвовало 18

мастеров из пятнадцати городов Российской Федерации. Новым чемпионом стал Н. Рашковский из Кургана. Его игровой почерк наглядно иллюстрирует партия против калининградца А. Малевинского, фрагмент которой мы предлагаем вниманию читателей.

Вы видите позицию, создавшуюся после 15-го хода черных. Игравший белыми Н. Рашковский ради инициативы отдает ферзя за ладью, легкую фигуру и пешку.

16. Кf3:d4! Лf8 — d8 17. Кd4:c6! Лd8:d2 18. Кс6:e7+ Крg8 — f8 19. Лd1:d2 Крf8:e7 20. Ke4 — c3!

Вынужденные отражать угрозы соперника, как, например, коневую «вилку»

21. Кd5+, черные так и не успевают продемонстрировать мощь своего ферзя.

20. ...Кре7 — f8 21. Кс3 — d5 Фb6 — a5 22. b2 — b4 Фa5 — a3 23. Лс1 — с3 Фa3 — a4 24. b2 — b3 Сg4 — d7 25. Лd2 — c2 Cd7 — e6 26. a2 — a3 Ла8 — d8 27. Лс2 — d2 Лd8 — e8 28. Сg2 — f3!

Понятно, что взятие пешки 28. ...С:h3 ввиду ответа 29. g4! черных, естественно, не устраивает. Свой выбор они останавливают также на неуместном, хотя и внешне активном пешечном выводе. Лучшим оборонительным шансом был маневр 28. ...Лd8.

28. ...a7 — a5! 29. Кd5 — b6! Фa4 — b5 30. Кb6 — d7 +! Се6:d7 31. Лс3 — c5! a5:b4.

Это приводит к проигрышному для черных ладейному слоновому эндшпилю. Правда, и вариант 31. ...Фa4 32. Л:a5 Фb3 33. Л:d7 вел к явной выгоде белых.

32. Лс5:b5 Ca7:b5 33. a3:b4, и белые легко реализовали преимущество.

Победителем недавнего чемпионата Украины стал одесский мастер Михаил Подгаец. Его шахматный стиль характеризует партия с львовским спортсменом В. Бутурным, финал которой мы ниже приводим.

На диаграмме оговорено положение фигур, возникшее после 25-го хода черных. Энергичным пешечным прорывом в центре игравший белыми новый чемпион

Украины вскрывает магистраль для ладьи и, что еще важнее, максимально активизирует своего слона.

26. d4 — d5! Сf6:e5 27. Лe1:e5 Фd8:b4 28. d5:e6 f7:e6 29. Лe5:e6 Кf5 — g7 30. Лe6 — f6 Фb4 — b5 31. g2 — g4! Фb5 — b5 32. Фf3 — b7!

Вторжение белого ферзя в лагерь соперника создает массу угроз, и отнюдь не случайно черные без промедления отдают качество, чтобы ликвидировать самую неприятную для себя фигуру — слона на поле «с3». Но эта акция не спасает.

32. ...Лс8:c3 33. Лf6:f8+ Крg8:f8 34. b2:c3 Фb5 — e2 35. Фb7 — c8 +! Кg7 — e8 36. Лd1 — d4 Фe2 — e1 + 37. Кpg1 — g2 Фe1 — e5 38. Фс8 — d8!, и вскоре черные пошли на капитуляцию.

56

НЕ СКАЖИТЕ СЛОВО.

Слова Инны ГОФФ
Музыка Яна ФРЕНКЕЛЯ

Начинается лето,
Бьет черемуху дрожь.
Для чего мне все это —
Ты сегодня не придешь!
Наливается цветом
На смородине гроздь.
Для чего мне все это,
Если мы с тобою врозь!

Припев:

Ну, а лето продолжается,
Надо мной не хочет скалиться,
И стоит пора прекрасная, ясная,
Ночью светит тихая луна.
Под луной дорога белая,
Что-то все не то я делаю,
Проглядела ненаглядного, ладного,
Долгим летом маюся я одна.

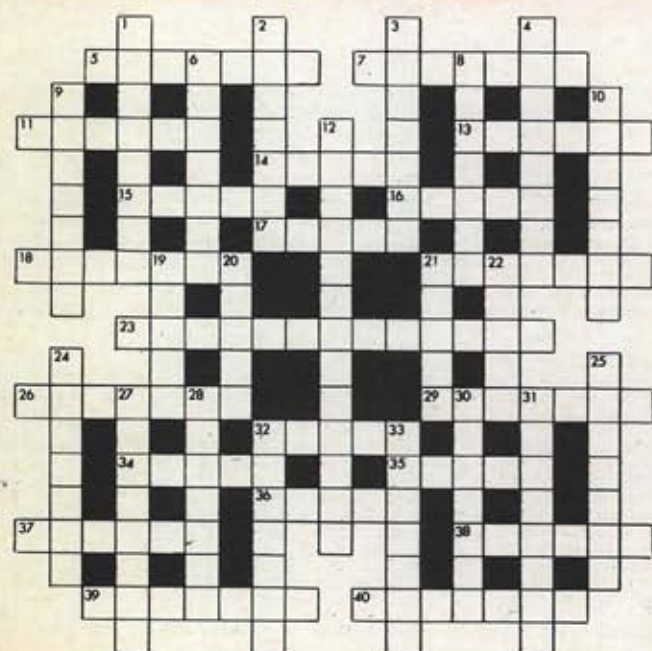
Наклоняется ива,
Воду пьет из пруда.
Без тебя быть счастливой
Не сумею никогда,
Ночь приходит, тревожа,
Сон упрямо гоня...
Ты, наверное, тоже
Пропадешь без меня.

Припев.

НУ, А ЛЕТО ПРОДОЛЖАЕТСЯ

КРОССВОРД

Составил Р. МАЛЯРЧУК
г. Рига

По горизонтали:

5. Вид живописи. 7. Герой трагедии А. С. Пушкина. 11. Грибы, используемые в хлебопечении. 13. Спортивное соревнование по круговой системе. 14. Субтропическое плодовое дерево. 15. Тринотажная ткань редного плетения. 16. Газета Итальянской компартии. 17. Кислое молоко особой закваски. 18. Спортсмен, артист цирка. 21. Английский химик и физик XVIII—XIX веков. 23. Высший орган государственной власти. 26. Родина. 29. Вид изобразительного искусства. 32. Злаковое растение. 34. Город в Эстонии. 35. Отрезная часть ценных бумаг. 36. Мясное иушанье, сладкий пирог. 37. Типографский шрифт. 38. Складная тренога для геодезических инструментов. 39. Роман Э. Золя. 40. Гористая область в Греции.

По вертикали:

1. Русский поэт, представитель классицизма. 2. Штат в США. 3. Положение в боксе. 4. Порт Канады. 6. Планка вдоль стыка стены с полом. 8. Двустворчатый моллюск. 9. Основное исходное положение теории, учения, взглядов. 10. Специалист, изучающий язык и литературу определенной страны, народа. 12. Роман М. С. Шагинян. 19. Город в Татарии. 20. Приток Тобола. 21. Свободное от работы время. 22. Герой «сказа» Н. С. Лескова. 24. Небольшая часть литературного произведения. 25. Коралловый полип. 27. Величина в математике. 28. Приток Десны. 30. Лососевая рыба. 31. Творческое воображение. 32. Приспособление в музыкальном инструменте для приглушения звука. 33. Опера В. И. Мухоморова.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 17

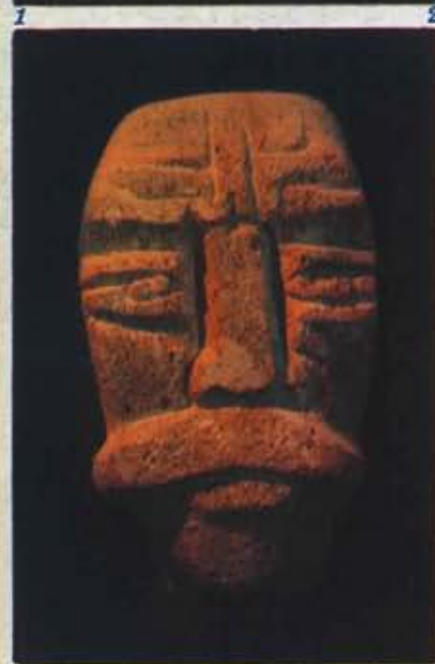
По горизонтали:

3. Владивосток. 5. Колонка. 7. Створка. 9. Смена. 10. Швеция. 11. Алтай. 14. Василевская. 15. Сероводород. 17. Строй. 18. Скотт. 19. Клерк. 22. Рубидий. 23. Океания. 24. Краснокамск.

По вертикали:

1. Панно. 2. Оттава. 3. Волынов. 4. «Карелия». 5. Комментарий. 6. Ковалевский. 7. Садоводство. 8. Александрия. 12. Истра. 13. Аккра. 15. Столбик. 16. Долины. 20. Идеал. 21. Ферма.

О ЧЕМ РАССКАЗАЛ КАМЕНЬ

Не предполагал, что в мастерской молодого азербайджанского скульптора Фуада Бакиханова мне доведется так необычно познакомиться с народным художником Азербайджанской ССР Саттаром Бахлул-заде: передо мной был высеченный из камня портрет известного советского живописца. И первого взгляда на скульптурный портрет оказалось достаточно, чтобы понять незнакомого мне до сих пор человека.

Ожившие в памяти его картины вдруг словно заговорили, раскрывая изначальную свою сущность, как и сущность их автора. Я понял, что те взволнованные, романтические, порой загадочные пейзажи, наполненные чистым и прозрачным воздухом Азербайджана, могли быть созданы именно ЭТИМ человеком, с ЭТИМ своеобразным национально-сказочным обликом... Для меня, зрителя, уже не существовало извечного вопроса «похож — не похож», потому что скульптор открыл мне самую со-

1. МАТЕРИНСТВО.
2. СТАРИК.
3. САДОВНИК.
4. АВТОПОРТРЕТ.
5. ЖЕНЩИНА И ДЕРЕВО.
6. ПОРТРЕТ БАХЛУЛ-ЗАДЕ.

кровенную сущность человека, художника — истоки его искусства.

Столь обильное рассуждение о портрете должно, мне кажется, в еще большей степени сказать о самом авторе. Несмотря на молодость, Фуад Бакиханов известен уже как глубокий и своеобразный мастер скульптурного портрета. Острая, подчас неожиданная композиция, размашистая лепка крупными объемами помогают ему решать самые сложные психологические задачи. Но иногда скульптор как бы сознательно усложняет путь к решению этих задач и отказывается от таких действующих на зрителя средств, как необычность манеры или приема. С таких позиций решал скульптор «Автопортрет», выполненный в сурово-сдержанных, предельно ясных, можно сказать, античных традициях. Но при подчеркнуто статичной композиции, академически законченной форме портрет глубоко психологичен, ибо убедительно говорит о главном образе художника — о нелегких раздумьях над жизнью, творчеством, над искусством.

Традиционность вообще присуща работам Фуада Бакиханова, скульптора в определенном смысле остросовременного. Заключается она в том, что он откровенно любит извечные темы искусства. Но решает их по-своему, с точки зрения современного человека. Посмотрите на его скульптурную композицию «Материнство» [кстати, это одна из работ, за которую молодой мастер удостоен республиканской премии комсо-

мола]. Чувства, которые с давних веков окружали эту тему, как бы по-разному они ни были выражены, неизменно тяготели к некоей настороженности, затаенной грусти или откровенному страху перед неизбежностью жертвы. Фуад Бакиханов создает образ подчеркнуто нежный, мягкий, но при этом он останется полон раскованной уверенности и внутренней силы. И это одна из главных примет современной нашей жизни, глубоко понятая и выраженная скульптором.

Решая подобные темы с позиций современника, скульптор как бы возвращается к истокам искусства, подчеркивая непрерывность его развития, его бесконечность.

Алексей НИКОЛАЕВ